

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

**ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

МОСКВА

1990

АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

МОСКВА
1990

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ :

**Л.Н.Смирнов - ответственный редактор,
Т.Н.Молошная,
М.А.Осипова.**

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга содержит материалы советско-польской конференции "Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков", которая была проведена в Институте славяноведения и балканистики АН СССР 3-5 октября 1989 г. по плану двустороннего научного сотрудничества между АН СССР и ПАН, и ряд статей, написанных для данного сборника. Конференция была посвящена актуальным проблемам теории и методологии сопоставительного изучения грамматики славянских языков, типологии грамматических и лексико-грамматических категорий, а также обсуждению конкретных результатов сопоставительных исследований в области морфологии, морфологии и синтаксиса славянских языков. Наряду с данной книгой по материалам конференции подготовлен сборник статей советских и польских ученых, который будет опубликован в Польше.

Книга характеризуется определенной проблемно-тематической целостностью. Она открывается статьей, в которой по-новому трактуется принципиально важный для теории сопоставительно-грамматических исследований вопрос об исходной базе сопоставления. Теоретико-методологические аспекты затрагиваются и в других статьях, посвященных отдельным фрагментам грамматической системы славянских языков. Значительное место в книге занимают проблемы сопоставительной славянской аспектологии и смежные вопросы (семный состав глагольного вида; анализ способов глагольного действия; образно-экспрессивное употребление видо-временных форм глагола; вопрос об освоении славянской видовой системой глаголов иноязычного происхождения и др.). Тщательно проанализированы категории залога и сослагательного наклонения. Интересны в теоретическом и методическом плане статьи о глагольной основе в аспекте морфологии и о выделении морфологических признаков. Ряд статей посвящен семантико-синтаксической проблематике, связанной с категорией посессивности и выражением временных отношений в структуре простого предложения.

К ТЕОРИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ГРАММАТИКЕ

Важность сопоставительного исследования грамматического строя родственных и неродственных языков не подвергается сомнению. В то же время специфическая методика таких исследований, вопрос о самом их объекте, их направленность на решение тех или иных конкретных задач, выходящих за пределы самого сопоставления, выбор вытекающего из поставленных задач основания для сравнения, той обшей исходной платформы, на фоне которой изучаются сходства и различия между сопоставляемыми явлениями, еще остаются недостаточно разработанными и во многом дискуссионными.

Это относится как к сопоставительным работам по грамматике, основанным на принципе "от формы к содержанию", так и к исследованиям, ориентируемым на уровень означаемого и базирующимся на принципе "от содержания к форме".

Подход "от содержания к форме" во всех своих разновидностях имеет больше сторонников в сопоставительных исследованиях грамматического строя языков. Здесь можно указать на разные варианты семиотического и логистического подхода, а также подход с позиций универсалий, когда за основу сравнения берется какое-либо достаточно широкое понятие (типа темпоральность, модальность, аспектуальность, залоговость), безусловно, так или иначе отражаемое в языках мира, и рассматриваются те грамматические или лексико-грамматические средства, с помощью которых оно передается в сравниваемых языках. В этой связи можно назвать и во многом сходный "номатический" подход, сторонники которого предлагают в качестве основания для сравнения взять специально сконструированные единицы ("ноэмы"), не связанные с конкретными языками, т.е. не зависящие от особенностей одного или нескольких конкретных языков, но достаточно тесно связанные с языком в целом (и в этом смысле не являющиеся внеязыковыми)¹. Альтернативой такого подхода - впрочем, кажущейся - является подход к сопоставительному исследова-

нию на основании так называемых функционально-семантических категорий (ФСК) ² или функционально-семантических полей ³. Кажущаяся – поскольку здесь за основу сравнения фактически также берется "ноэма", выделяемая, однако, на основании того, что присущее ей содержание хотя бы в одном из языков мира закреплено за какими-то формальными грамматическими единицами. Ср., например, ФСК "преизказность" (пересказывательность), наличие которой постулируется во всех славянских языках (и всех языках мира) на том основании, что она формально выражена в болгарском языке ⁴.

Применение описанных методов сопоставления конкретных языков, безусловно, позволяет сделать ряд важных наблюдений. В частности, оно поможет выявить общее и специфическое в структуре представления в сравниваемых языках универсальных грамматических категорий, т.е. содержательных категорий, закрепленных во всех языках в системе формальных грамматических единиц; позволит описать средства передачи определенного мыслительного содержания, в силу принципа избирательности не закрепленного в данном привлеченном к сопоставлению языке в специальных грамматических единицах, входящих в состав той или иной грамматической категории или образующих самостоятельную грамматическую категорию; даст возможность построить иерархию значащих единиц различной протяженности – лексических, морфосинтаксических единиц, предложений, перифраз еще большего объема, участвующих в передаче в сравниваемых языках той или иной номатической категории.

Нельзя, однако, не обратить внимания на определенную опасность, подстерегающую на этом пути. Как известно, "семантическое членение ("картирование") действительности тем или иным языком является, вообще говоря, произвольным, и семантическая "карта" какого-то одного языка отлична от семантических "карт" всех прочих языков" ⁵. Подход "от содержания к форме" с его в общем-то одинаковой при всех описанных принципах сравнения задачей поиска в данном

языке чего-то, заранее сформулированного на основании знания других языков ("чего-то", присущего хотя бы одному из них, или "чего-то", являющегося универсальным, или "чего-то", не присущего конкретно ни одному из языков, но сформулированному на основании знакомства с ними), затуманивает эту картину.

Кстати, успех такого поиска, в сущности, предопределен. Действительно, любое содержание так или иначе, с помощью грамматических единиц или тех или иных средств контекста (текста) может быть передано на любом языке (хотя, замечу, отнюдь не обязательно эксплицируется в естественно построенном на данном языке высказывании)⁶. Однако при этом — что представляется принципиально важным — не учитывается динамика живого функционирования привлеченного к сопоставлению языка, тот присущий ему механизм сегментации внеязыковой действительности и синтеза высказывания, который, собственно говоря, составляет его специфику. В этом смысле каждый из описанных выше подходов к сопоставительному исследованию страдает известной статичностью, ориентирован на "готовый" текст на сравниваемых языках (в частности, на переводной текст с одного из сравниваемых языков на другой).

Нельзя не отметить, что выявление функциональных эквивалентов путем рассмотрения сопоставляемых языков сквозь призму универсальных, номатических или функционально-семантических категорий как бы "выхватывает" те или иные средства из целостной системы присущих им в данном языке взаимосвязей, не позволяет понять, "как семантический объем каждой единицы определяется её "соседями", то есть семантически родственными единицами того же класса"⁷. Поскольку при этом грамматические единицы рассматриваются лишь как одно из средств передачи искомого содержания, наличествующее, возможно, лишь в одном из сравниваемых языков, сопоставление с целью выявления состава и специфики самих грамматических категорий, определяющих в конечном счете механизм функционирования данного языка, отсут-

пают на задний план.

Еще одно замечание. Поскольку, по определению, ФСК — это "языковая понятийная категория, которая представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать между собой для выражения определенных семантических функций, т.е. она охватывает единую по содержанию сферу, в устройстве которой участвуют различные языковые средства: морфологические, синтаксические, лексикальные, словообразовательные, акцентологические, морфологические средства в своей прямой функции, а также различные комбинации этих средств"⁸, сравнение даже двух достаточно близких языков на основании столь разнородного и широко понимаемого *tertium comparationis* может привести, по крайней мере в более сложных случаях, лишь к весьма аморфным выводам, и при этом "не бить в цель".

Попытаемся обосновать возможность иного подхода к рассматриваемой проблеме⁹. В известной мере он основывается на мысли Д.В.Щербы о том, что в противоположность индивидуальному, существующему "в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи (лексика)"¹⁰, типовое, грамматическое выступает как система действующих в момент речи правил создания и функционирования языковых единиц, как начало, организующее творческие процессы говорения и понимания¹¹.

Именно это различие действующих в момент речи, в момент порождения высказывания правил, обязательность активно осуществляемых при этом говорящим процедур выбора между грамматическими категориями (шифтерными и нешифтерными), между грамматическими единицами одного класса, входящими в состав тех или иных оппозиций, и привлекает наше внимание как еще одна возможная база сопоставления грамматического строя языков.

Исходя из утверждения А.Мартине о том, что "высказывание содержит именно столько единиц, сколько в нем различных актов выбора"¹², а также из справедливого замечания Р.Якобсона о том, что грамматика выделяет определенные во-

пекты опыта и делает их выражение обязательным (чем и определяется обязательность выбора между входящими в ту или иную оппозицию грамматическими единицами в процессе построения высказывания) ¹³, предлагаем за основу сопоставления в ориентированных на динамический аспект грамматики исследованиях брать набор и семантическую мотивировку тех "минимальных различительных актов выбора" (Мартине), которые обязательно осуществляются носителем каждого из сравниваемых языков при построении сходных по содержанию и коммуникативному заданию сообщений.

Как известно, многие аспекты опыта, обязательно фиксируемые в грамматическом строе одного из языков, могут полностью игнорироваться другим языком (Сепир). Иными словами, разные языки по-разному сегментируют внеязыковую действительность, закрепляя в своих грамматических единицах разные аспекты этого анализа, разное мыслительное содержание, участвующее затем через эти единицы в процессе синтеза высказывания (и в процессе его декодирования слушающим). Неодинаковым при этом оказывается и сам механизм передачи сходной информации.

Так, например, если вслед за У.Вейнрейхом ¹⁴ рассматривать "пересказывательное наклонение" в болгарском языке, формы на *-miş* в турецком, "quotative" в хопи, конъюнктив в немецком как средство нейтрализации утвердительности, мотивируемое указанием на неуверенность говорящего в истинности сообщения (*Er ist krank* 'Он болен' vs *Er ist krank* 'Он (якобы, по слухам, по его словам) болен' ¹⁵, можно воспользоваться этим, чтобы показать различие в механизме порождения соответствующего высказывания на названных языках и на русском языке. Говорящий на русском языке путем осуществления обязательных актов выбора форм предиката фактически строит "утвердительно" высказывание (Он болен, ср., он был болен) и одновременно вводит в него специальные средства, снимающие данную "утвердительность": он (+ якобы) болен; он (+ по слухам) болен; он (+ по его словам) болен. Выбор этих средств с ком-

муникативным заданием данного конкретного высказывания - нейтрализация "утвердительности" - и осуществляется говорящим лишь по мере надобности.

Механизм порождения текста на болгарском языке (и других здесь названных языках) иной. Здесь нет оснований говорить о снятии, нейтрализации "утвердительности" в процессе порождения высказывания, т.к. здесь с р а з у, при выборе соответствующей формы предиката, избирается форма, передающая "неутвердительность" (Той бил болен, Ег веі kpank). При этом, коль скоро выражение "неутвердительности" грамматически закреплено за определенной языковой единицей, вступающей в оппозицию с немаркированной по этому признаку формой, выбор между "неутвердительной" - "утвердительной" формами предиката (ср. Той беше болен, Ег іst kpank) становится для говорящего обязательным актом при построении л ю б о г о высказывания, претендующего на то, чтобы быть правильно понятым слушающим, декодирующим сообщение. Иными словами, речь в таких случаях должна идти не о "замене индикатива на конъюнктив", как это определяет Вейнрайх, исходя из целей своего описания, а об обязательном выборе между этими формами, который говорящий всякий раз осуществляет при построении глагольного высказывания. При этом неважно, изберет ли он маркированную форму или - в позиции нейтрализации в условиях контекста, делающих избыточной передаваемой маркированной формой информации, - прибегнет к употреблению немаркированной формы: в любом случае он осуществляет обязательный выбор между ними. Ср., например, в болгарском: ...според него, ние сме въвели народоползена работа (Г.Болен) - выбор "неутвердительной" формы в "избыточных" условиях контекста: "Според както се говори, сичките едногласно ще предложат съединението на Бъсточно Румелия с Княжеството (И.Вазон) - выбор "утвердительной" формы в аналогичном контексте.

Интересно сопоставить объем той информации, которую несет "утвердительное" (в определении Вейнрайха) высказы-

вание на русском языке, с объемом информации, необходимым носителю болгарского языка для однозначного осмысления содержащейся в русском высказывании информации, — с целью, например, построения аналогичного по смыслу высказывания на болгарском (перевода). Воспользуемся случайным текстом из рубрики "Ученые шутят" одного из научно-популярных журналов на русском языке. Описывая способы создания у слушателей в демагогических целях недоверия к какому-либо факту посредством соответствующих словесных оборотов, автор приводит такой пример "нагнетания недоверия по степени": "Произошло событие А"; "Мне сообщили, что произошло событие А"; "Мне пытались внушить, что произошло событие А"; "Мне назойливо внушали, что якобы произошло событие А. Впрочем, было известно, что проверить это утверждение я не могу" 16.

Нетрудно убедиться, что "нагнетание недоверия" к первоначально "утвердительному" высказыванию ("произошло событие А") в приведенном русском тексте осуществляется с помощью дополнительно вводимых в высказывание лексико-семантических средств. При этом те акты выбора (индикатив, 3 л. ед. числа прош. времени глагола сов. вида), которые были обязательными для говорящего при определении предиката исходного высказывания, при всех последующих модификациях по степеням недоверия к сообщаемому остаются неизменными. Само исходное высказывание при этом воспринимается русским языковым сознанием как содержащее достаточный для адекватного понимания слушающим объем информации.

Это сразу же становится иным, если попытаться осмыслить высказывание "Произошло событие А" (в том виде, как оно фигурирует в русском тексте — изолированно, без пояснения каких-либо обстоятельств, при которых произошло это событие, в частности, без уточнения места говорящего по отношению к сообщаемой ситуации, его включенности / невключенности в эту ситуацию) с точки зрения того объема исходной информации, который необходим носителю болгарского языка для построения аналогичного высказывания.

А именно, говорящий на болгарском языке обязан знать (а этого нельзя однозначно понять из приведенного русского высказывания) и должен обязательно передать в своем высказывании мысль о том: /1/ был ли говорящий очевидцем этого события или нет; /2/ даёт ли говорящий свою личную информацию о событии или основывается на чужом сообщении; /3/ мог ли говорящий лично убедиться в том, что это событие произошло, или он на основании каких-то известных ему данных лишь высказывает свое умозаключение о том, что данное событие имело место, — эти сведения необходимы ему для выбора соответствующей формы предиката. Кроме того, он должен также иметь (и передать) информацию в иной — темпоральной — плоскости, а именно, информацию о том, должно ли быть связано это событие с каким-то определенным кругом событий прошлого, в цепи которых оно произошло, или факт данного события в прошлом констатируется в аспекте ситуации в настоящем (или в какой-то другой момент прошлого), т.к. этим определяется выбор временных форм сказуемого (аорист, перфект, плюсквамперфект). Необходима также информация, связанная с определенностью / неопределенностью субъекта данного высказывания, на чем мы здесь не будем останавливаться.

Таким образом, на месте высказывания "Произошло событие А" в силу отсутствия в нем необходимой информации, в болгарском языке в принципе возможны высказывания типа: Времето се промени — (се е променило, беше се променило) — включенность говорящего в ситуацию, непересказывательные формы аориста, перфекта, плюсквамперфекта; Времето се променило (беше се променило) — невключенность говорящего в ситуацию, пересказывательные формы указанных времен в императивной или комментативной функции; Времето се е променило (се е било променило) — включение говорящего в ситуацию путем умозаключения о ней, конклавзивные формы указанных времен.

При последующем "нагнетании недогоярия по степеням" в число актов выбора, обязательно участвующих при передаче

необходимой информации, включаются эмфатические пересказывательные формы. При этом сами условия выбора благодаря наличию в русском тексте нейтрализующих "утвердительность" средств становятся более определенными. В косвенной речи ("Мне сообщили, что произошло событие А") возможен выбор между непересказывательными, пересказывательными (и, возможно, эмфатическими пересказывательными формами), в остальных предложениях - между обычными и эмфатическими пересказывательными формами.

Множество таким образом установленных для каждого из сравниваемых языков актов выбора (гевр. объем мыслительного содержания, закрепленного в каждом из них за определенными грамматическими единицами, входящими в состав грамматических категорий и образующими грамматическую систему данного языка) - что, естественно, возможно выявить лишь на основе предварительного изучения семантико-грамматической системы каждого языка - и может рассматриваться в качестве исходной платформы сопоставления этих языков как в исследованиях типологического характера, так и в работах, ориентированных на задачи обучения иностранному языку. При этом важно исходить из принципа, что обучаемый должен не просто переводить с помощью функциональных эквивалентов какие-то средства родного языка на средства изучаемого, а научиться структурировать действительность средствами этого нового для него языка ¹⁷.

Подход к сопоставительному исследованию грамматического строя, основанный на изучении динамики порождения текста, учете набора и мотивировки обязательно осуществляемых при этом носителем того или иного языка актов выбора между грамматическими единицами, входящими в состав коммуникативных грамматических категорий, в сущности, выходит за рамки отдельного высказывания и во многом смыкается с проблематикой лингвистики текста. Особенно это касается тех случаев, когда выбор тех или иных грамматических единиц невозможен без знания н о р м построения некоторых видов текста. Упомяну в этой связи, напри-

мер, сложившейся в современном болгарском литературном языке распределение сфер употребления пересказывательных /непересказывательных форм, служащее одним из ярких средств жанровой характеристики текста. Имеется в виду, в частности, закрепление использования непересказывательных форм в авторском повествовании о событиях прошлого в художественных произведениях – при употреблении пересказывательных форм в исторических сочинениях на ту же тему; или возможность стилизации любого текста на современную тему под сказку с помощью употребления в нем пересказывательных форм в связи с принятым употреблением этих форм в нарративном контексте народных сказок и легенд¹⁸. Такого рода наблюдения могут лечь в основу сопоставительной лингвистики текста.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Хегер К. Поэма как *tertium comparationis* при сравнении языков // Вопросы языкознания. – 1990. – №1. – С. 5–6.
2. Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 19–28; Он же: Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971. – С. 12.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1980. – С. 77.
4. Кучаров И. Функционально-семантическая полета на категориалта преизказност в славянските езици // Славянска филология, Т. 15. – София, 1988.
5. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. – М., 1970. – С. 103.
6. Э. Сепир в связи с этим приводит такой пример: "Земледелец убивает утенка. В китайском языке нет категории уменьшительности (т.е. противопоставления типа русск. утка – утинок), а в языке индейцев куаккютл необходимо было бы в приведенной фразе еще выразить, принадлежит ли утенок самому земледельцу или кому-нибудь другому, где находится земледелец, убивающий утенка, видим ли он или невидим и т.п." (Сепир Э. Введение в изучение речи. – М., 1954. – С. 55–56).
7. Мартинэ А. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. – М., 1965. – Вып. IV. – С. 458.
8. Кучаров И. Очерк по функционально-семантической грамматике на български език. – Пловдив, 1985. – С. 28.
9. Проблема *tertium comparationis* в сопоставительных исследованиях по грамматике в другом аспекте рассматривалась нами в работах: Demina J. Theoretische Aspekte

des Problems der vergleichenden Sprachuntersuchung // - Linguistische Arbeitsberichte, 20. Leipzig. 1978;
Демина Е. К проблеме tertium comparationis в сопоставительных исследованиях // Zeitschrift für Slawistik.- 1980.- Bd. XIV. Hf. G.- S. 834-890.

10. Шерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.- Л., 1974.- С. 51.

11. Мы воспользовались осмыслением идеи Л.В.Шербы в работе: Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С., Л.В.Шерба - лингвист - теоретик и педагог. Л., 1982.- С. 63.

12. Мартине А. Указ. соч.- С. 456.

13. Jakobson R. Boas' view of grammatical meaning // The American Anthropologist, 61, 5, Part 2, Memoir 89, 1959.- С. 139-141. Якобсон подчеркивает, что при построении конкретного высказывания (например, The man killed the bull) говорящий на английском языке обязательно должен осуществить выбор между определенностью-неопределенностью субъекта и объекта, между активностью-пассивностью, претеритом-непретеритом и под.

14. Вейнрейх У. Указ. соч.- С. 173.

15. Мы иначе определяем как значение пересказывательных форм, так и саму грамматическую категорию, которую они представляют (см.: Демина Е.И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка.- М., 1959.- С. 333-361), но поскольку в данном случае рассматривается мотивировка выбора этих форм в конкретном высказывании, это несущественно для дальнейшего изложения.

16. Кацнельbaum Б. Демагогия: опыт классификации // Наука и жизнь.- 1989.- №9.- С. 64.

17. Подробнее см.: Демина Е. К проблеме tertium comparationis... С. 887-890

18. Конкретный материал см.: Демина Е.И. Пересказывательные формы... С. 370-378.

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗНО-ЭКСПРЕССИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

К числу актуальных и недостаточно разработанных проблем сопоставительного славянского языкознания относится изучение образно-экспрессивного употребления форм морфологических категорий, представляющих собой семантико-стилистические разновидности грамматических форм различных частей речи.

Описание образно-экспрессивного употребления форм морфологических категорий сталкивается с рядом мало разработанных вопросов как теоретического, так и методического характера. К числу их следует отнести:

1) вопрос о включении или невключении в семантический потенциал форм морфологических категорий образно-экспрессивных значений, возникающих вследствие их специфического функционирования в языке и речи;

2) вопрос о внутрисистемных условиях экспрессивных употреблений в области морфологии, то есть вопрос о влиянии на экспрессивное употребление факторов, заложенных непосредственно в самой языковой системе;

3) роль характера речевого акта и коммуникативной ситуации, а также всего комплекса прагматических факторов, обуславливающих образно-экспрессивное употребление форм тех или иных грамматических категорий;

4) вопрос о методах и методике сопоставительных исследований, ставящих своей целью как выявление всего семантического потенциала категории, так и условий его образно-экспрессивных употреблений;

5) и, наконец, вопрос о том, насколько актуальной является проблема изучения экспрессивности не только в лексике, но и в грамматике.

Начнем с последнего вопроса. При этом попытаемся уточнить понятие экспрессивности. В языкознании уже давно (со времен выхода в свет Тезисов Пражского лингвистического

кружка в 1929 году) утвердилось мнение, что язык выполняет не только коммуникативную, но и экспрессивную функцию, т.е. служит для выражения не только мыслей, но и субъективного отношения говорящего к фактам реальной действительности¹.

Поскольку функции языка связываются с триединством психологических процессов (мышлением, волеизъявлением и проявлением эмоций), коммуникативную и экспрессивную функцию языка трудно отделить друг от друга. В зависимости от намерения говорящего язык обладает способностью отражать наряду с интеллектуальным и экспрессивное содержание.

Один из зачинателей исследования экспрессивности в языке Ш.Балли в своей "Французской стилистике" писал, что "в языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффективных значений"². Развивая и уточняя эту мысль, Г.В.Колшанский утверждает, что "язык служит общению людей как единая система, позволяющая выразить все необходимые значения, в том числе и субъективное отношение говорящего"³.

Понятие экспрессивности тесно связано с такими понятиями, как образность, интенсивность, эмоциональность, стилистическая маркированность, а отчасти - и субъективная модальность.

Некоторые исследователи к экспрессивности относят также и оценочность - то есть свойство языковой единицы выражать ценностное представление говорящего об объекте. Однако, если оценка не сочетается с выражением эмоционального отношения субъекта речи к объекту, она включается в нейтральный в экспрессивном отношении пласт лексики или грамматики. В этом случае мы не можем говорить об экспрессивной оценке. Ср., например, предложения типа: Мне это не нравится; Это плохо/хорошо, в которых выражается логическая, референтная констатация.

Экспрессивность связана не столько с оценкой, сколько со стремлением говорящего усилить впечатление, выразить свою мысль особым, нестандартным образом, выпукло, не ней-

трально, короче говоря - образно. Поэтому образность самым тесным образом связана с экспрессивностью. Образная языковая единица всегда экспрессивна, она часто связана с эмоциональной оценкой, хотя в нашем представлении экспрессивность и эмоциональность не тождественны. Между ними нельзя ставить знака равенства, как это делают многие исследователи ⁴.

Экспрессивность по своему объему понятие более широкое, чем эмоциональность, так как экспрессивность включает в себя любое волевое стремление к выразительности и образности, а это не только вербальные средства, такие, как экспрессивная лексика (реветь, хныкать - чешск. *vréčet*, польск. *beszeć*), наличие словообразовательных формантов (чешск. *krůřas*, *huběňour*, *řřabařzna*, польск. *řřubas* и др.), употребление различных фразеологизмов, междометий, эмоциональных частиц, транспонированных форм имени, глагола и др. частей речи ⁵, но и невербальные средства выражения экспрессии, такие, как жест, мимика, пауза, смех, плач, темп речи, тембр голоса, его высота и сила. Поэтому не случайно, что, например, польская исследовательница А.Важбицка рассматривает экспрессию в рамках общей теории семиотики ⁶.

Действительно, употребление различных средств экспрессии зависит от многих экстралингвистических факторов, таких как поведение адресата и адресанта, их общественный и социальный статус, возраст, нередко пол, степень близости знакомства, от ситуации, в которой реализуется речевое общение, от наличия зрительного и слухового контакта и многого другого, что обнаруживает тесную связь экспрессии как изобразительно-выразительного качества речи с социолингвистикой.

Эмоциональность же - это одно из состояний лица в процессе коммуникации. Эмоциональность является принадлежностью ментальной сферы чувств человека, одним из моментов отношения говорящего к содержанию высказывания. В качестве специфической составной части эмоциональность входит в со-

вокупность так называемых внутренних, прагматических компонентов высказывания⁷. Это психическое и эмоциональное состояние лица, получающее выражение в высказываниях, а следовательно, являющееся предметом не просто лингвистики, но и психолингвистики.

Вместе с тем, эмоциональность — это и языковое выражение эмоционального отношения к действительности экспрессивными средствами на разных языковых уровнях. Именно поэтому отделить эмоциональность от экспрессивности невозможно. Они взаимосвязаны, взаимообусловлены, находятся в диалектическом единстве. Экспрессивность как часть внутренней формы слов, словоформ, словосочетаний, синтаксических конструкций, употребленных в определенных типах контекста, сигнализирует об эмоциональной окрашенности той или иной языковой единицы. Следовательно, экспрессивность и средства ее вербального выражения — это сигналы эмоциональности на разных языковых уровнях.

Экспрессивность на лексическом и словообразовательном уровне достаточно хорошо описаны на материале разных славянских языков, например, чешского⁸, польского⁹ и других, хотя открытый характер и семантическая сложность лексической и словообразовательной систем любого славянского языка требует дальнейших разысканий и в этих областях.

Данная статья посвящена образно-экспрессивной семантической структуре некоторых морфологических категорий глагола и отдельных разрядов местоимений. В своей известной монографии¹⁰ С.Н. Карцевский писал, что число морфологических транспозиций, то есть образно-экспрессивных употреблений в морфологии ограничено, что позволяет исследователям выделить некоторые закономерности этих явлений более определенно и отчетливо.

Закономерен вопрос о методах и методике описания образно-экспрессивных значений грамматических единиц. И в этом случае, как и вообще при изучении любых языковых явлений, философским основанием изучения проблемы внутрисистемных

условий экспрессивных употреблений в сфере грамматики является положение диалектического материализма о всеобщей связи явлений действительности, в частности, о закономерных связях между составными частями какого-либо целостного образования.

Системная интерпретация образно-экспрессивных значений грамматических единиц имеет большое значение для выработки адекватного метода описания соответствующего языкового материала, основывающегося на всестороннем учете и тщательном анализе всех факторов, влияющих на характер экспрессивного употребления форм, а также на установление отношений, существующих между этими факторами.

Конкретизацией указанного принципа является системно-структурный метод или подход к изучению различных сторон действительности, в том числе языка, требующий от исследователя брать объект изучения во всей полноте его связей и опосредований.

Однако представляется, что в задачу исследователя входит не только определение совокупности образно-экспрессивных значений изучаемых категорий и их форм, а также их системной интерпретации, но, что описание и сравнение этих значений следует проводить с точки зрения их ф у н к ц и о н и р о в а н и я в системе языка, то есть с точки зрения их функциональной значимости, назначения, той роли, которую образно-экспрессивные элементы грамматики выполняют при реализации коммуникативного намерения говорящего. Однако использование системно-структурного и функционального методов, успешно применяемых и развиваемых на протяжении ряда последних десятилетий, в настоящее время оказывается недостаточным для изучения явлений образно-экспрессивной морфологии.

Современный уровень изучения лингвистических объектов с необходимостью предполагает также определение особенностей коммуникативной ситуации, характера речевого акта, прагматического аспекта, необходимого для изучения всей семантической палитры, всего семантического потенциала

изучаемых и сопоставляемых категорий. При этом необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что предметы реальной действительности могут по-разному восприниматься разными субъектами, по-разному преломиться в их сознании. Сказанное позволяет полностью присоединиться к точке зрения советского философа и лингвиста А.Ф. Лосева, который писал, что "не только действительность непосредственно определяет смысл речи, а целенаправленная п е р е р а б о т к а (разрядки наши) этой действительности в человеческом сознании с целью сообщить ее другому сознанию в том или ином свете - то ли максимально объективно, то ли приближенно, то ли ложно, то ли в образном или поэтическом смысле. Таким образом, запечатленный в языковой семантике результат абстрагирующей деятельности сознания по отражению действительности приобретает известную независимость от последней. Их соотносительность теперь опосредуется к о м м у н и к а т и в н ы м н а м е р е н и е м г о в о р я щ е г о " II.

Именно коммуникационно-интонационный тип отношения говорящего к содержанию высказывания, выражение различной степени его убежденности в реальности предпосылки, а также эмоционально-оценочный характер восприятия тех или иных фактов реальной действительности являются предпосылкой, обуславливающей способность форм грамматических категорий к различным образно-экспрессивным употреблением. К числу таких употреблений относится, с одной стороны, расширение семантики грамматических форм, выражение их семантического потенциала, а с другой - их способность делать в своей семантической эволюции качественный скачок, пересекать границы своей семантической области и употребляться для обозначения принципиально иного референта. В последнем случае речь может идти о возникновении у тех или иных форм грамматических категорий переносного значения, то есть о случаях транспозиции этих форм в не-свойственный для них контекст. Роль контекста здесь заключается в том, что он, как писал А.М. Пешковский ¹², а

вслед за ним Е.Беличова-Кржижкова¹³, А.В.Бондарко¹⁴ и др., противоречит первоначальному значению грамматической формы и вместе с ней указывает на ее новое, переносное значение, существенной характеристикой которого является то, что оно выражается грамматической формой не самостоятельно, а в определенных условиях контекста. Однако, кроме учета "внешних", контекстных факторов, связанных с характером коммуникативного акта и конституцией, необходимо изучить и определить внутрисистемную обусловленность переносных грамматических значений, то есть проанализировать и установить, какие связи существуют между прямым и переносным значением и как семантика изучаемой грамматической формы используется для передачи значений, которые как бы противоречат ее категориальному значению. Для иллюстрации приведем несколько примеров, связанных с функционированием презентных форм глаголов сов. и несов. вида и одного из разрядов указательных местоимений в чешском и русском языках.

Общезвестным является факт, что употребление форм глаголов наст. времени представлено не только актуальным настоящим, отвечающим на вопрос "Что ты делаешь?" типа "Я сижу за столом и пишу", чешск. *Co to děláš? - Sedím u stolu a píšu*, не только неактуальным настоящим, включающим в себя действия узуальные, повторяющиеся типа *Salám si obvykle koupím na rohu této ulice* 'Колбасу я покупаю обычно на углу этой улицы', действия вневременные типа *Sytý hladovému nevěří* 'Сытый голодного не разумеет', действия характеризующие, а также выражающие способность субъекта совершить то или иное действие типа *To dokáže jenom herec* 'Это способен сделать только артист', В ы с т у п а е т Лев Лещенко. О н и с п о л н и т песню композитора Пахмутовой, Бросок... год. Макаров п о с ы л а е т третью шайбу в ворота противника.

В первом примере форма наст. времени обозначает еще не начавшееся действие, а во втором - действие, которое, в сущности, уже относится к прошлому, которое свободно мо-

жет быть выражено прош. временем: Макаров послал третью шайбу.

Из приведенных и подобных примеров с полной очевидностью вытекает, что понятие настоящего, с у б ъ е к т и в н о преломляясь в сознании говорящего, расширяет свой объем, как бы пересекаясь с будущим и настоящим временем, и образуя нечто вроде п е р е х о д н о й з о н ы от прямого значения к переносному типа "Завтра я еду в Киев".

Способность форм наст. времени употребляться в переносном значении в часто повторяющихся и стилистически слабо маркированных контекстах является следующей ступенькой к их переносному образно-экспрессивному употреблению в стилистически сильно маркированных контекстах в значении исторического презенса. Ср.: чешск. Jdu já opehdy z práce a najednou mi do cesty vběhne ušák (бур.) 'Иду я как-то с работы, и вдруг мне дорогу п е р е б е г а е т заяц'; Željen tak v kabátě, najednou pozdvihne hlavu a rozhledne se (отч.) 'Он шел просто так в пальто, и вдруг п о д н и м а е т голову и о г л я д ы в а е т с я' (буквально: поднимает голову и оглянется).

В приведенных и подобных предложенных формы исторического презенса употреблены не только для логического воспроизведения событий прошлого, но и с целью образно-экспрессивного истолкования этих событий.

Употребление исторического презенса является сильным стилистическим средством актуализации и даже драматизации действий. Образности и экспрессивности описываемых действий, их актуализированности в высшей степени способствует характер коммуникативного акта, п е, с л а в н о г о, особенно в последнем примере, напряженность ситуации, неожиданность надвигающихся трагических событий, что обусловлено также лексическим наполнением высказывания (шел и в д р у г), более широким контекстом.

Кроме того, в чешском языке, где представлена транспозиция презентных форм глаголов как несов., так и сов.

вида (в русском языке возможна только транспозиция презентных форм несов. вида) одновременное употребление транспонированных форм сов. и несов. вида способствует созданию контрастов, которые также являются сильным средством актуализации действий. Ср.: Lesník Kořán šel volně lesem. Najednou spatří nad vrcholky stromů bělavý obláček letící vzhůru. Promění se v prsten, který roste do šíře, zhortí se a praskne. Kořánovi se zatajil dech. Les hoří /Vrba/.

Эквивалентный перевод на русский язык свидетельствует о большей функциональной нагрузке форм исторического презенса глаголов сов. вида в чешском языке в сравнении с русским, что делает повествование в русском языке более спокойным и менее драматичным. Ср.: 'Лесник Коржан спокойно шел по лесу. В д р у г о н в и д и т (букв. у в и д и т) над вершинами деревьев беловатое облачко, летящее вверх. Оно и з м е н я е т с я (букв. и з м е н и т с я) в разрастающееся кольцо, с и н е ё т (букв. п о с и е е т), с к р у ч и в а е т с я (букв. с к р у т и т с я) и т р е щ и т (букв. з а т р е щ и т). У Коржана перехватило в груди. Лес горит.'

Мы не ставим перед собой задачу описания всех разновидностей исторического презенса (исторический презенс художественного повествования, сценический, хронологический, регистрирующий), характер которых достаточно хорошо описан на материале различных славянских языков (см. работы Е.Беличовой-Кржижковой¹⁵, А.В.Бондарко¹⁶, Е.В.Щетрухиной¹⁷, С.С.Ермоленко¹⁸ и др.).

Для нас важно подчеркнуть, что названные выше разновидности исторического презенса, употребляемые в различных типовых контекстах, представляют разные степени расширения семантического потенциала презентных форм глагола и развития дополнительных коннотаций, связанных с постепенным развитием образно-экспрессивных характеристик действий, выражаемых презентными формами глаголов.

Это в свою очередь дает основание для утверждения,

что существует соотносённость между переносным, транспонированным значением грамматической формы и значением другой, стилистически нейтральной единицы, в данном случае форм презенса в его прямом употреблении.

Изучение этой соотносительности и связи с точки зрения взаимного расположения стилистически нейтральных и стилистически маркированных синонимов представляет собой один из путей, позволяющих выявить внутрисистемную обусловленность образных употреблений форм грамматических категорий.

На материале украинского, русского и английского языков С.С.Ермоленко убедительно показал, что исходной внутрисистемной предпосылкой образно-экспрессивного употребления граммем наст. времени в обследуемых им языках является наличие этой грамемы в ряду других, противопоставленных ей граммем, иначе - ее наличие в составе морфологической категории, в данном случае - категории времени. Факт существования в каждом из сопоставляемых языков морфологически выраженной оппозиции наст. и прош. времени уже заключает в себе возможность употребления презентной формы для метафорического осмысления прошлого как настоящего. С другой стороны, семантика прош. времени в системе глагола служит мерой или границей семантического развития презенса в сторону претеритального значения. Пересекая эту границу, презенс совершает качественный скачок: он начинает пониматься не в собственном, прямом, а в переносном смысле. Вместе с тем возникает новая оппозиция: прош. время - исторический презенс, где прош. время представляет немаркированный член возникающей здесь привативной оппозиции, нейтральный фон, в соотносении с которым значение прош. времени форм исторического презенса воспринимается как стилистически маркированное. Следовательно, морфологическое противопоставление наст. и прош. времени является тем внутрисистемным фактором, который обуславливает возможность развития образно-экспрессивных значений и употреблений грамматических форм ¹⁹.

Из всего сказанного с полной очевидностью вытекает, что если внутрисистемные факторы являются предпосылкой для семантико-стилистического употребления грамматических форм в новой экспрессивной функции, то факторы социолингвистические, прагматические, контекстные создадут условия для реализации этой тенденции, заложенной в самой системе языка. Они как бы способствуют раскрытию внутренних языковых потенций языка, в описываемом случае - возможности расширения, наращивания семантического потенциала видовременных форм, а также возможности их транспонированного употребления.

Сделанный вывод позволяет прийти и к более широким заключениям:

1. Нельзя согласиться с некоторыми исследователями, которые предлагают исключить переносные значения из инвариантного значения грамматических форм (например, М.Докулил²⁰).

2. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что при транспозиции значение фона и спецификаторов, как пишет А.В.Бондарко²¹, расходятся и даже могут противоречить друг другу, но при этом следует подчеркнуть, что употребление семантически расширенной и транспонированной формы всегда соответствует коммуникативному намерению говорящего, его субъективному отношению к содержанию высказывания и связанному с ним эмоционально-оценочному моменту. Противоречия между транспонированной формой и широкой ситуацией высказывания, между "узким" контекстом и текстом, между конкретной ситуацией и конситуацией нет.

Обратимся к другому примеру.

Сравним расширение семантического потенциала довольно замкнутой группы указательных местоимений *ten, ta, to* (*tento, tato, toto, tamten, tamta*), употребляющихся в чешском языке в обрамлении различных частиц, и их русских эквивалентов этот, эта, это/тот, та, то. В обоих языках данный разряд указательных местоимений характеризуется формальной и функциональной специфичностью, хотя их

объединяет общая дейктическая функция указания на объект в различных условиях коммуникативного акта, связанная с выражением удаленности или близости предметов в пространстве и во времени по отношению к говорящему лицу.

На системном уровне чешским указательным местоимением *tento* (*tenhle, tenhleten* разг.) в русском языке соответствуют местоимения этот (этот вот), указывающие на ближайший предмет, местоимениям же *tamten, tamta, tamto* (*tamhleten, tamléta...*) соответствуют тот (вон тот)..., указывающие на предмет отдаленный. Местоимение *onen, ona* в качестве дейктического встречается редко. Оно употребляется главным образом в книжном языке в анафорической функции.

Специфической особенностью чешского языка является то, что в нем особое положение занимает родовое местоимение *ten, ta, to* (без сопровождающих частиц *hle, tam* и других), которое в рамках указательных местоимений *tento, tato, toto* (*tamten, tamta, tamto*) является семантически немаркированным, недифференцированным членом тернарной оппозиции, способным указывать как на предмет ближайший (*Vezmi si ten (=tento) časopis* - 'Возьми вот этот журнал'), так и на предмет более отдаленный (*Vezmi si ten (=tamten) časopis* - 'Возьми вон тот журнал').

Следует, однако, подчеркнуть, что случаи самостоятельного употребления указательного местоимения *ten* при выражении прямого deixиса довольно редки. Чаще всего *ten, ta, to* с обобщенным значением указания на предмет ближайший или отдаленный употребляется в сочетании с уточняющими и определяющими словами при поддержке и более широкого контекста. Ср. примеры:

Ten obraz u okna je od Benky.

Myslím, že to červené jablko bude chutnější.
Dej mi, prosím, ty dva chlebičky v tou šunkou.

Вот эта /вон та картина у окна - художника Бенки.

Я думаю, что вот это /вон то красное яблоко будет вкуснее.
дайте мне, пожалуйста, вот эти/вон те два бутерброда с ветчи-

ной.

U stanice tramvaje stál
ten kamelot, který tam
stává každý večer.

У остановки трамвая стоял
тот газетчик, который там
стоит каждый день.

Дейктическая функция местоимений *ten, ta, to* заключается в том, что они не только указывают на предметы, идентифицируют их, но одновременно выделяют их из ряда подобных, конкретизируют. Так, в последнем примере местоимение *ten* не только указывает на лицо (в данном случае на газетчика), но и конкретизирует его, выделяет из целого ряда других, указывает на его отличительные признаки: этот газетчик там стоит каждый день ²².

Конкретизация предметов, выделение их из ряда подобных является ступенькой перехода от прямого дейксиса, реализуемого, как правило, в условиях непосредственного контакта адресата и адресанта, к дейксису относительному, контекстному, то есть к случаям употребления указательных местоимений в анафорической или катафорической функции.

Как известно, анафора содержит отсылку к предшествующему контексту, катафора — к последующему. Однако семантические типы анафоры могут быть различными. В случае адекватной анафоры местоимение точно воспроизводит объем значения замещаемого слова. Ср.:

Vrátil ve bratr, a ten
nám všecko pověděl.

Вернулся брат, и он-то нам
все рассказал.

В случае неадекватной анафоры местоимение указывает на тот же референт, но не на тот же его объем. Ср.:

Učebnice není moje, ta
patří mému kamarádovi.

Учебник не мой, он принадле-
жит моему товарищу.

В приведенном примере чешское местоимение *ta* (в русском обязательно употребление личного предметного местоимения 3-го лица она) не просто замещает имя существительное, но и сообщает дополнительную информацию о предмете (о его принадлежности).

Анафорическая, отсылочная функция местоимения *ten, ta, to* представляет собой относительный дейксис, в рамках

которого обнаруживаются различия между сопоставляемыми языками.

Указательные местоимения этого типа сигнализируют о том, что в предыдущем контексте предмет или признак предмета уже упоминался. В этом случае наблюдается пространственно-временная локализация предмета или его признака по отношению к адресанту и субстантивация указательных местоимений вследствие контекстного эллипсиса.

Разновидностью относительного дейксиса является и такая анафора, которая отсылает к общеизвестным предметам или их признакам, о которых, однако, в предыдущем контексте ничего не говорилось. Такая анафора базируется на степени осведомленности адресата (слушающего или читающего), на багаже его знаний, на жизненном опыте. Ср.: -*Ale který quavímodo? - No, ten zvoník u Notre Dame.* - 'Какой Квазимодо? - да тот звонарь из Нотр-Дам.'

В рамках относительного дейксиса указательные местоимения *ten, ta, to* выполняют также функцию катафоры (препаративную), отсылая адресата к предметам или явлениям, о которых только пойдет речь в последующем контексте:

Přijde tam takový starší pán a ten ti to řekne. - 'Туда придет такой пожилой господин, и он-то тебе все расскажет!'

В случаях анафоры и катафоры можно говорить лишь об относительном дейксисе, который расширяет свою семантику за счет того, что кроме указания на объект, появляется дополнительное значение отсылки к предыдущему или последующему контексту, обусловленное, однако, ситуацией употреблены, характером синтаксических конструкций, содержащих сочинительную или подчинительную связь минимально двух предложений. Анафора и катафора возможны и вне ситуации прямого контакта адресата и адресанта.

Все это позволило авторам академической "Грамматики чешского языка" считать подобное употребление указательных местоимений их секундарной функцией ²⁵.

Напротив, П.Адамец, обстоятельно и подробно описавший функции указательных местоимений в чешском языке в сравне-

нии с русским, считает анафору и катафору частными значениями их общей дейктической функции²⁴. Примириение этих различных точек зрения следует искать в признании того, что анафорическое и катафорическое употребление представляет собой первый шаг к развитию вторичных функций рассматриваемых форм. Это переходный пояс, зона связи между прямым и переносным употреблением указательных местоимений, расширение их семантического потенциала.

Нередко в чешском языке дейктическая функция указательных местоимений расширяет свою семантику и за счет выражения значения определенности, близкой к функции артикля в других языках. Ср., например: *Zavř'i okno!* 'Закрой окно!' и *Zavř'i to okno!* 'Да закрой ты (это) окно!'

Представляется, однако, совершенно справедливым утверждение чешского англиста В.Матезиуса, который писал, что хотя атрибутивное употребление местоимений *ten, ta, to* в разговорном языке близко к употреблению определенного члена, однако артиклем его считать нельзя, так как о действительном артикле можно говорить только тогда, когда его употребление определяется значением самого существительного, чего нет даже в разговорном чешском языке, где в этой функции *ten* появляется регулярно и с большей обязательностью, чем в литературном языке²⁵.

Нельзя не отметить, что подобное употребление почти всегда несет на себе налет эмоциональной окрашенности и стилистической маркированности. В подобных случаях в чешском языке наблюдается следующая ступень перехода указательных местоимений к выражению вторичных функций, слабо связанных с их прямой дейктической функцией. Речь идет об экспрессивной (называемой также стилистической) функции указательных местоимений, а также о функции напоминания об известных событиях, установленных В.Матезиусом и подробно описанных П.Адамцем. Следует, однако, отметить, что реализация этих вторичных функций возможна лишь в определенной ситуации общения, отражающей коммуникативное намерение говорящего (геср. пишущего), субъективное преломление в

его сознании фактов реальной действительности, эмоционально-оценочный момент, которые обуславливают возникновение дополнительных оттенков значения. Последние, накладываясь на основное значение слова (или словоформы), осуществляют с ним, расширяя его семантический объем и изменяя в ряде случаев даже его грамматические свойства (ср. выше случаи субстантивации *ten, ta, to* при употреблении их в анафоре и катафоре).

Крайним случаем расширения семантического объема грамматических форм являются случаи транспозиции грамматических категорий. Транспозиция функций, равно как и контрастная транспозиция, тесно связана с экспрессивностью, как языковым отражением говорящим своего эмоционального отношения к сообщаемой действительности, поэтому транспонированные формы осознаются говорящим как эмоционально-мотивированные актуализации по сравнению с их стилистически немаркированными синонимами, то есть с нетранспонированными формами²⁶. Выбор того или иного синонима стилистически мотивирован.

Сопоставительное изучение вторичных функций и их грамматических форм представляет самые большие трудности, так как требует учета факторов психолингвистических, экстралингвистических, прагматического аспекта высказываний, хорошего знания констатирующей ситуации. Так, экспрессивная функция указательных местоимений *ten, ta, to* реализуется, как правило, в высказываниях неофициальных, неподготовленных, эмоционально-окрашенных, а также в условиях непринужденной диалогической речи, когда адресат и адресант достаточно близко знакомы и принадлежат к тем социальным слоям общества, для которых средством устного общения является общедоступно-разговорный чешский язык (*běžně mluvený jazyk*).

В подобных случаях типовые и узусальные чешско-русские функционально-семантические эквиваленты значительно расходятся. Чешским указательным местоимением, употребленным в эмоциональной функции, в русском языке чаще всего соответствуют усилительно-эмоциональные частицы, передающие боль-

шую палитру эмоциональных оттенков (радость, выражение доброго отношения, раздражение, негодование и др.). При этом степень эмоциональной насыщенности бывает различна: от слабо выраженного эмоционального налета, отражающего субъективность восприятия говорящего, до высокой степени экспрессии и эмфазии. Ср.:

Já jí tam neřad pouštěl do	Я не хотел ее пускать в
t é zatracené Paříže (Čar.)	э т о т проклятый Париж.
T e n mizera!	Н у и подлец! / Ка - к о в подлец!

Кроме лексических показателей, выражающих эмоцию сожаления и раздражения (z a t r a c e n á Paříž), употребление местоимения (do t é Paříže) при общеизвестных географических названиях с точки зрения смысла высказывания является избыточным, но оно является здесь сигналом эмоциональности. Ср. также:

Kde je t a Tonča v	Где же э т о Тонча-
tím světlem?	т о с лампой?
Dej si dolů t e n	Д аними же ты, на-
kaďát!	к о не ц, (свое) пальто!
Dáš t y papírů z	Убери ты (=убрати)
t o h o stolu?	(э т и с а мые) бумаги со стола!
Necháň t o h o psa	Д а оставь ты (э т у)
na pokoj!	собаку в покое!

В последних двух примерах сигналами эмоциональности и стилистической маркированности высказываний является не только "избыточное" употребление *ten - toho* (ведь речь идет об известном столе и об известной собаке), но и транспозиция форм индикатива в область употребления императива.

При нарастании эмоционального напряжения и экспрессивности употребления выделительно-усилительных частиц возможно и в чешском языке, как правило, в эмоционально окрашенных восклицательных предложениях (*ani, ale, i, jen*). Ср.:
T o sluníčko dnes Н у и печет же сегодня-

a l e páří!

A n i t e n oběd si
člověk už nemůže v klidu
sníst!

A n i t u kytičku už mi
nepřeneš!

J e n kdyby mně t a
hlava nebolela!

ня солнышко!

У ж да же и пообе-
дать-т о нельзя спо-
койно!

У ж и цветов-т о м
мне не приносишь!

Т о л ь к о б ы не
болела у меня голова!

В приведенных и подобных примерах деиктическая функция местоимений *ten, ta, to* сильно ослаблена, нейтрализована лексическим наполнением высказывания, словопорядком, восклицательной интонацией, нередко транспозицией форм наклонений, придающих высказываниям образность и экспрессивность, а также эмоциональным отношением говорящего к предмету высказывания. Однако по мере ослабления экспрессивности и эмоциональной окрашенности высказываний деиктическая функция местоимений *ten, ta, to* в их прямом и относительном употреблении (анафора и катифора) сразу же начинает проявляться. Нередко она сводится просто к констатации отношения говорящего к содержанию высказывания, причем местоимения *ten, ta, to* приобретают неопределенно индивидуализирующее значение. Ср.:

Už zase nebylo otevřeno,
Já se dívím, jak to t u
holky vydrží *

Опять не проветрено.
Я удивилась, как дев-
чата это выдерживают.

Рассмотренная П.Адамом на большом фактическом материале функция напоминания об известных событиях указательных местоимений *ten, ta, to*, являющаяся непосредственным продолжением анафоры и средством установления более тесного контакта между адресантом и адресатом, хотя и отражает стремление говорящего повысить интерес адресанта к тем или иным аспектам содержания высказывания, тем не менее также не носит следов экспрессивности. Ср.:

Vidíš, to je ten člověk,

Видишь, вон т о т че-
ловек, который (помнишь)

* Пример В.Матозиуса (цит. соч.)

co házel t y papíry
z t o h o okna.
Nezapomeň, že dnes
večer jdeme do t o h o
divadla *

тогда бросал бумажки из
окна.
Не забудь, что сегодня ве-
чером мы идем в театр [как
договорились] .

Первичное действительное значение здесь также представлено в ослабленном виде, хотя определенный налет разговорности, непринужденности, непосредственности контакта и эмоциональной окрашенности высказывания присутствует и в этих случаях.

В заключение сделаем несколько выводов.

1. Сопоставительное изучение и описание грамматического строя близкородственных славянских языков является актуальной, еще не окончательно решенной задачей славянского языкознания.

2. Наибольшую трудность представляет сопоставительное изучение семантического объема грамматических категорий и их форм, определение функциональных границ их первичных и вторичных функций в условиях стилистически маркированного контекста, требующих учета целого комплекса факторов социолингвистических, психолингвистических, прагматических и выхода на более высокие языковые уровни, включая и уровень текста.

3. В этих случаях при анализе фактического материала следует принимать во внимание иерархию первичных и вторичных функций, а также наличие переходной зоны между ними. При этом важно учитывать все типы отношения говорящего к содержанию высказывания (коммуникативно-интонационный, эмоционально-оценочный и др.), а также и всю многокомпонентность коммуникативной ситуации и коммуникативного акта.

4. Сопоставительное изучение переносных употреблений грамматических категорий и их форм требует также изучения т и п о в ы х контекстов, в рамках которых осуществляется

* Примеры взяты из упоминавшейся статьи П.Адамца

регулярное и образное переосмысление основных категориальных значений форм грамматических категорий во вторичные. В тех случаях, когда переносное употребление является типизированным, типовым является и контекст.

К установлению соотношений первичных и вторичных функций грамматических форм следует подходить не статически, а с точки зрения динамики живого функционирования, учитывая те преобразования, которые семантика формы претерпевает как в зависимости от целей и условий осуждения, так и от первоначального значения категории.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Тезисы Пражского лингвистического кружка: Пражский лингвистический кружок: Сб. статей.- М., 1967.- С. 17-41.
2. Балли Ш. Французская стилистика.- М., 1967.- С. 23.
3. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов языка.- М., 1979.- С. 2.
4. Mrázek R. Emocionálnost sdělení // Rusko-české studie.- Praha, 1960.- S. 161-172.
5. Zimek R. Odras emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // Otázky slovanské syntaxe IV/II.- Brno.- S. 99-104.
6. Wierzbicka A. Problemy ekspresji. Ich miejsce w teorii sémantycznej.- Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969.- S. 33-61.
7. Grepl M. Komunikativně pragmatické aspekty výpovědi // Otázky slovanské syntaxe IX/I.- Brno, 1979.- S. 15-37.
8. Zima J. Expresivita slova u češtině.- Praha, 1961.
9. Grabias St. O ekspresywności języka.- Wydawnictwo Lubelskie, 1981.
10. Karcevski S. Systèmes du verbe russe. Essai de linguistique synchronique.- Prague, 1927.
11. Лосев А. Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий // Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В.И.Ленина, 1965.- С. 196.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.- 4-е изд.- М., 1934.- С. 452.
13. Krížková H. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм // Travaux linguistique de Prague.- Praha, 1966.- S. 171-182.
14. Бондарко А. В. К вопросу о "транспозиции" // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И.Герцена.- Л., 1963.- Т. 248.- С. 51-60. Его же: Грамматические категории и контекст.- Л., 1971.
15. Helišová-Krížková H. K problematice praesentis historicého v ruštině a u češtině // Sovětská jazykověda.- Praha, 1955.- Roč. 5.- S. 4.- S. 241-255.

16. Бондарко А.В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном литературном сербохорватском языке // Уч. зап. ШГУ. № 250.- Л., 1958.- С. 141-156.
17. Петрухина Е.В. Категория глагольного вида и транспозиция морфологических форм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Ю; Филология.- М., 1977.- № 6.- С. 32-41.
18. Ермоленко С.С. Образные средства морфологии.- Киев, 1987.- С. 111.
19. Ермоленко С.С. Указ. соч.- С. 3-16.
20. Докудил М. К вопросу о морфологической категории // Вопросы языкознания.- М., 1967.- № 6.- С. 3-16.
21. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст.- Л., 1971.
22. См.: Křížková H. Zájmena typu *ten a takový* v současných slovanských jazycích // Slavica Slovaca.- 1971.- Vol. VI.- O. I.- S. 15-30.
23. Mluvnice češtiny.- Praha, 1986.- S. 87-94.
24. Адамец П. Функции указательных местоимений в чешском языке в сравнении с русским // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками: Сб. статей.- М., 1983.- С. 175.
25. Mathesius V. Přívlastkové *ten, ta, to* v hovorové češtině // Obecná čeština a jazykozpyt.- Praha, 1947.- S. 185-189.
26. Leška O. K otázce tzv. transpozice // Rusko-české studie.- Praha, 1960.- S. 43-46.

И С Т О Ч Н И К И

1. Сар. - К. Сапек, Povídky z jedné kapsy.- Praha, 1976.
2. Отč. - Ј. Ойченаšek, Romeo, Julie a tma.- Praha, 1970.
3. Vrba - Ј. Vrba Hori les.- Praha, 1949.

К ВОПРОСУ О СЕМНОМ СОСТАВЕ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО
ВИДА

К проблеме анализа семного состава как имманентной характеристики глагольного вида нас привела необходимость объяснить некоторые случаи сочетаемости СВ с винительным темпоральным (ВТ) и его синонимами, противоречащие на первый взгляд семантике СВ, но грамматически абсолютно правильные и системные, ср.: русск. Он про аботал на заводе пять лет; польск. *Koperta przeleżała w czasie na stoliku hotelowym przez dwa i pół godziny* - *dwanaście godzin*¹; чешск. *Tak jsem proběhl celou noc*; словенск. *Poroldne preveda la pri frizeru*.

В 60-е годы решить эту проблему не позволяло состояние дел в лингвистике. Выдвинув уже в то время идею о темпорально валентных (детерминированных) глаголах "длиться" и "продолжаться", Е.Кржижкова рассматривала сочетаемость ВТ и глаголов с приставкой про- как исключение, поскольку СВ - это всегда "точка", не способная согласоваться с идеей протяженности². Решить эту проблему в наши дни позволило обращение к закону семантического согласования, как к фундаментальному, с нашей точки зрения, понятию, охраняющему смысловую ценность речевых построений³. Закон семантического согласования реализуется, как известно, в синтаксисе на двух уровнях: на уровне валентности и на уровне грамматического присоединения. Выявление валентностных свойств глаголов относительно временной протяженности ("с подачи" Е.Кржижковой) мы проводили в рамках концепций Г.Хельбига (уровни валентности, валентность и грамматическое присоединение)⁴ Ё.Бондзю (валентность обстоятельственных компонентов)⁵ и И.Д.Апресяна (формулировка понятия и операция толкования как принцип выявления лексической валентности)⁶. Анализ глаголов на предмет выявления в их лексическом значении смысла (семь) 'протяженность действия,

процесса, состояния' показал следующее ⁷. В славянских языках есть группа темпорально валентных и группа темпорально авалентных глаголов. В группе темпорально валентных глаголов выделяются подгруппа (а), у которой носителями лексической семы протяженности (ПРОТ) является корневая морфема или связанная основа глагола, и подгруппа (б), где эту функцию выполняет слово- или формообразующий аффикс. В сочетании с ВГ и его синонимами именно эта семма осуществляет операцию семантического согласования. Темпорально авалентные глаголы осуществляют семантическое согласование в этих случаях с помощью собственно видовых, то есть грамматических сем. Рассмотрим эти группы.

Приоритет в выявлении подгруппы (а) (а они имеют свои корреляты и в невидовых языках) принадлежит Е.Кржижковой, хотя предложенный ею список из двух глаголов можно значительно расширить, используя операцию лексического толкования слова как метод выявления его семного состава. В подгруппу (а) входят глаголы, ориентированные на время, такие как: пр^овести - пр^оводить (время), коротать - скоротать (вечер) с облигаторными темпоративами; ср.: польск. wpędzić - wpędzać (czas); чешск. trávití - ztrávití/strávití, krátití - zkrátití (čas); а также медлить-помедлить, мешкать-помешкать, ждать-подождать, гостить-погостить, сохранять-сохранить и сохраняться-сохраниться, задержаться-задерживаться, остаться-оставаться и нек. др. и соответствующие им глаголы в других славянских языках. Ср. их толкование (на уровне соответствующего ЛСВ, разумеется) в основных толковых словарях: русск. ПРОВОДИТЬ - в. пробыть, прожить к а к о е - л. в р е м я где-л. или каким-л. образом; для НВ это значение не выделяется, а оно столь же системно, как и в СВ. польск. WPĘDZAĆ-WPĘDZIĆ - 3. Grzebywać, przeżywać, а эти в свою очередь через wpędzić gdzie pewien czas, wpędzić jak iś o z a w i ą ż a j ą c; чешск. ZTRÁVITÍ, STRÁVITÍ (čas, dobu) - prožítí, p r o d l í t í, robyti někde. Русск. ЖДАТЬ-ПОДОЖДАТЬ - оставаться, находиться где-л. н е к о т о р о е

в р е м я, зная заранее о предстоящем прибытии, приходе, появлении⁸; польск. SZEKAĆ-ZASZEKAĆ - przebywać, zatrzymać się, licząc na czyjeś przyjsście; чешск. POŠKATI-strávití nějakou dobu čekáním; словенск. ŠAKATI-POŠAKATI - I. ostati na kakem mestu, zlasti računajoč, da kdo, kaj pride.

Следует отметить, что в словарях толкования часто бывают тавтологичны (типа "гостить" - "быть в гостях") и в этом отношении не всегда удовлетворяют потребности синтаксиса. Вместе с тем корректное толкование типа "ГОСТИТ" - находиться на чужой территории некоторое время по приглашению или с согласия хозяев" - выявляет все валентности этого слова и, следовательно, его семный состав.

В сочетаниях с ВТ эти глаголы ведут себя следующим образом:

I. а) Глаголы СВ провести, скоротать выступают при выражении одноразового действия, причем Вмн.п. не взаимозаменяется с темпоративами "в течение часа", przez godzinę, po jakou dobu: русск. Мы провели два месяца в деревне; польск. Spędziłiśmy godzinę na rozmowie; русск. Мы скоротали вечер у телевизора; чешск. zkrátiti ve čas zabavou.

Глаголы НВ проводить, коротать, польск. spędzać, чешск. trávití, krátiti выступают в конструкциях со значением маркированной незавершенности (инклюзив): В этом году она шла в десятый класс и, может быть, последние лето проводила в тундре; чешск. Dlouhý čas již trávil princ na Krasnem ostrově. Но при выражении собственно времени, полностью занятого действием, по крайней мере, в русском и польском языках НВ четко выявляет сему повторяемости (ПОВТ); русск. Больше всего времени мы проводили на Пре; ср. Больше всего времени мы провели на Пре; польск. Spędziłiśmy po kilku godzin na rozmowie; думается, что так же ведет себя глагол zatrzymać (się--zatrzymywać(się); Zatrzymali się we

Wrocławiu o s i e m d n i - Z a t r z y m u w a l i
s i ę w e Wrocławiu o s i e m d n i. В этом же значе-
ним в чешском отмечен системный для него многократный
вид: *Zimu trávilala v hlavních městech.*

Интересно, что лексическая сема ПР0Т в глаголах этой подгруппы сопрягается в СВ с собственно видовой (грамматической) семой одноактности (ОДН) - о принципе ее выделения см. ниже, - а в НВ (в русск. и польск.) и в многократном (чешск.) - с семой повторяемости (ПОВТ). В случае же инклюзива (Она последнее лето проводит в тундре) грамматической семой оказывается другая - сема процессности (ПРОЦЕСС). Можно предположить, что здесь НВ представлен двумя разновидностями одного глагола: первая - со значением процессного представления одноразового действия, причем это значение реализуется в специальных контекстах, в частности, в историческом настоящем и в инклюзиве; вторая - со значением повторяемости, имеющая большой круг реализаций. (О принципе выделения семы ПРОЦЕСС см. ниже). Соответственно семные составы глаголов, ответственные за его синтагматику, можно изобразить в виде дроби, поместив в числитель семы лексические, а в знаменатель - грамматические. Тогда для СВ глаголов этой подгруппы его семный состав будет иметь вид $\frac{\text{ПР0Т}}{\text{ОДН}}$, НВ₁ - $\frac{\text{ПР0Т}}{\text{ПРОЦЕСС}}$ и НВ₂ - $\frac{\text{ПР0Т}}{\text{ПОВТ}}$. Причем в синтаксической конструкции каждая из этих сем реализует свое значение. Грамматические и лексические семы оказываются инвариантными относительно друг друга в СВ и в НВ₂.

Глаголы ждать-подождать, медлить-помедлить, продолжать-продолжиться, длиться-продлиться, задержаться-задерживаться, сохранить(ся)-сохранять(ся) и др. при выражении одноразового действия (процесса) в сочетании с ВТ и его синонимами выступают как в СВ, так и в НВ. ГВ оказывается для грамматической правильности и для смысла высказывания нерелевантным, ср.: Я буду ждать / подожду тебя полчаса;
В Уфе начались соревнования детских футбольных команд. Они
продлятся / будут длиться неделю; В течение всей жизни он
сохранил / сохранял верность своим юношеским идеалам;

Петр поехал в Ленинград. Он задержится / задерживается там еще неделю; Ср. инклюзив: задерживается там уже вторую неделю; ср. польск.: Będę czekał / Zaczekam jeszcze godzinę; Turniej filmowy potrwa / będzie trwał jeszcze czas jakiś; Zaziębiła się i przez kilkanaście dni musiała pozostać w łóżku = pozostawała w łóżku; W tych przybytkach pozostawali przez pokolenia, bez końca = pozostali przez pokolenia; Zabawili tutaj dzień cały, oglądając miasto i kościoły; - Dzień jeszcze bawiliśmy u gościnnych Pleseńców; ... (tradycyjny obrzęd), który utrzymał się przez zło półtrzecia wieku = utrzymywał się przeszło półtrzecia wieku; Drzewianie zachowali swą mowę słowiańską aż do XVII stulecia = zachowywali do XVII stulecia etc.

Вполне возможно, что выбор СВ или НВ глаголов этого типа в большей степени определяется узусом и условиями дополнительной дистрибуции, которых мы пока еще не знаем; вполне возможно, что более частотен СВ, ср. еще несколько польских примеров: Obraz ten długi czas zachował się w rodzinie; Przez sześć lat udało się zachować tajemnicę; Nieboiszczyk, któremu dochowała wiary przez całe życie, był lepszy od innych. Ср. чешск. Řekl mu, aby chvílku počkal pod dubem; Čekal jsem / počkal jsem nějakou chvíli.

Операцию семантического согласования с семой ПРОТ в темпоративе здесь осуществляет та же лексическая сема ПРОТ. Что же касается видовых сем, то глаголам СВ, как и перечисленным выше, свойственна сема ОДН (семный состав $\frac{\text{ПРОТ}}{\text{ОДН}}$), а НВ - сема ПРОЦЕСС. Формула семного состава - $\frac{\text{ПРОТ}}{\text{ПРОЦЕСС}}$. В данном случае эта сема не вносит рассогласования ни при выражении одноразовости, ни при выражении повторяемости: Обычно также соревнования длятся / длились неделю; Zwykle takie turnieje trwają tydzień.

б) Глаголы подгруппы (б) - где носителем семы ПРОТ является тот или иной формант - это СГД в концепции Н.С.Авиловой⁹, или характеризованные СГД в концепции Ю.С.Маслова¹⁰ и А.В.Бондарко¹¹. В эту подгруппу входят не только временные, но частично и количественные, и ре-

аультивные СГД, например, накопительный: выдержать, выстоять (ночь), высидеть (три часа); ЦЕЛЫХ ШЕОТЬ НЕДЕЛЬ ВЛЕЖАЛА СТАРУШКА; польск. *ra g a g o d z i n w u l e ż e ś w i e j w ł ó ż k u z k w i e ż k a j*; Так *w i e j w u t e s z u ł r a g a g o d z i n*, *z a n i m w g e w z c i e u s n a ł n a r g a w d e j g ł e b o k o*; завершительный СГД: На полатях досидали свои законные - по молодости - минуты Макара с Егором; И четыре дня недоотдыхала и пр. Небольшую, но частотную группу представляет СГД с суффиксом -ну- (-*nu-*): соснуть, вздремнуть, всплякнуть, отдохнуть; ср.: хоть бы маненько стдохнул, соснул часок-другой; Новички решили здесь вздремнуть среди дня часок-другой; Едва уговорил ее приехать сюда отдохнуть недельку; всплякнута минутку; ср. польск. *rozwólcie mi w i e j p r z e d r z e s n a ć s n o ć s w i l e j / p r z e d r z e s n a ć w i e j r a g a g o d z i n*; *O d r o s z n i j m u j a k i ś s z a w*; ... *i d o p i e r o m a m p r a w o o d w a r n a ć k r ó t k a s w i l e j*; *O d e t c h n a j p r z e z s w i l e j i s i e d n a j d a l e j ...*; . Приведем образцы толкования глаголов этой группы:

ВЗДРЕМНУТЬ - недолго подремать; ВСПЯКНУТЬ - немного поплакать; СОСНУТЬ - поспать недолго; ср. польск. *ODSAPNAĆ* - *odrosnąć chwilej*; *WUTCHNAĆ* - *wrażzić szaw na krótkim w u r o s z u n k u*; *ODROSZAĆ* - *wrażzić szaw na w r o s z u n k u*. Семный состав этого СГД изобразим так: ПРОТК в то время как СГД типа выдержать, вылежать, скорее ПРОТД.

Из глаголов с приставкой у- в русском языке в утвердительных предложениях выступают только глаголы удержать, удержаться; Но как в течение длительного времени удержать термоядерное вещество в ограниченном объеме? На этой вертушке самое большое три минуты удержишь ее; глаголы устойть, усидеть, улежать выступают только в конструкциях с отрицанием: дома он больше дня никак не мог

усидеть. В других славянских языках, вероятно, такого ограничения нет, ср. польск. ... istotnie przepisu dać ręką nie mogę. Dwa dziesięć lat uchwalałem, a może i chyba zabiorę do grobu.

Очевидно, что конкретный набор СГД по языкам будет варьироваться, ср., например, польск. Na głodo-wałam się, długie lata; Namokła się, sażę dziesięć; и русск. Наголодался за долгие годы; Вымокла за целый день.

Но разумеется, наиболее "популярными" являются временные СГД с приставками по- и про- (prze-, pro-, pre-). Эти приставки, не внося новой информации в сообщение, соотносят названное глаголом действие со временем, превращая показатель времени при таких глаголах в своеобразный временной актанта. Сема ПРОТ в этих глаголах четко эксплицируется в словарных дефинициях, ср.: русск. ПОГОВОРИТЬ - провести некоторое время в разговоре; ПОГОТОТЯТЬ - готовить некоторое время; польск. POCINIĄĆ SIĘ - chwiać się przez pewien czas; POKRZYCZEC - spędzić trochę czasu krzyjąc; POLEŻEC - spędzić pewien czas leżąc; чешск. POBOLETI - poněkud, trochu zaboleti; POBRUCETI - poněkud, nějakou chvíli bručeti; POFILOSOVATI SE - filosofováním strávit trochu času. То же для глаголов с приставкой про- (prze-, pro-, pre-), ср.: русск. ПРОГОВОРИТЬ - провести некоторое время в разговоре; ПРОРАБОТАТЬ - провести какое-л. время, работая где-л.; польск. PRZERZYWAĆ - przerywać pewien czas na płuwaniu; PRZEPŁAKAĆ - przepędzić jakiś czas na płakaniu; PRZEMILCZEĆ - milczeć przez pewien czas; чешск. PROBĚHNATI - běhaním strávit; PROBLOUZNI TI - strávit (čas) blouzněním; Problouznil jsem tam mnohou hodinu; ср.: словенск. PRESEDETI - vedeč prebiti.

Носителем семы ПРОТ здесь является формообразующий, а точнее, видообразующий формант (он же и словообразовательный), и мы не можем устроить для описания одноразового явления глагол другого вида: Я пробежал целый день по министерствам; Так я некоторое време-

мя понаблюдала за ними. Ср.: польск.

Przez drogę rośladam; Powzięła
jeszcze szaw jakiś; Przerząkała sa-
lę dzień i noc; Silny paroksizm kawlu mnie z
róbtorej rodziny przeszczvż;
чешск. Jednou noc protancovali,
Jediné jitro v zahradě prohodova-
vali; Так провдла jsem několik
hodin; словенск. V ropoldn-е prese-
di v kavarni; Но џ же mirno преврал.

Формула СВ для глаголов этой группы имеет вид ПРОТ.
В НВ, там, где он образуется, появляется сема ПОВТ: ОДН.

Простаивал долгие часы перед
этсй картиной (ср. простоял долгие часы);

Просиживает вечера в библиотеке; ср.

польск. Са џе wie szogę przerząkiwała.

Таким образом, актуализируя временную характеристику глагола, мы вынуждены при выражении одноразового действия выбрать глагол СВ. При анализе семного состава темпорально валентных глаголов и выявляется закономерность именно такого употребления видов.

2. Темпорально авалентные глаголы, не выявляющие при лексическом толковании семы временной протяженности, как например, читать, строить, думать, шить, принадлежать, ходить, приносить, приезжать, встречать и пр. и их эквиваленты в других славянских языках сочетаются с ВТ и его синонимами в массе своей только в форме НВ; закон семантического согласования реализуется здесь на основе грамматического присоединения. Простой эксперимент выявляет, что любые глаголы НВ, сочетаясь с ВТ, дают всего две своеобразные "картинки", две характеристики действия: либо как непрерывность - два года работал; Весь день писал; ср. польск. Jeźał całą dzień chorę; Mielby tu przumięgać głodem tu rodnie lub miewić se; либо как повторяемость - два года приходил поздно; Несколько

дней приносили не нашу газету; ср. польск.

Pięć lat przyszedł ci; łani są e
iucie szutwał a roman; Ależ ona musi sa-
że dnie dguwał, bo ciągle słyszę muzykę.

Эти две семы - процессности (ПРОЦЕСС) и повторяемости (ПОВТ) - и являются основными семами НВ. Иногда они выступают в конъюнкции: сживать, обедывать (здесь с ним обедывал когда-то Школьный Ленский, наш сосед), что впрочем не характерно для современного русского языка, но гораздо частотнее в польском: zuriał, jadał, и совсем системно в чешском. Анализируя предложенное Ю.С. Масловым¹² распределение глаголов по видовым парам, приходим к выводу, что Imperfectiva tantum являются (в русском языке) носителями видовой семы ПРОЦЕСС: работать, сидеть, гулять, находиться. Среди двувидовых глаголов особый интерес представляют входящие в пару типа "делал, делал, да не сделал", "делал, делал и, наконец, сделал" (в дальнейшем "формула Маслова"). Их семный состав формируется конфигурацией сем процессности и результативности (РЕЗУЛЬТ), и нижняя часть дроби может быть записана как ПРОЦЕСС.РЕЗУЛЬТ. Сема РЕЗУЛЬТ, будучи видовой, грамматической, является вместе с тем своего рода функцией лексического значения корневой морфемы или связанной основы глагола¹³, а именно: она свойственна только глаголам, называющим процессы с одной степенью свободы, или результативным¹⁴ (глаголы с внутренним пределом действия - в других терминах¹⁵), то есть стремящимся к своему логическому пределу, или предельным, лимитативным (типовая лексическая сема ЛИМИТ). Мы считаем, таким образом, что лексическая сема ЛИМИТ свойственна корневым морфемам СТРОЙ-, РЕШ-, ШИ- глаголов строить-построить, решать-решить, шить-сшить¹⁶. Полная формула этих глаголов может иметь вид: ПРОЦЕСС.РЕЗУЛЬТ.ЛИМИТ, причем для НВ актуализируется сема ПРОЦЕСС при сохранении семы РЕЗУЛЬТ как потенциального результата, а в СВ - сема РЕЗУЛЬТ, при сохранении семы ПРОЦЕСС как указания на продолжительность. Как видно, обе семы свойственны и НВ

и СВ, выявляясь в различной степени. Присутствие семы РЕЗУЛЬТ в НВ выявляется в сочетаниях со значением повторяемости (темпоратив ЗА+Вин.п. с семой СРОК) : Пятиэтажный дом строят за месяц; Он самую трудную задачу решает за полчаса; - где возникает значение повторяющейся результативности ¹⁷, причем это значение появляется здесь как результат аддитивности - наложения смыслов, поскольку ни в самих глаголах НВ этого типа, ни в темпоративах ЗА+Вин.п. его нет. Появление семы ПОВТ здесь можно объяснить немаркированностью семы ПРОЦЕСС относительно значений единичности / повторяемости (читал час - читал по часу), системностью - в силу этого - использования НВ русских глаголов этого типа в сочетаниях с показателями повторяемости; с другой стороны, сема СРОК (с сильной валентностью) в группе ЗА+Вин.п. должна иметь своим контекст-партнером сему РЕЗУЛЬТ (или ее аналог), поэтому сема РЕЗУЛЬТ проявляется и в НВ (ср. неотмеченное *спал за всю ночь, где в глаголе нет семы РЕЗУЛЬТ). Семный состав в этом случае можно записать формулой

ЛИМИТ
(ПРОЦЕСС.РЕЗУЛЬТ)повт.

Сема ПРОЦЕСС в СВ выявляется, во-первых, в тех же сочетаниях с темпоративом-терминативом ЗА+Вин.п. типа За два часа решил задачу; За месяц построил дом, где очевидна занятость временного отрезка действием от первой до второй границы ¹⁸, ср. невозможное *крикнул за час, *принудил за полчаса, а во-вторых, в лексической интерпретации СВ этих глаголов, предложенной М.Я.Глобинской ¹⁹. Напомним ее интерпретацию: "Она шила платье - Она начала шить, ш и л а (разрядка наша - М.В.) его и кончила шить в момент, когда платье начало существовать; Ребенок написал букву - Ребенок начал писать, п и с а л ее и кончал, когда она начала существовать". Словоформы "шила", "писал" в толковании СВ и есть реализации семы ПРОЦЕСС как компоненты СВ.

Все глаголы СВ, не входящие в "формулу лица", имеют видовую сему одноактности (ОДН), ср. *работал, работав.

но не поработал; *видел, видел и, наконец, увидел и т.п. Семя ОДН представляет собой интереснейшее явление, способное сочетаться с очень разными лексическими семами. С комплексом ПРОЦЕСС.РЕЗУЛЬТ, кроме семы ЛИМИТ, сочетается - в конъюнкции с последней - семя становления (СТАН)²⁰, ответственная за сочетаемость с семой постепенности (ПОСТ) в темпоративах типа с годами, с каждым месяцем; это глаголы типа чернеть, расти, богатеть. Их формула ЛИМИТ, СТАН ПРОЦЕСС.РЕЗУЛЬТ: Город с годами рос; то же в СВ при актуализации семы РЕЗУЛЬТ: Город с годами вырос.

Таким образом, анализ семного состава ГВ позволяет утверждать:

1. Сочетаемость СВ типа проработать, просидеть с ВТ вполне законна и объяснима.

2. Семантика глагольного слова образуется как типовыми лексическими, так и грамматическими - собственно видовыми - семами, составляющими не пучок, не "набор", а конфигурацию сем; при этом каждый член видовой пары может иметь свой собственный семный состав.

3. НВ имеет свое собственное значение и между видами существует скорее эквиолентная, нежели привативная оппозиция.

4. Возможна формализованная запись семного состава глаголов, позволяющая увидеть сочетание типовых лексических и грамматических сем в одном глагольном слове.

Вместе с тем, было бы нечестно утаить случаи, не подчиняющиеся названным закономерностям. Приведем по два таких случая из русского и польского корпуса примеров: Если крыс подвергнуть в течение некоторого времени воздействию ультрафиолетовых лучей, они становятся нервными; долгие годы Горшков привик бороться за свою пару, за свой стиль
 Przez jeden dzień "Delikatesy" przy Kruczej z pałazki się całkowicie w rękach młodych sprzedawczyń; Zwrócić w gorącym piasku ok 30 IO

и п и т. Таких примеров несколько больше, несомненно есть они и в других славянских языках, что должно послужить стимулом для дальнейшего осмысления семного состава славянского глагольного вида.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В работе использованы: Словарь русского языка в 4-х томах. - М., 1961; Příruční slovník jazyka českého. - D. I-VIII, 1935-1957; Słownik języka polskiego. - T. I-10, 1958-1968; Slovar slovesnega knjižnega jezika. - I-4, 1970-1985. (В дальнейшем ссылки на том и страницу не приводятся). Русские и часть польских примеров - из картотеки автора; часть польских примеров - из картотеки Słownik języka polskiego авторские примеры даются без указания автора.
2. Кржижкова Е. Темпорально-квантитативная детерминация глагола (опыт трансформационного анализа) // Československá ruzistika. XI. - Прага, 1966.
3. Гук В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. - М., 1972.
4. Helbig G. Zur Theorie des Satzmodelle // Biuletyn fonograficzny. - XI. - Poznań, 1971.
5. Bondzio W. Die Valenz zweiter Stufe als Grundlage der Adverbial-syntax // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. - 3/4, 1974.
6. Апрессн Ю. Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. - М., 1969; Он же: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М., 1974.
7. Наша статья носит концептуальный характер и подробно эту методику мы здесь не представляем; см.: Всеволодова М. В. Некоторые закономерности сочетаемости слов и словоформ в предложении // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. - М., 1984.
8. Ср. интерпретацию Е. Кржижковой в упомянутой выше статье.
9. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. - М., 1976.
10. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. - Д., 1984.
11. Бондарко А. В. Вид глагола и способы действия в русском языке // Русск. яз. в нач. школе. 1971. - № 2.
12. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. - Д., 1984.
13. Наше внимание на это обратил А. А. Караманов.
14. Долодovich А. А. Проблемы грамматической теории. - Д., 1979. - С. 138.

15. Бондарко А. В. Лимитативность как функционально-семантическое поле; Лимитативные ситуации // Теория функциональной грамматики.- Л., 1988.- С. 45-63, 85-98.
16. Ср. другую точку зрения: Щелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики.- Л., 1988.- С. 63-85.
17. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики.- М., 1980.- С. 79.
18. Ср. другую точку зрения: "действие как бы сжимается в одну точку, не имеющую линейной временной протяженности". Селивёрстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов.- М., 1982.- С. 107.
19. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.- М., 1982.- С. 85.
20. Vogulawski A. O wyrażeniach, oznaczających zmianę.- Semantyka i słownik.- Wrocław ... 1966.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

В современной аспектологической литературе при описании славянского глагольного вида, как правило, учитываются не только собственно видовое (грамматическое) противопоставление перфективности/имперфективности, но и определенные семантические свойства и формальные признаки так называемых "способов глагольного действия" (или просто "способов действия" — далее Сд), сопредельных с видом¹ и составляющих важное звено функционально-семантической категории аспектуальности. При этом признается, что в плане выражения между грамматической категорией вида и Сд имеется принципиальное различие, что их близость и взаимодействие определяется несомненным сходством в плане содержания: в том и другом случае речь идет о значениях, отражающих различные стороны и особенности протекания действия во времени (ср., например, Сд, выражающие значения начала или конечной фазы действия, повторности, однократности действия и т.п.).

О Сд в славянских языках уже имеется довольно обширная специальная литература. Накоплен определенный материал, показывающий сходства и различия в отдельных Сд в современных славянских литературных языках. Однако еще не все славянские языки изучены в этом плане достаточно подробно. Кроме того, известная сложность заключается в том, что до сих пор ведутся дискуссии о самом понятии Сд, даются различные интерпретации этого понятия и термина. Одни авторы рассматривают Сд как лексические или семантические разряды глаголов, другие как семантико-словособразовательную категорию и т.д. Если Н.С.Авилова признает Сд только те группировки глаголов, которые "имеют формально выраженную модификацию значения действия, названного простым глаголом"², то Ю.С.Маслов считает, что "определяющим формальным признаком способа действия являются не те или

иные словообразовательные морфемы, а направление словообразовательной активности, синтаксическое употребление и тип взаимодействия с категорией вида" ³.

Поскольку, как уже было сказано, близость вида и Сд определяется планом содержания, постольку при теоретическом осмыслении понятия Сд важно установить "принадлежность" им сферу семантической зоны аспектуальности, то есть решить вопрос о семантических границах Сд. Если исходить из того, что составные компоненты семантического поля аспектуальности выражаются "разноуровневыми и разноплановыми средствами языка" (И.С.Маслов), то целесообразно установить иерархию этих средств в соотношении с градацией самих широко понимаемых аспектуальных значений по степени их абстрагированности и грамматикализованности. В связи с этим, по нашему мнению, в рамках семантического континуума (поля) аспектуальности следует разграничивать три основных типа значений: видовые (грамматические) значения, значения способов действия (лексико-грамматические) и значения, которые мы называем акциональными (лексическими) ⁴. В соответствии с такой дифференциацией аспектуальных значений глагола мы рассматриваем Сд как своеобразную переходную ступень между грамматической (морфологической) категорией вида и сферой собственно лексических средств передачи аспектуальной семантики. В нашем понимании Сд — это лексико-грамматическая категория, репрезентантами которой являются определенные разряды (группы) глаголов, объединенных общностью формально (морфемно) выраженного частного аспектуального значения. При этом речь идет не о значениях перфективности-имперфективности, а о стоящих на более низкой ступени абстракции и менее грамматикализованных аспектуальных значениях.

Углубленное изучение Сд — одна из насущных задач синхронно-сопоставительной славянской аспектологии. В этом направлении уже сделаны первые шаги и получены интересные результаты (см., в частности, работы М.Деяновой, Э.Семанюковой, Э.Н.Стрежковой, О.М.Соколова, Ц.Черникарского,

М.А.Осиповой, посвященные сопоставительному анализу отдельных Сд в двух или нескольких славянских языках⁵. Дальнейшая разработка данной проблематики предполагает и введение в научный оборот нового языкового материала, и решение ряда теоретических вопросов, и совершенствование методики сопоставительного анализа. Если говорить в общем плане, то важно установить полный состав Сд в современных славянских литературных языках и дать их классификацию с единых позиций (в научной литературе представлено несколько классификаций Сд, выполненных на основе разных теоретических принципов и критериев), описать общие и специфические черты в распределении Сд в отдельных языках, выявить межъязыковые сходства и различия в способах образования Сд (с учетом набора формантов, состава и характера мотивирующих глагольных основ), в семантическом потенциале лексических единиц, относящихся к определенному Сд, и т.п. Заметим попутно, что даже в таком казалось бы простом вопросе, как характеристика формальных средств выражения значений Сд, мнения исследователей расходятся. Одни считают, что во всех славянских языках Сд обслуживаются аналогичными словообразовательными типами⁶, другие, наоборот, утверждают, что между славянскими языками имеются значительные расхождения в формальных средствах выражения способов глагольного действия⁷. Видимо, лишь детальный сопоставительный анализ на материале всех славянских языков поможет внести ясность в этот вопрос. Во всяком случае, уже имеющиеся наблюдения показывают, что наряду с общими или сходными признаками в данной сфере глагола имеются и некоторые различия. Например, известно, что в чешском и словацком языках многократный Сд характеризуется специальными формами: глаголами типа чешск. *dělávati*, *chválivati*, *posívati*; словц. *čítavat'*, *hovorievat'*. В этих языках глаголы данного типа имеют развернутую парадигму и употребляются в различных временных планах. В современном русском языке формы подобного типа (ср.: говаривал, хаживал) являются непродуктивными и редкоупотребляемыми. В свою очередь,

для болгарского языка они вообще не типичны⁸. Общие и отличительные черты обнаруживаются также в плане взаимосвязи Сд с категорией вида. Как неоднократно отмечалось в литературе, видовая характеристика глаголов, относящихся к одному и тому же Сд, в разных славянских языках может не только совпадать, но и расходиться: например, словаческие глаголы с приставкой *na-*, относящиеся к кумулятивно-му Сд, являются одновидовыми (перфектива тантук), ср.: *nakopat'* 'накопать', *pargat'* 'настирать', *nalamat'* 'наломать'; в русском языке аналогичные глаголы данного Сд допускают вторичную имперфективацию, то есть могут выступать как парно-соотносительно по виду, ср.: накопать/накапывать (много картошки), настирать/настирывать (много белья) и т.п.

В данной статье делается попытка синхронно-сопоставительного анализа глаголов сативного Сд (сативных глаголов) в русском, польском и словацком языках. К сативному (сатуративному, левитативному, интензивно-результативному) Сд относятся производные глаголы сов. вида типа русск. набегаться, наговориться, надакочиться; польск. *rabotać się*, *parotować się*, *paratrzyc się*, *parotkować się*; словац. *na-bejovať sa*, *na-sevovať sa*, *na-káčať sa*. Глаголы данного способа действия в славянских языках еще не были предметом детального рассмотрения. Можно назвать лишь одну специальную статью, посвященную сативным глаголам в русском языке⁹.

Отнесение того или иного глагола к данному Сд иногда наталкивается на определенные трудности, так как и по структуре (мощному составу), и по семантике сативные глаголы тесно смыкаются или даже пересекаются с другими производными глаголами сов. вида, особенно с теми, которые в той или иной мере выражают различные оттенки интензивности действия. В связи с этим они нередко рассматриваются в рамках более широких объединений, например, в группе "терминативно-предождительных и терминативно-интензивных способов действия"¹⁰ или в группе "квантитативно интен-

сивных способов действия" ¹¹.

Дефиниции сатирных глаголов, в которых предпринимаются попытки раскрыть специфические стороны их значения, различаются главным образом по формулировкам, хотя иногда в них имеется и расхождение по существу. В одних случаях отмечается, что сативные глаголы выражают "полную завершенность действия и удовлетворенность этим действием субъекта" ¹². В других — их своеобразие усматривается в обозначении действия, "интенсивность и длительность которого вызывает состояние удовлетворения или пресыщенности" ¹³. Последний признак (сема "пресыщение", "насыщение") иногда указывается как основной. При этом одни исследователи дают краткую характеристику значения сативности: "Осуществление действия до полного насыщения" ¹⁴, другие предпочитают более развернутую формулировку и указывают "крайнюю степень удовлетворения, насыщения субъекта действием, называемым исходным глаголом" ¹⁵. В некоторых определениях подчеркивается активность субъекта действия, а само действие характеризуется как суммарное, ср.: "Сативный способ действия указывает на предельно-количественную оценку продолжительности (с возможным оттенком интенсивности) действия с точки зрения активности субъекта в осуществлении действия или состояния" ¹⁶. В качестве примера указываются при этом глаголы типа нагуляться, накуриться, намолчаться и затем уточняется их семантика: "Особенность этих глаголов заключается в том, что они представляют повторяющееся или длительное проявление действия в течение большого промежутка времени как суммарное, связанное в целостное единство через ту или иную субъективную оценку количества действия (досыта, вволю, достаточно и под.)" ¹⁷. В ряде определений фиксируются или акцентируются такие семантические признаки, как исчерпанность действия, достаточная, большая или чрезмерная степень его интенсивности и др.

Развернутая дефиниция сатирных глаголов, включающая многие из вышеназванных семантических признаков, дается

в "Русской грамматике", где говорится, что эти глаголы имеют значение "действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в достаточной степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия" ¹⁹. Перечень различных определений значений сативных глаголов можно было бы продолжить. Однако уже приведенные дефиниции наглядно показывают, насколько сложно уловить наиболее существенные и релевантные смысловые компоненты, составляющие семантическую структуру глаголов сативного Сд. И дело здесь, видимо, не в субъективных взглядах того или иного автора (хотя, конечно, и это имеет место), а в объективном факте, свидетельствующем о том, что интересующие нас производные глаголы действительно обладают сложным многокомпонентным семантическим потенциалом, обусловленным взаимодействием их грамматического (видового) значения, значения словообразовательного форманта и лексического значения мотивирующего глагола.

В их семантике можно выделить два уровня: компоненты значения, общие для всего разряда сативных глаголов и, следовательно, непосредственно несвязанные с лексическим значением мотивирующего глагола и его употреблением в тексте (перфективность, результативность), и компоненты значения, обусловленные лексической семантикой мотивирующего глагола (степень интенсификации процессуального признака, его полнота или чрезмерность в оценке субъекта действия, мера удовлетворенности субъекта результатом действия и т.п.). Учитывая все это, мы будем исходить из следующего рабочего определения: сативные глаголы обозначают результат длительного (или многократного) и интенсивного выполнения действия, названного мотивирующим глаголом, проявляющийся в состоянии удовлетворения, пресыщения или усталости субъекта действия.

Многокомпонентный семантический потенциал сативных глаголов позволяет выделить в их составе две основные группы.

Первую группу образуют глаголы, в семантике которых

на первый план выступает признак удовлетворенности субъекта действием. При лексикографической обработке этих глаголов важную роль играют соответствующие лексические интенсификаторы - адвербиальные показатели сативного значения и его оттенков, ср. например: русск. нагуляться "вдоволь погулять", наплясаться "вдоволь поплясать", наиграться "вдоволь поиграть", налюбоваться "полюбоваться вдоволь, до полного удовлетворения", напариться "вдоволь допариться", нарадоваться "порадоваться вдоволь, до полного удовлетворения" и т.п.; польск. *nabujać się* "robując się do woli, do syta", *nawrzęszyć się* "nakrzęczyć się do woli" и т.п., слов. *nadivati' se* "vel'a, dosyta se divati'", *nasýtiti' se* "užit' niečo do vôle", *narazati' se* "dobro, dosyta se najesti' al. pariti'", и т.п. При этом семантический компонент "удовлетворенности действием" часто дополняется, сопровождается значением "пресыщенности действием", доходящей до степени "усталости, утомленности", ср., русск. набродиться "вдоволь, до усталости побродить", наездиться "получить полное удовлетворение от езды, пресытиться ездой", накуриться "вдоволь покурить, пресытиться курением", напроситься "устать, утомиться, обращаясь с просьбами к кому-л." и т.п.; польск. *nabiegać się* "wędzić wiele czasu na bieganiu, aż do zmęczenia; pobiegać do woli", *napęderać się* "nawycić się gderaniem, ponarzekać do woli", *napuszkować się* "zmęczyć się puskowaniem, mieć dość puskowania", *narobić się* "zmęczyć się pracą", *nastać się* "zmęczyć się staniem", *nawłóczyć się* "włóczyć się do woli, do zmęczenia", *nachodzić się*, *najeździć się* "po różnych miejscach" и т.п. слов. *nabažit' se* "uspokojit' túžbu, mat' dost'", *nasýtiti' se*, *nacicati' se* "cicaním se nasýtiti'", *nalopotiti' se* "t'ažko se narobiti'", *nadrieti' se* и т.п.

Вторую группу составляют сативные глаголы, у которых акцентируется семантический компонент, связанный с количественными показателями интенсификации действия (его длительностью, многократностью). Естественно, что и эти смысловые оттенки сочетаются со значением "удовлетворенности

действием" (которое, правда, при употреблении данного глагола в тексте может иногда отходить на второй план), ср., русск. навидаться "много повищать", навоеваться "много, достаточно повоевать", нагонориться "вдоволь, много поговорить", накланяться "долго, много поклоняться кому-л.", наревветься "вдоволь, долго поревветь" и т.п.; польск. nakrzyczeć się "krzyczeć długo, nawyśubić do woli", naplotkować się "poplotkować tak długo, dużo, że się ma tego dość", napokutować się "dużo pokutować", naprosić się "prosić o coś długo, natarczywie, wielokrotnie" и т.п. словц. nahladovat' на "mnoho hladovat'", pretrpjet' veľa hladu", nahl'adat' на "strávit' veľa času hľadáním", naprat' на "dost'", veľa vuprat'" и т.п. Между двумя названными группами нет строгой границы, они могут частично пересекаться. Во многих сативных глаголах могут сосуществовать и взаимодействовать все указанные семантические компоненты, ср., например, польск. niekiedy się "wiele razy króć wklęć; zmęczyć się wymuśnianiem komuś, przeklinaniem, wiele tego dość", powtarzać się "wiele razy powtórzyć coś, długo powtarzać, wiele dość powtarzania czegoś", nawędrować się "odbyć wiele wędrowek, nawucić się, zmęczyć się wędrowaniem".

При употреблении сативных глаголов в зависимости от условий контекста могут актуализироваться, подчеркиваться различные стороны значения сативности. При этом используется широкий набор адвербиальных показателей и других лексических и синтаксических средств, например, русск. вдоволь, вволю, досыта, достаточно, как следует, до усталости, до утомления, до пресыщения, до одури, слишком много, долго и другие синонимические обороты (в том числе с глаголами устать, утомиться, намучиться и т.п.), а также синтаксические конструкции типа "до того..., что...", "так..., что" со значением различных следствий: "И до того захопотался и набегался, что даже заболел" (Чехов) ¹⁹; польск. do woli, do wyla, donuś, dość, dużo, długo, nieraz, wiele, wielokrotnie, dobrze, do zmęczenia, przez dłuższy czas,

mieć dość, spędzić dłuższy czas (wiele czasu), а также обороты с глаголами zmęczyć się, znużyć się, nauczyć się и др., слвц. do vôle, do výta, do sýtosti, dost', dobre, hodne, mnoho, veľa, priveľa, do veľkej miery, do presýtenia, do omrzenia, až-až, dlho, dlhší čas, stráviť veľa času и т.п. Иногда при выражении сативного значения в тексте возникает своеобразная внутренняя тавтология, ср., например, русск. вдоволь наездиться и наездиться "вдоволь поездить", вволю наиграться и наиграться "вволю поиграть".

Из краткого описания семантики сативных глаголов в русском, польском и словацком языках видно, что в этом отношении сравниваемые языки характеризуются значительным сходством; некоторые частные отличия в лексических и синтаксических средствах выражения сативного значения (ограниченный объем статьи не позволяет подробно, с привлечением большого текстового материала остановиться на этом вопросе) в сущности не меняют общую картину.

Более детально рассмотрим словособразовательный механизм сативных глаголов.

В таких близкородственных языках, как русский, польский и словацкий, естественно, имеется значительное сходство в морфологической структуре сативных глаголов, в механизме их образования.

Во всех трех сравниваемых языках характерной чертой морфологической структуры сативных глаголов является наличие общего набора формантов, состоящих из префиксов: русск. на-, вы-, польск. na-, wy-, слвц. na-, wy- и постфикса (частицы): русск. -ся, польск. się, слвц. sa.

Что касается непосредственного механизма образования сативных глаголов, то для них наиболее типичен, как это неоднократно отмечалось в литературе, префиксально-постфиксальный (комбинированный) способ образования, ср.: русск. бегать — набегаться, говорить — наговориться, дышать — надышаться, кричать — выкричаться ("накричаться вволю; выразить, излить криком все, что накопилось" СРН), плакать — выплакаться ("излить все горе, обиду в

слезах, наплакаться вдоволь" CPH) и др.; польск. *biegać* -- *nabiegać się, gadać* -- *pagadać się, patrzeć* -- *napatrzeć się, biegać* -- *wybiegać się* ("nabiegać się dużo, do woli" Szym.), *krzyczeć* -- *wykrzyczeć się* ("nakrzyczeć się" Szym.), *tańczyć* -- *wytańczyć się* ("natańczyć się do woli" Szym.) и др., слов. *behať* -- *nabehať sa, hľadiť* -- *nahľadiť sa, orať* 'пахать' -- *naorať sa* 'попахать вдоволь, до усталости; напахаться', *behať* -- *vybehať sa* ("do vôle sa nabehať, unaviť sa behaním" KSSJ), *kričať* -- *vykričať sa* ("do vôle sa nakričať" SSJ), *ležať* -- *vyležať sa* 'належаться' ("poležať si do sýtosti" SSJ), *revať* 'громко плакать, реветь' -- *vyrevať sa* ("dovŕta sa naplakať, narevať, vyplakať sa" SSJ) и др.

Во всех подобных случаях сативные глаголы образуются от бесприставочных глаголов по моделям: на-...-ся, вы-...-ся; *па-... się, wy-... się, na-... sa, vy-... sa*. Этот способ самый продуктивный, но не единственный. В аспектологической литературе иногда вскользь отмечается, что в русском языке некоторые глаголы сативного способа действия образуются от развратных глаголов, то есть от глаголов уже имеющих постфикс -ся, например: любоваться -- налюбоваться, купаться -- накупаться ²⁰, ср. также: баловаться -- набаловаться, веселиться -- навеселиться, ро- зиться -- навозиться, дерется -- надерется, дурнаться -- надурнаться, кататься -- накататься, качаться -- накачаться (в значении 'вдоволь покачаться'), любоваться -- налюбоваться, радоваться -- нарадоваться, трудиться -- натрудиться (в значении 'много, вдоволь потрудиться') и т.п. Аналогичные образования представлены также в польском и словацком языках, ср., например: польск. *bijać się* 'качаться' -- *nabijać się* 'вдоволь, досида покачаться' ("robijać się do woli, do wŕta" Szym.), *cieszyć się* 'радоваться' -- *pacieszyć się* 'вдоволь порадоваться, нарадоваться' *trudzić się* 'трудиться' -- *natrudzić się* 'натрудиться', *wibszyc się* 'скитаться, бродяжничать' -- *nawibszyc się* 'наскитаться, вдоволь побро-

дьяничать', *bawić się* (в значении 'веселиться, забавляться') -- *wybawić się* 'вдоволь повеселиться, позабавиться' и др.; словц. *šudovať sa* 'удивляться, дивиться' -- *našudovať sa* 'надивиться', *divať sa* 'смотреть, глядеть' -- *na-divať sa* 'насмотреться, наглядеться', *chvastať sa* 'хвастаться' -- *nachvastať sa* 'нахвастаться', *ponevierať sa* 'скитаться' -- *naponevierať sa* 'наскитаться', *postiť sa* 'поститься, говеть' -- *napostiť sa* 'напоститься, наговеться', *leniť sa* -- *vuleniť sa* 'вдоволь полениться' ('*Nový-ta užít lenoňenia*" SSJ) и др.

Мотивирующая роль возвратного глагола особенно отчетливо выявляется в тех случаях, когда в данном языке нет соответствующего невозвратного глагола, ср., например, русск. смеяться -- насмеяться, польск. *śmiać się* -- *naśmiać się*, словц. *smiať sa* -- *nasmiať sa*.

Указанный способ образования сативных глаголов не имеет в литературе однозначной трактовки. В одних случаях конкретный механизм образования (словообразовательный акт) не уточняется, а лишь указывается, что мотивирующим является возвратный глагол. В других - делаются попытки все же и подобные производные глаголы представить как результат префиксально-постфиксального способа образования. В связи с этим Штефан Пениар замечает, что в словацком языке частица *sa* в таких сативных глаголах не повторяется²¹. Авторы грамматики русского языка усматривают в данном случае наложение, ср.: "В глаголах, мотивированных постфиксальными глаголами, постфикс -ся входит одновременно в состав мотивирующей основы и в состав форманта префиксально-постфиксальных глаголов: вертеться - довертеться, веселиться - навеселиться, гордиться - загордиться, резвиться - нарезвиться"²². Думается, что в данном случае можно говорить о префиксальном способе глагольного словообразования²³. Тогда производные сативные глаголы включаются в соответствующие ряды однокоренных префиксальных образований, мотивированных возвратными глаголами и выражающих при помощи соответствующих префиксов значения различных способов действия

или новые лексические значения (по сравнению с исходным глаголом), см., например, русск. наволноваться (сативный способ действия), разволноваться, заволноваться (различные оттенки начинательного способа действия), новолноваться (ограничительный способ действия), разволноваться (усилительный способ действия), переволноваться (1. "испытать очень сильное волнение", 2. "...потерять способность волноваться" СРН), словц. navmiať sa, rozovmiať sa, ommiať sa, vymiať sa, zavmiať sa и т.п.

По нашему мнению, с позиции синхронного анализа можно признать, что сативные глаголы типа наволноваться, насмеяться являются префиксальными образованиями, однако по своей морфологической структуре (отделившись от актуального механизма словообразования) они совпадают с сативными глаголами типа набегаться, навозваться, наскучаться. Семантика первых и вторых обусловлена взаимодействием значений префикса, глагольной основы и постфикса -ся. Как нам представляется, подобная трактовка словообразовательного механизма сативных глаголов типа наволноваться в известной мере подтверждается возможностью двойной формальной и семантической мотивированности сативной превозвратной и превозвратным глаголом (когда они выступают в одном и том же или очень близком лексическом значении), ср., например: русск. хвастать, хвастаться -- нахвастаться ("идоль похвастать, похвастаться" СРН), целовать, целваться -- нацеловаться ("идоль насладиться поцелуями" ТСРН), польск. bujać, bujać się (оба в значении 'качаться' -- na bujać się 'накачаться' ("bujać, bujać się do woli, do wyla" Dor.), całować, całować się -- na całować się, ср.: "... i przecież ja się kobiet dowuś na całowałem" и "na całowałamy się i naściukawzy się z bracią złączką, kwiądką krzyknął na koniuszego swego, żeby konia wierzchowego podał" (Dor.), словц. hrať, hrať sa (в значении 'играть во что, заниматься игрой', например: hrať v karty и hrať sa v karty) -- nahrať sa 'наиграться' ("stráviť veľa času hraním" KSSJ), lyžovať, lyžovať sa 'ходить, бегать, кататься на лыжах' -- nalyžovať sa

żować вв 'вдоволь покататься на лыжах, накататься на лыжах' и т.п.

Известно, что сативные глаголы образуются от неопределенно-непереходных глаголов, ср., например: навоеваться, нагуляться, наездиться, накататься, налетаться, наплаваться, наплакаться и многие другие. М.А.Щелякин пишет: "Практически любой неопределенно-непереходный глагол русского языка со значением действия лица способен образовать сативный способ"²⁴. В принципе сходная картина наблюдается и в других славянских языках, ср.: польск. *nabiadać się* 'наплакаться, насокрушаться', *nabojować się* 'навоеваться', *naborukać się* 'намучиться, намаяться', *nasiewzуб się* 'нарадоваться', *napaniać się* 'набегаться', *pagłodować się* 'наголодаться', *nahalawować się* 'вдоволь пошуметь', *nakłopotać się* 'нахлопотаться', *naplotkować się* 'вдоволь посплетничать', *nawiedzieć się* 'наседеться' и т.п.; слов. *nabojovať sa* 'навоеваться', *nahladovať sa* 'наголодаться', *nachodit' sa* 'находиться', *naležat' sa* 'належаться', *nalietat' sa* 'налетаться', *nalozit' sa* 'налазиться; набегаться, вдоволь поволочиться за кем-л.', *namotať sa* 'набродиться, намотаться', *naputovať sa* 'вдоволь поездить, наездиться', *nawedieť sa* 'наседеться', *naskákať sa* 'напрыгаться', *nastáť sa* 'настояться', *nawužovať sa* 'намучиться, настрадаться' и т.п.

Наряду с этим возможно образование сативных глаголов от бесприставочных косвенно-переходных и даже переходных глаголов. Приведем лишь несколько примеров с переходными глаголами, ср.:

русск. флотать (пилюли, пыль...) - наглодаться (пилюль, пыли...), косить (траву...) - накоситься, курить (папиросы, сигары) - накуриться (папирос, сигар), нхотать (табак, траву...) - нанюхаться (табаку, травы...), читать (книгу,...) - начитаться (книг,...) и др.;

польск. *czytać* (księżkę, list...) - *naczytać się* (*Naczytać się kryminałów*), *dźwigać* (ciężką walizkę,...) 'поднимать (с трудом)' - *nadźwigać się* 'устать, таская, подни-

мая тяжести' ("wysiłic się częstym dzwiganie[m] kog[os] lub czegoś, dźwigając n[osi]c się kog[os], czegoś": Nadzwigać się work[os]ów, skrzuć, wę[gl]a z piwnicy". Szum.), gotować (obiad, kolację...) 'готовить, варить, стряпать' - przygotować się (obiad[os],...) 'вдоволь поварить, постряпать, настряпаться', kosić (trawę,...) - покосить się 'накоситься' (п[о]косить się przez cały dzień. Szum.), mierzyć (tkaninę, ciśnienie,...) 'мерять, измерять' - namierzyć się ("zmierzyć cos wielokrotnie, zmęczyć się mierzeniem": Namierzyć się r[os]żnych towar[os]w w magazynie. Szum.), pakować (bieliznę, rzeczy; kufer, walizkę,...) 'паковать; упаковывать, укладывать' - паракować się 'устать, намучиться при упаковке' ("sprędzić wiele czasu na pakowaniu, zmęczyć się pakowaniem": Napakować się kufrow przed przeprawą. Szum.), palić (papierosy, fajkę) 'курить' - napalić się (papieros[os]ów, fajki) 'накуриться' и др.;

slu[ci]. čitať (knihu, román,...) 'читать' - načitať sa 'начитаться' (V nemocnici sa načital kni[st] až-až. VSRJ), fajčiť (cigaretu, tabak,...) 'курить' - nafajčiť sa 'накуриться' ("ten sa nafajčil drahých cigaret on накурился (вволю) дорогих сигарет". VSRJ), chleptať (vodu,...) 'лакать' - nachleptať sa 'налакачиться', chlípať (polievku, čaj,...) 'хлебать' - nachlípať sa 'нахлебаться' (nachlípať sa polievku), kosiť (trávu, obilie,...) - nakosiť sa 'накоситься' (Mám sa ja pokosiť! SZJ), maškrtiť (zákuskú,...) 'есть лакомства, лакомиться' - namaszkrtiť sa 'вдоволь полакомиться, налакомиться' ("namaszkrtiť sa zákuskov do výtošti налакомиться а[б] вволю полакомиться пирогами". VSRJ), napievať (pieseň,...) 'петь' - napievať sa 'напеться' ("Čo sme sa napievali o ruakých gen[er]áciách." SZJ; "toľko sme sa napievali, až sme zaschlipli my napoleme[ne] do chriposti". VSRJ).

Уже приведенный материал, который, естественно, не претендует на полноту, свидетельствует, что не следует абсолютизировать положение о непереходных глаголах как словообразовательной базе сативного способа действия, хотя

они несомненно образуют ее основную наиболее продуктивную часть.

Лексико-семантические группы глаголов, от которых образуются сативы, на материале русского языка описаны в статье П.С.Сигалова²⁵. Проанализированные автором 9 групп (статальные глаголы; инкоативные глаголы; каузативные глаголы; глаголы движения; глаголы речи; глаголы, обозначающие звуковые явления; глаголы, обозначающие физические действия; глаголы, обозначающие разного рода деятельность человека; глаголы, обозначающие психические состояния) раскрывают довольно широкую лексическую базу сативных глаголов, а также некоторые ограничения в этом плане (например, невозможность образования сативов от однонаправленных глаголов движения типа ехать, идти, лететь; от глаголов со значением перехода в новое состояние типа вдуть, гаснуть, сидеть и др.). Эти наблюдения подтверждаются и материалом других славянских языков, в том числе польского и словацкого.

В целом, как было показано выше, в образовании сативных глаголов в русском, польском и словацком языках имеется системное сходство (это касается как инвентаря формантов, так и основных словообразовательных способов и типов).

Вместе с тем в сфере образования сативных глаголов в рассматриваемых языках обнаруживаются и некоторые различия.

Так, по нашим наблюдениям, в польском и словацком языках глаголы сативного способа действия могут образовываться от **п р и с т а в о ч н ы х** глаголов **несов.** вида, что совсем нехарактерно для русского языка, ср., например: польск. *naopowiadać się* 'много, вдоволь порассказать, поговорить; устать от рассказов' ("zmęczyć się opowiadaniem": *Naopowiadał się wszystkim o swojej przygodzie*. Szym.), *naubijać się* 'устать, трамбуя, уминая что-л.' ("zmęczyć się ubijaniem czegoś": *Naubijał się gliny na klepisku*. Szym.), *nauganiać się* 'набегаться; налетаться' ("zmęczyć się bieganiem, gonitwą; nalatać się": *Wraca... z rąkami zmęczona, bo się za nimi dość nauganiała*. Dor.),

nawychwalać się 'нахваляться' ("nawycić się chwaleniem czego, mieć dość chwaleńia"; Cieszył się, że ten ostatni swój etap przewędruje między pachnącymi zbożami, wśród ukochanej polskiej mowy, której się nie mógł nasłuchać i nawychwalać. Dor.), nawyczekiwać się 'наждаться' ("znui się wyczekiwaniem" Dor.), nawysługiwać się 'наслужиться, долго, вдоволь послужить; выслужиться' ("bosyc się nawysługiwałam." Dor.); слвц. naobdivovať 'налюбоваться, насмотреться' ("A čo som sa len vo svojom detatve naobdivoval maľovaných truhál." SSJ), napowšievat' 'на много, вволю посмеяться, поиздеваться над кем.-л.' ("Āno, dost' si sa napowšievala z ľuďi." SSJ), napostavat' 'настояться' ("voľakedy som sa napostával pod jej oblokmi." VSRŠ), napremýšľat' 'надуматься' ("Už sme sa nad tým napremýšľali dost'." SSJ) и др.

В отдельных случаях усиливается значение сатиричности за счет своеобразной редупликации префикса, ср.: načudovať 'надивиться' и vupačudovať 'надивиться' с тем же значением, naďívat' 'насмотреться, взглянуть' и vupaďívat' 'насмотреться' с тем же значением. Здесь префикс *vu-* присоединяется к глаголу сов. вида, уже имеющему значение сатиричного способа действия.

Сатиричные глаголы, образованные в польском и словацком языках от приставочных глаголов, не имеют в русском языке точного формального соответствия. При их переводе на русский язык приходится употреблять семантически близкий сатиричный глагол, образованный от бесприставочного глагола, или же передавать сатиричное значение описательно, с использованием соответствующих адвербиальных показателей (вволю, вволю, достаточно и др.) и лексических средств (глаголов устать, утомиться и т.п.).

Второе различие в механизме образования сатириков заключается в том, что в польском и словацком языках мотивирующими глаголами могут выступать иноязычные (в том числе интернациональные) глаголы, ср. польск. *padenerwować się* 'наволноваться, изнервничаться' ("Zmęczył się przy tym,

nakrzyczał i nadenerwował co niemiara". Dor.), nagimnastykować się 'позаниматься гимнастикой до усталости' ("wykonać wiele ćwiczeń gimnastycznych, zmęczyć się gimnastyką": Nagimnastykował się i bolała go nogi. Szym.), nalamentować się 'вволю попричитать, пожаловаться, поплакаться' ("nażalić się, najęczeć się, narplakać się (do woli)": ... nalamentowali się do wyta... Dor.), namedytować się 'вволю, вдоволь поразмышлять, надуматься' ("nasycić się medytowaniem, mieć dość medytowania" Dor.), napolitykować się 'вволю позаниматься политикой; наговориться на политические темы' ("wprędzić wiele czasu na politykowaniu, zmęczyć się politykowaniem, narozmawiać się o polityce" Szym.) и др.; словц. namolestovať sa 'намучиться', namordovať sa 'намучиться, настрадаться; наломаться' ("veľa sa namordovala v chorými deťmi" VSRŠ), naľlakovať sa 'наругаться' (Čo sa tí len naľlakujú! SŠJ), naturbovať sa 'намучиться' (Roboty som mal plné ruky, a dost som sa naturboval, ako ísť na toho a ako na toho. SŠJ).

Определенные различия обнаруживаются в сопоставляемых языках также в лексическом наполнении разряда сативных глаголов. Здесь, правда, проявляется и значительное сходство. Как уже можно было увидеть из проанализированных выше примеров, многие русские, польские и словацкие сативные глаголы по своей структуре совпадают во всех трех языках (речь идет об однокоренных глаголах с соотносительными словообразовательными формантами, ср., например: русск. набегаться, наголоцаться, находиться, польск. nabiegać się, naśladować się, nachodzić się, словц. nabehať sa, naśladowať sa, nachodiť sa). В некоторых случаях совпадают однокоренные образования только в двух языках, например: польск. nażiękować się и словц. nażakovať sa, русск. нахлестаться и польск. nachłapać się и др. Естественно, что значительное число составляют разнокоренные, но лексически тождественные (или близкие по лексическому значению) сативные глаголы (при этом в двух языках могут совпадать и

корни глаголов, например: русск. наговориться, слов. pa-hovorit' sa и польск. pagadać się, польск. naszeakać się, слов. pašakať sa и русск. наждаться, или во всех трех языках соотносятся разнокоренные глаголы, ср.: русск. наискаться, польск. naizukać się и слов. pašlidať sa). Наконец, можно отметить и такие случаи, когда определенный сативный глагол употребляется только в одном из сравниваемых языков, например: польск. paubć się 'вдоволь побыть', paubować się 'достаточно, много построить; замучиться, устать на стройках' ("zbudować czegoś do woli; zmęczyć się budowaniem" Dor.), pařibać się 'вдоволь, много написать' ("pařibać coś wielokrotnie, zmęczyć się pisa-niem" Szym.) и т.п.

Что касается видовой характеристики глаголов сативного способа действия, то они, как правило, являются непарными перфективными глаголами ("перфектива тантум"). Только в редких случаях они могут иметь парно-соотносительное соответствие несев. вида, например: русск. наестся - наедать-ся, накуриться - наку́риваться, польск. pajeść się - pa-ja-dać się.

При сопоставительном анализе можно выявить также сходства и различия в стилистической характеристике сативных глаголов (многие из них относятся к экспрессивной лексике), однако, этот вопрос требует специального рассмотрения.

Выявление при помощи сопоставительного метода всей совокупности структурных, лексико-семантических и стилистических сходств и различий сативных глаголов в славянских языках позволит установить системную и функциональную межъязыковую эквивалентность в сфере данного способа действия, что важно для двуязычной лексикографии и практики перевода с близкородственных славянских языков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. См.: Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. - Вып. I. - Л., 1978. - С. 38.
2. Авидова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова.

- М., 1976. - С. 263.

3. Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. У Международного съезда славистов (София, 1963). - М., 1963. - С. 204.

4. См.: Смирнов Л. Н. Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. - М., 1983. - С. 194.

5. Ср.: Деннова М. За атенуативния начин на действие при българския и чешкия глагол // Български език. 1979. - Кн. 4; Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštině a slovenčine. - Bratislava, 1980; Стрѣкалова

З. Н. Аугментативный способ глагольного действия в русском, польском и словацком языках // Slavica Slovaca. - Bratislava, 1976. - С. 3; Соколов О. М. К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков) // Вопросы сопоставительной аспектологии. - Вып. I.

- Л., 1978; Piernikarski C. Członki z prefiksem JO- w języku polskim i czeskim. Na tle rodzaju akcji w językach słowiańskich. - Warszawa, 1975; Осипова М. А. Некоторые особенности словообразовательной семантики дистрибутивных глаголов в западнославянских языках // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. - М., 1983 и др.

6. Ср.: Сигалов П. С. Задачи и возможности сопоставительно-го и сравнительно-исторического изучения способов действия славянского глагола // Вопросы сопоставительной аспектологии. - Вып. I. - Л., 1978. - С. 49.

7. Ср.: Иванчев Св. За някои основни сходства и разлики между славянските езици в областта на глаголната вид // Славянска филология. - Т. 12. - София, 1975. - С. 148.

8. Vačvargov J. Rozvah sekundární imperfektivace v bulharštině, češtině a ruštině // Materiály z II. symposia o bohemistice v zahraničí. - Praha, 1980. - S. 43.

9. Сигалов П. С. Русские сативные глаголы // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. - Вып. 398. Труды по русской и славянской филологии. Т. XXII. Сер. лингвистическая. - Тарту, 1977.

10. Шелякин М. А. Категория вида и способа действия русского глагола. - Таллин, 1983. - С. 183-190.

11. Секанинова Э. Выявление интенсивности действия в русском и словацком языках // Keskull linguistique de Bratislava. - 1982. - S. 248.

12. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. II. - М., 1938. - С. 293.

13. Бондарко А. В., Булыгин Д. Д. Русский глагол. Л., 1957. - С. 19.

14. Иванова К. Начини на глаголно действие в сравнительно български език. - София, 1974. - С. 61.

15. Сигалов П. С. Русские сативные глаголы. С. 115.

16. Шелякин М. А. Указ. соч. - С. 189-190.

17. Там же. - С. 190.

18. Русский грамматика. Т. I. - М., 1902. - С. 300.

19. См.: Шелякин М.А. Терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия в современном русском языке // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. - Вып. 482. Категория вида и ее функциональные связи: Вопросы русской аспектологии IV. - Тарту, 1979. - С. 66.
20. См., например: Шелякин М.А. Указ. соч. - С. 64. Упоминание о возможности подобного способа образования имеется также в статье: Сигалов П.С. Русские сативные глаголы... С. 116, 121.
21. См.: Faciar Št. Funkcie slovesnej predpony NA- v slovenčine / Лазуковедный сборник. - Bratislava, 1967. - С. 2. - 3. 144.
22. Грамматика современного русского литературного языка. - М., 1970. - С. 191. В "Русской грамматике" в этом случае усматривается совмещение морфем (Т. I, с. 390).
23. Эта точка зрения высказана в кн.: Стрежылова З.Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. - М., 1979. - С. 227.
24. Шелякин М.А. Указ. соч. - С. 66.
25. См.: Сигалов П.С. Указ. соч. - С. 116-125.

И С Т О Ч Н И К И

1. СРЯ - Словарь русского языка. Под ред. А.П.Евгеньевой. - 2-е изд. - М., 1981-1984.
2. ТСРЯ - Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I-4. - М., 1935-1940.
3. Dor. - Słownik języka polskiego. Red. naczelny W. Doroszewski. T. I-XI. - Warszawa, 1958-1969.
4. Szym. - Słownik języka polskiego. Red. naukowy M. Szymczak. T. I-III. - Warszawa, 1978-1981.
5. KSSJ - Krátky slovník slovenského jazyka. Hlavná redakcia J. Kačala, M. Pisárčiková. - Bratislava, 1987.
6. SSJ - Slovník slovenského jazyka. Vedecký red. Št. Faciar. D. I-VI. - Bratislava, 1959-1968.
7. VSRS - Velký slovensko-ruský slovník. D. I.-III. - Bratislava, 1979-1986.

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
 В СЛАВЯНСКОЙ ВИДОВОЙ СИСТЕМЕ (К ПРИНЦИПАМ
 СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Изложенные в настоящей статье принципы сопоставительного анализа закономерностей освоения глагольной лексики иноязычного происхождения (ИП) славянской видо-временной системой легли в основу приведенного исследования глаголов ИП в их отношении к виду и времени в современном чешском языке в сопоставлении с русским языком¹.

Прежде всего, принципиально важным, по нашему мнению, является различие не только понятий центра и периферии — I (П1) видовой системы (ВС) славянского глагола², но и членения центра ВС на ядро, образуемое формами одного и того же слова с формально выраженным видовым значением, и периферию — 2 (П2), представленную двунидовыми глаголами (ДГ), не имеющими формальных показателей видовой принадлежности. Применение теории центра и периферии позволяет максимально точно определить место глаголов ИП, и прежде всего ДГ, в структуре славянской ВС.

При изучении зависимости видовой принадлежности глаголов ИП от лексической семантики глагольного слова существенными оказываются понятия предельности/непредельности действия. Непредельность действия, вслед за Ю.С. Масловым, трактуется нами как "невозможность для данного глагольного понятия функционировать в совершенном виде"³. Непредельные глаголы, если и выступают в совершенном виде, то только с изменением "данного глагольного понятия". Предельность действия мы квалифицируем как возможность для "данного глагольного понятия" — без его изменения — функционировать в несовершенном (НСВ) и совершенном (СВ) виде, т.е. функционировать в видовой паре. Тем самым формами одного и того же слова призываются не только видовые

пары, являющиеся результатом имперфективации, но и видовые пары, являющиеся результатом перфективации - при условии лексического тождества их членов.

Материалом сопоставительного исследования иноязычной глагольной лексики в славянской видо-временной системе могут служить только тождественные в сопоставляемых языках глаголы ИП, как правило, так называемые "интернационализмы" - лексические единицы, "общие для нескольких культурных языков" ⁴. Естественно, что для каждой пары сопоставляемых языков (чешский-русский, чешский-польский, русский-польский и т.д.) группы глаголов ИП, идентичных в обоих языках (аналогичная иноязычная основа при тождестве лексического значения), будут в известной степени различаться ⁵.

Синхронный анализ видовых значений глаголов ИП в чешском и русском языках показал, что в освоении их специфически славянской грамматической категорией вида определяющим фактором является лексическая семантика глагольного слова. Как и у исконно славянских глаголов, именно лексическое значение глаголов ИП обуславливает их видовую принадлежность.

Вот почему глаголы ИП, обозначающие действия или отношения, интерпретация которых в СВ полностью исключена, в чешском и русском языках являются абсолютным *imperfektiva tantum*. Такие факторы, как морфологическая структура, сфера функционирования, степень употребительности для глаголов ИП, одновидовость которых абсолютна, не релевантны. Эти глагольные слова находятся на периферии ВС (П), за пределами системы бинарных оппозиций членов видовых пар. Ср., например, *disonovat* : диссонировать, *interferovat* : интерферировать, *percipovat* : перципировать, *pretendovat* : претендовать, *protežovat* : протезировать, *cirkulovat* : циркулировать, *disharmonovat* : дисгармонировать, *dominovat* : доминировать, *figurovat* : фигурировать, *harmonovat* : гармонировать, *konkurovat* : конкурировать,

postulovat : постулировать и др.

Ještě nejmíň půl hodiny
po probuzení... v i b -
r u j u neklidem. (Lo-
ukot.)

Еще минимум полчаса после про-
буждения я дрожу (букв. в и -
б р и р у ю) от тревоги.

A potom deset minut...
živě v Mikulášovým vý-
rokaem p o l e š i z o -
v a l... (Loukot.)

А потом он десять минут живо
п о л е м и з и р о в а л со
сказанным Микулашем...

Что касается тождественных в обоих языках глаголов
ИП, лексическая семантика которых в
сопоставляемых языках понимается в о б о и х в и д а х,
то в каждом из языков они находятся на одной из 4-х ступе-
ней освоения центром видовой системы: 1. двувидовость при
отсутствии парно-соотносительных приставочных коррелятов
СВ; 2. двувидовость при наличии парно-соотносительных при-
ставочных коррелятов СВ; 3. возникновение видовых пар
"бесприставочный глагол НСВ, полностью утративший перво-
начальную двувидовость (или ранее относительный имперфек-
тив) - производный от него парно-соотносительный приста-
вочный коррелят СВ"; 4. возникновение видовых пар "приста-
вочный глагол СВ - вторичный имперфектив".

ДГ ИП, не участвующие в процессе видового формообразо-
вания (ВФ) (1 ступень), находятся на периферии системы
бинарных оппозиций членов видовых пар (П2). По данным
словарей ⁶, около 140 ДГ ИП и в чешском, и в русском язы-
ках находятся на 1 ступени освоения центром ВС, например,
diskriminovat : дискриминировать, emancipovat : эман-
сипировать, importovat : импортировать, stabilizovat :
стабилизировать и т.п. Ср.:

potom ho o k k u p o v a l a
knihovnice a urgovna pozvání
Jana Otčenáška na besedu (Lou-
kot.)

Потом его повмала (букв.
о к к у п и р о в а л а)
библиотекарша и настой-
чиво напоминала о приг-
лашении Яна Отченашка
на беседу.

Анализ языкового материала показал, что несмотря на общую для чешского и русского языков тенденцию к формальному выражению вида у ДГ ИП, в развитии процесса ВФ в сфере этих глаголов в обоих языках имеется различия. В русском языке живой процесс ВФ у глаголов ИП уступает по активности аналогичному процессу в чешском языке. При тождестве семантики бесприставочных глаголов ИП в чешском они "обрастают" приставками легче, чем в русском: глаголам ИП (примерно 170), которые в чешском языке образуют приставочные видовые пары (II, III ступени освоения центром ВС), в русском языке соответствуют ДГ, в ВФ не участвующие (I ступень). Ср.: (z)automatizovat : автоматизировать, (z)konsolidovat : консолидировать, (z)deformovat : деформировать, (z)unifikovat : унифицировать и т.д.

В чешском языке активность процесса ВФ в сфере ДГ ИП не связана с их морфологической структурой - глаголы ИП в подавляющем большинстве случаев оформляются суффиксом -ova, ср.: adjustovat - лат. adjustare, aportovat - фр. apporter, aranžovat - фр. arranger, avizovat - ит. avviso, dabovat - англ. dub, finiřovat - англ. finish и т.д. Наличие в их составе иноязычных суффиксов -iz- (-iz-), -fik-, -ir- (-ir-) обычно свидетельствует о прямом заимствовании глагольных слов из латинского, французского, немецкого языков⁷. Ср.: detronizovat - среднелат. detronizare, intronizovat - среднелат. intronizare, demoralizovat - фр. démoraliser, dezorganizovat - фр. désorganiser, egalizovat - фр. éгалiser, simplifikovat - лат. simplificare, falsifikovat - лат. falsificare, verifikovat - лат. verificare, gravirivat - нем. gravieren, aranžirivat - нем. arrangieren, vrazirivat - нем. vrazieren и т.д.

Развитие ВФ у ДГ ИП в русском языке предположительно тормозит такой фактор как их морфологическая структура.

Глаголам ИП, оформленным в чешском языке посредством суффикса -ова-, в русском языке соответствуют, как правило, глаголы с суффиксом -ирова-, напр., konsolidovat : консолицировать, konstatovat : констатировать, asistovat : ассистировать и т.п. Там, где в чешском языке \mathcal{P} состав заимствованной глагольной основы входят суффиксы -iz-, -fik-, у идентичных глаголов в русском языке суффикс -изирова-, его вариант -изова- и суффикс -фицирова-, напр., demoralizovat : деморализовать, dezorganizovat : дезорганизовать, improvizovat : импровизировать, falzifikovat : фальсифицировать, ratifikovat : ратифицировать и т.д. У глаголов с суффиксами -ирова-, -изирова-, -изова- развитие формального выражения вида проходит менее активно, чем у глаголов, оформленных при помощи суффикса -ова-. Н.С.Авилова объясняет этот факт большей чуждостью первых системе русского глагола, а также более поздним появлением их (в отличие от глаголов с суффиксом -ова-) в русском языке ⁸.

В чешском языке нет и структурной невозможности образования от приставочных перфективов ИП вторичных глаголов НСВ. В русском языке образование вторичных имперфективов возможно от любого приставочного перфектива ИП, оформленного суффиксом -ова-, и от таких приставочных перфективов ИП с суффиксом -ирова-, у которых ударение падает на конечный гласный этого суффикса, напр., zkomponovat - zkomponovávnt : скомпонсвать - скомпоновывать, zamaskovat - zamaskovávnt : замаскировать - замаскировывать, но zkoordinovat - zkoordinovávnt : скоординировать.

Способ включения глаголов ИП в центр ВС в каждом отдельном славянском языке может зависеть не только от их морфологической структуры, но и от сферы их функционирования, степени употребительности, от наличия или отсутствия "подходящего перфективирующего префикса" ⁹ и славянских аналогов, от состава их видо-временной парадигмы.

При анализе 2-х разновидностей сочетаемости глаголов ИП с славянскими приставками: ВС, как перфективации исход-

ной глагольной основы без изменения ее лексического значения, и внутривербального словообразования (ВС), при котором изменение лексического значения исходной глагольной основы автоматически сопровождается изменением вида, целесообразно, на наш взгляд, различать понятия семантического потенциала приставки и функциональной значимости приставки. Под семантическим потенциалом понимается весь спектр потенциально возможных значений каждой отдельной глагольной приставки. Семантический потенциал приставок существует в языковом сознании носителей языка как следствие языкового опыта. В лексикографии семантический потенциал каждой приставки, как правило, фиксируется в толковых словарях перечислением ее значений, отвлеченных из семантики отдельных групп глаголов, включающих эту приставку. Функциональная значимость приставки понимается нами как конкретная реализация одного из значений, составляющих ее семантический потенциал, в сочетании с определенной производящей основой.

При анализе конкретного материала мы использовали также такие понятия как "валентность основ", "валентность префиксов", введенные применительно к глагольной префиксации З. Скоумаловой. Под валентностью основ понимается способность глагольных основ сочетаться с префиксами, под валентностью префиксов — их способность сочетаться с определенным количеством глагольных основ¹⁰. Считаем необходимым уточнить трактовку указанных понятий следующими дополнениями: способность глагольных основ сочетаться с префиксами обусловлена прежде всего особенностями лексической семантики глагольного слова, а также рядом перечисленных выше факторов и типологией конкретного славянского языка.

Строгое разграничение для глагольных слов НСВ двух возможностей функционирования в СВ: с изменением лексического значения, когда видовое противопоставление проходит внутри одного и того же глагола, опирается на признание существования в славянских языках приставок, способных в сочетании с определенными глагольными основами выступать

в роли инструмента чисто видового соотношения глагольных форм. В зависимости от лексической семантики "данного глагольного понятия", морфологической структуры глагольного слова, сферы его функционирования и степени употребительности, типологии конкретного славянского языка используется или только первая возможность функционирования в СВ (flirtovat, po- (si), za- si: флиртовать, по-) или только вторая возможность (z)kompromitovat : (с)компрометировать) или обе возможности ((a)montovat - na-, od-, pře-, při-, roz-, v-, vy-, za- : (с)монтировать, пере-, раз-, в-).

Закономерности сочетаемости глаголов ИП со славянскими приставками представляют интерес с нескольких точек зрения. 1. Какова лексическая семантика и валентность глаголов ИП в современных славянских языках (в чешском и русском языках, как правило, она минимальна - глаголы ИП присоединяют 1 или 2 приставки). 2. Какие приставки в славянских языках выступают в сочетании с этими глаголами в формообразующей функции, какова их валентность (в чешском языке, например, она колеблется в очень широком диапазоне: так, если приставки od-, roz-, na-, o-, po-, v- перфективируют единичные ДГ ИП, то z- - более 200 таких глаголов, что свидетельствует о значительной унификации в чешском языке средств ВФ в сфере глаголов ИП). 3. Каковы особенности участия глаголов ИП во ВС (валентность лексических приставок, лексическая семантика глагольных слов, их присоединяющих, наиболее продуктивные модели ВС). Полученные данные тем более интересны, что зачастую процесс формального выражения вида в сфере глаголов ИП проходит буквально на наших глазах, что обусловлено динамикой освоения их системой языка-заимствователя. Более высокая, как правило, в чешском языке, чем в русском, валентность исходных идентичных глаголов ИП и приставок, с которыми они сочетаются, свидетельствует о широком использовании в чешском языке при адаптации глагольной лексики ИП готовых моделей ВФ и ВС. Это позволило нам предположить, что о

точки зрения типологической характеристики языка удельный вес агглютинации в области ВФ и ВС в чешском языке больше, чем в русском.

Особо важными для общей теории славянского глагольного вида представляются отношения функциональной эквивалентности сопоставляемых глагольных единиц. Среди идентичных глаголов ИП, ставших членами видовых пар и в чешском, и в русском языках (их около 70), случаи тождества формально-функционального немногочисленны: (z)kondenzovat : (с)конденсировать, (z)formulovat : (с)формулировать, (z)kombinovat : (с)комбинировать, (z)komponovat : (с)компоновать, (z)konstruovat : (с)конструировать, (z)koordinovat : (с)координировать и др. Как правило, перед нами тождество только функциональное. Это прежде всего случаи соответствия большинства ДГ, имеющих в чешском языке приставочные корреляты СВ, ДГ, в русском языке в ВФ не участвующим, напр., (z)kodifikovat : кодифицировать, (z)modifikovat : модифицировать, (z)nacionalizovat : национализировать, (vy)evakuovat : эвакуировать, (z)dramatizovat : драматизировать и т.д. (примерно 170 глагольных слов). Функционально эквивалентны в чешском и русском языках и многие приставочные корреляты СВ к глаголам ИП при различии формальных показателей видовой принадлежности, напр., (z)recenzovat : (от)рецензировать, (z)poetizovat : (о)поэтизировать, (z)hypnotizovat : (за)гипнотизировать, (o)citovat : (про)цитировать, (vy)projektovat : (с)проектировать и т.д. Отношения абсолютного функционального тождества в обоих случаях, на наш взгляд, убедительно подтверждают существование в сопоставляемых языках приставок, способных в сочетании с определенными глагольными основами выступать в чистовидовой функции для образования п р о к в в о д н ы х ф о р м СВ II.

Чрезвычайно важным является исследование особенностей функционирования личных форм глаголов ИП в изъявительном наклонении, показавшее, что состав временной парадигмы этих глаголов определен их видовой принадлежностью. Особый

интерес при этом вызывает анализ состава видо-временной парадигмы ДГ ИП. Оптимальной представляется следующая модель описания взаимодействия в современных славянских языках категорий вида и времени у этих глаголов: выявление сферы проявления двувидовости и состава их временной парадигмы, исследование динамики утраты двувидовости и, следовательно, изменения состава видо-временной парадигмы глаголов ИП, участвующих в процессе ВФ. Тем самым могут быть получены новые данные как о степени взаимозависимости категорий вида и времени, морфологии глагольного вида в том или ином славянском языке, так и о такой разновидности сочетаемости глаголов ИП с исконно славянскими приставками как перфективация исходной глагольной основы без изменения ее лексического значения.

Так, ДГ ИП в современном чешском языке полной временной парадигмой не обладают, что обусловлено неполнотой их видовой парадигмы¹². Отсутствие у этих глаголов морфологических показателей видовой принадлежности и полной видо-временной парадигмы является причиной того, что они находятся на периферии системы бинарных оппозиций членов видовых пар (П2). Анализ особенностей функционирования ДГ ИП в плане непроедших времен показал, что в чешском языке значение будущего времени выражают, как правило, не презентные формы, а формы будущего несовершенного, в русском же языке — именно презентные формы. Ср.:

...Jako dlouho polekú rol-
ník vydrží vám anebo vám
ve svou rodinou sít a
sklízet než b u d e na-
dobro k a p i t u l o -
v a t... (RP)

...Как долго еще сможет
польский крестьянин в оди-
ночку или вместе с семьей
сеять и убирать урожай, пре-
жде чем полностью к а п и -
т у л и р у е т...

Это подтверждает, "что в чешском языке презентные формы СВ связаны со значением будущего времени в меньшей степени, чем в русском, что свидетельствует о менее тесной связи категорий вида и времени в чешском языке в сравнении с русским"¹³.

Утрата двувидовости глаголов ИП и формирование у них полной видо-временной парадигмы возможны только в том случае, если приставка выступает в чистовидовой функции. Мы стремились проследить, выявить (насколько это возможно, так как исследуемый динамический процесс — объект, который очень трудно "сфотографировать") динамику формального выражения вида у глаголов ИП, имеющих "общие формы для обоих видов" ¹⁴, т.е. у ДГ. Присоединение к этим глаголам чистовидовых приставок лишь фиксирует их способность в контекстуальных условиях имплицитно выражать признак целостности действия. Лексическое значение их при этом остается неизменным. И если глаголы, имеющие ранее "общие формы для обоих видов", становятся членами приставочных видовых пар, не изменив своего лексического, словарного значения, мы вправе в данном случае квалифицировать перфективацию как словоизменение ¹⁵. Иными словами, постепенная утрата первоначальной двувидовости и формирование полной видо-временной парадигмы у производящих глаголов ИП и производных от них приставочных глаголов СВ неопровержимо свидетельствует о тождестве их лексического значения. Это, в свою очередь, доказывает возможность образования форм одного и того же слова путем перфективации исходных глаголов при помощи чистовидовых приставок.

Глагольная лексика ИП — уникальный идеальный объект изучения как общих закономерностей адаптации иноязычной лексики в языке-заимствователе, так и механизма взаимодействия категорий вида и времени, славянских приставок и глагольных слов в современных славянских языках. Сопоставительный анализ позволяет более глубоко вскрыть специфику освоения глагольной лексики ИП в каждом из сопоставляемых языков, что, в свою очередь, важно для их типологической характеристики. Выявленные в ходе сопоставительного анализа доказательства возможности признания лексически тождественных членов приставочных видовых пар формами одного и того же слова важны для решения таких дискуссионных теоретических вопросов аспектологии, как вопрос о ха-

рактере грамматической категории вида, о типах видовых пар, о существовании чистовидовых приставок.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. См. Лебедев С.А. Глаголы с заимствованной основой в современном чешском языке (в их отношении к виду и времени): Дис...канд. филол. наук. - М., 1979; Лебедев С.А. Глаголы иноязычного происхождения в видовой системе современного чешского языка (в сопоставлении с русским языком) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. - М., 1983.
2. Центр славянской ВС - бинарные оппозиции членов видовых пар типа *dát-dávat*, *uurovat-uurovovat*: дать-давать, выписать-выписывать и *vařit-uvařit*, *pařit-napařit* варить-сварить, писать-написать, а периферия (П1) - бинарные оппозиции разных глаголов противоположных видов, также противопоставленных друг другу по отношению к категориальному видовому признаку СВ, напр., *psát* и *psávat*: писать и переписать, *avřirovat* и *majzřout*: претендовать и требовать (удавить).
3. См.: Маслов Ю.С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и в болгарском языках) // Славянская филология. - Л., 1964. - С. 91.
4. См.: Filliers J., Bergák F. *Česká lexikologie*. - Praha, 1985. - С. 121.
5. Следует отметить, что не единичны примеры, когда при формальном тождестве глаголов III лексическое значение их в славянских языках различно. Ср. также следующее замечание Я.Петра: "...оба языка (польский и чешский - С.Л.) не совпадают по количеству функционирующих в них заимствованных европейских международных слов (интернационализмов)". См.: Petr J. *Základy polštiny*. - Praha, 1977. - С. 30.
6. См.: Průběh slovník jazyka českého. I-VIII. - Praha, 1935-1957; Slovník vývozného jazyka českého. - I-IV. - Praha, 1960-1971; Slovník vývozného češtiny pro školu a veřejnost. - Praha, 1978; Словарь современного русского литературного языка. Т. I-I7. - М., 1950-1965.
7. Глаголы с суффиксом *-ř(-ur-)* в большинстве случаев или принадлежат к пласту нелитературной лексики (*siřurovat*, *mařurovat*, *mařřurovat*, *staviřurovat*), или носят оттенок разговорности (*fantaziřurovat*, *tonařurovat*); лишь немногие из них стали стилистически нейтральными (*mařřurovat*, *tupařurovat*). См.: Mluvnice češtiny. - Praha, 1986. - С. 463.
8. Авилова Н.С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени // Вопросы языкознания. 1968. - № 5. - С. 76.
9. Kordecký F. *Slovesný vid v češtině*. - Praha, 1962. - С. 41.
10. Škorpálová Z. о комплексní analýze verbální prefixace // *Kapitoly ze gramatiky mluvnice české a české*. III. - Praha,

1968.- С. 202. Различается минимальная валентность - глагольные основы присоединяют 1 или 2 приставки, низкая валентность - 3-4 приставки, средняя валентность - от 5 до 10 приставок, поливалентность - от 12 до 18 приставок.

11. Лебедев С.А. О некоторых спорных вопросах славянской аспектологии (в печати).

12. Лебедев С.А. О временной парадигме двувидовых глаголов иноязычного происхождения в современном чешском языке. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. X : Филология, 1977.- № 4.- С. 57-62.

13. Петрухина Е.В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. II - Praha, 1983.- S. 116.

14. Ср. замечание В.В.Виноградова: "Одним из доказательств того, что формы совершенного и несовершенного вида объединяются в составе одного и того же слова, является наличие глаголов, имеющих общие формы для обоих видов". В.В.Виноградов Русский язык.- М., 1972.- С. 395.

15. Лебедев С.А. K ztrátě obouvidovosti u sloves cizího původu v současné češtině // Slovo a slovesnost. 1980.- С. 4.

МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И МОТИВАЦИОННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ "ИМЯ" - "ГЛАГОЛ"

Вынесенная в заглавие проблема имеет первостепенное значение для современного славянского словообразования: с установлением направления мотивации в паре "имя (существительное)" - "глагол" связано адекватное языковым фактам выявление словообразовательных гнезд, их вершин и синтагматических и парадигматических составляющих, определение круга материала, в принципе подлежащего словообразовательному и морфемному анализу. Ниже рассматриваются некоторые спорные случаи соотношения "имя" - "глагол", оказавшиеся в поле зрения автора в ходе занятий словообразованием и морфемной членимостью заимствованных глаголов в современных русском, польском и сербохорватском языках¹.

Прежде всего рассмотрим случай, когда соотносительное с глаголом имя с процессуальным значением не имеет суффикса - показателя отглагольности (ввезти - ввоз, вывезти - вывоз). Положение И.С.Улуканова о мотивации глаголом имени, содержащего префикс, "выступающий в том же значении в соотносительном глаголе и в ряде других соотносительных глаголов", распространяется и на заимствования, то есть импортировать 'ввезти, ввозить товары и под. из-за границы' → импорт 'ввоз товаров и под. из-за границы'; экспортировать 'вывезти, вывозить товары за границу' → экспорт 'вывоз товаров за границу', вопреки мнению того же автора². То же направление мотивации устанавливается, напр., и для польск. *importować* → *import*; *eksportować* → *eksport*. Это объясняется тем, что заимствованные глаголы, подобно исконным, содержат разнообразные префиксы с типовыми словообразовательными значениями, неизвестными именам³. Сюда относятся, в частности, русск. им-/ин-, польск. *im-/in-* и русск. экс-, польск. *eks-*, обозначающие направление действия внутрь или наружу и синонимичные исконным приставкам в-, вн- и вы-, ву-. В состав приведенных выше

глаголов входит связанная основа —портировать, —portować, которой приписывается значение 'перемещать, возить'.

Направление "глагол" → "имя" на тех же основаниях устанавливается, напр., и для русск. реформировать → реформа, польск. reformować → reformacja. Тогда выстраиваются цепочки, как русск. форма → формировать 'придавать форму' → реформировать 'придать, придавать иную форму (в области социальной жизни; — заново формировать)' → реформа 'действие по глаголу реформировать', и парадигмы, как реформиовать; деформировать 'изменить, изменить форму тела действием на него внешних сил'; трансформировать 'изменить, изменить форму'. Показательно, что в Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова к гнезду с вершиной форма причислен лишь глагол деформировать, в то время как реформировать производится от реформа, а трансформировать считается немотивированным ⁴.

Мотивация имен типа импорт, экспорт, реформа очевидна лишь в связи с глаголами, в которых вычлениются префиксальные морфемы. Ср. пару реваншировать 'заново вступить, вступать в борьбу с целью взять верх над победителем' — реванш 'действие по глаголу реваншировать': в составе глагола (и, соответственно, имени) выделяется префикс ре- в значении повторности действия, что и определяет направление мотивации, хотя основа глагола вычленяется лишь как остаток. Однако в паре, напр., рекламировать 'широко оповестить, оповещать о свойствах товаров — объявить, объявлять, пользуясь рекламой' — реклама 'широкое оповещение о свойствах товаров' мотивирующим является более простое по морфемному составу имя, так как ядро глагола ре- в данном случае не имеет статуса префикса со значением повторности действия, ср. направление богат → богаты в соответствии с принципами, сформулированными И.С.Улухановым ⁵. Нет оснований и для выделения субморфа ре- в составе рекламировать: представляется, что выделение незначущих частей в слове возможно лишь на основании остаточного членения независимо от того, совпадают ли материально эти части с пол-

возначными морфемами ⁶. Поскольку связанная основа -кламировать с дефинитивной семантикой не отмечена, префиксальный анлаут глагола не может вычлениваться и как остаток. Так же и глагол прогрессировать 'двигаться вперед, совершенствоваться' мотивируется именем прогресс 'движение вперед, совершенствование': в русском языке (как и в польском и сербохорватском) не представлен глагольный префикс про-.

Следует признать мотивацию именами и для глаголов, содержащих остаточный префиксальный элемент, не являющийся морфемой. Ср. с.-хорв. импортирати, импортовати 'ввезти, ввозить товары и под. из-за границы', соотносительные с ИМПОРТ; в сербохорватском элемент им-/ин- не образует модели, отмечаемой для русского и польского языков: 'с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (основой), поместить во что-л., проникнуть внутрь чего-л.', то есть не имеет статуса морфемы в указанном значении. Следовательно, мотивирующее - более простое по морфемному составу имя ИМПОРТ. В то же время связанная основа -портирати, -портовати 'перемещать, возить' выделяется в ряду глаголов с полной членимостью: депортирати, депортовати 'насильственно удалить, удалять; выслать, высылать'; экспортирати, экпортовати 'вывезти, вывозить товары и под. за границу'; транспортирати, транспортовати 'перевезти, перевозить; переслать, пересылать', в связи с чем на морфемном уровне члениятся и импортирати, импортовати, содержащие ту же основу в том же значении (префиксальный элемент им- выделяется как остаток).

Как показывает последний случай, словообразовательные парадигмы глаголов, содержащих одну и ту же связанную заимствованную основу, различаются по славянским языкам, несмотря на возможные лексические совпадения. Так, имеем парадигмы: с.-хорв. депонирати, депоновати 'отдать, отдавать на хранение'; экспонирати, экспоновати 'выставить, выставить на обозрение'; компонирати, компоновати 'составить, составлять целое из элементов'; транспонирати, транспоневати 'переместить, перемещать', однако в парадигму не входит

диспонирати, диспонувати 'разместить, размещать': здесь префиксальный элемент вычленяется как остаточный после выделения основы -понирати, -понувати 'помещать'. Далее, польск. *deponować*, *komponować*, *ekwiponować*, *transportować*, но нечленимое *dużyponować* 'обладать', ср. отсутствие семантической соотносительности с связанной основой *-ponować* 'помещать'; русск. экспонировать, транспонировать, но депонировать с остаточной выделимостью префиксального элемента: де- на русской почве, в отличие от сербохорватского и польского языков, не входит в модель со значением 'удалить с помощью действия, названного мотивирующей основой'.

Ср. также парадигмы с.-хорв. депортирати, депортовати и др. (см. выше), польск. *deportować*, *eksportować*, *importować*, *transportować* и русск. экспортировать, импортировать, транспортировать. Здесь хотелось бы подробнее остановиться на мотивационных отношениях типа русск. транспортировать 'перевезти, перевозить' - транспорт 'средство перевозки; грузы для перевозки (и др.)', когда соотносительное имя без суффикса - показателя отглагольности - имеет предметное значение. А.Н.Тихонов устанавливает написание транспорт → транспортировать, не учитывая при этом глагольных парадигматических связей⁷. Мы полагаем, однако, что и в данном случае производным является имя, так как, с одной стороны, глагол обладает полной членимостью (содержит связанную основу и префикс в типичном словообразовательном значении), а с другой - семантика мотивационных отношений отвечает модели 'действие' → 'средство, орудие действия; объект действия', широко представленной в славянских языках. Сказанное относится и к существительным импорт, экспорт в значениях 'ввозимые в страну (или вывозимые из-за границы) товары': эти имена образованы по модели 'действие' → 'продукт действия'. Аналогичным образом - как мотивированные глаголами и сохраняющие префиксальную членимость на морфемном уровне анализа - можно рассматривать и собственно славянские образования типа вапах ('ре-

зультат действия'), насос ('орудие действия'), не имеющие в лингвистической литературе достаточно убедительной интерпретации. Ср. их противоречивую трактовку в Словообразовательном словаре, где запах считается производным от запахнуть, а насос в значении орудия вообще не связывается с соответствующими глаголами⁸.

Следует отметить, что в существующей традиции соотносительные с глаголами имена с конкретными значениями в принципе трактуются весьма непоследовательно. Это относится и к именам с суффиксами процессуальности, как комбинация, аннотация, расположение, послание. В Русской грамматике подобные существительные выводятся за рамки словообразования и рассматриваются исключительно в области лексики в том случае, если они имеют одновременно процессуальное значение. То есть существительные зажигание, заземление: 'орудие, средство действия', расположение, помещение: 'место действия', комбинация, организация, аннотация, репродукция: 'результат действия' заключаются в рамки лексической полисемии, не связанной со словообразованием. С другой стороны, имена без процессуального значения трактуются как отглагольные производные: напр., послание, наследие, преддствие со значением 'объект или результат действия'. Наконец, как мотивирующее выступает в Русской грамматике существительное в паре конструкция - конструировать⁹.

Можно предполагать, что для синхронного описания словообразования факт совмещения процессуального значения - исторически первичного, и конкретных значений - вторичных, абсолютно безразличен. Имена с типовыми конкретными значениями следует рассматривать, как и имена с процессуальной семантикой, как отглагольные производные, если они укладываются в словообразовательную дихотомию 'действие' → 'средство действия'; 'действие' → 'место действия' и т.д. Упомянутое же существительное конструкция относится к словообразовательной категории 'результат действия', ср. аналогичную пару транскрибировать - транскрипция. Производные имена, в толкование которых входит значение глагола, на

морфемном уровне сохраняют и префиксальную членность мотивирующих, если таковая имеется, ср. расположение, последние. Так же при морфемном членении выделяется префикс у-, входящий в состав мотивирующего глагола, в имени усилие 'результат действия (или действие) по глаголу усилить(ся)' ← сидеться¹⁰. Довесим, что для нашей трактовки нет и формальных препятствий, поскольку в этом случае производные существительные обладают типовыми именными суффиксами - показателями отглагольности. Именно такой принцип описания производных принят в Грамматике современного польского языка¹¹.

Мы рассмотрели несколько случаев мотивации, относящихся к суффиксальному способу словообразования: с нулевым суффиксом и с суффиксами "процессуальности". Установленное направление "глагол" → "имя" позволило осуществить префиксальную членность производных имен на уровне морфемного анализа, вторичного от словообразовательного.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. См. Осипова М.А. Заимствованные глаголы в славянских языках: к проблеме словообразовательной и морфемной членности (в печати); Она же. Условия морфемной и словообразовательной адаптации заимствованных префиксальных элементов (в печати).
2. Улуканов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. - М., 1977. - С. 28, 32-33.
3. См. прим. 1.
4. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. II. - М., 1985. - С. 39, 254, 314-315. Подчеркнем, что морфемы де-, транс- в указанных глаголах выступают в типовых словообразовательных значениях аннулирования и повторного осуществления действия.
5. Улуканов И.С. Указ. соч. - С. 32-33.
6. См. прим. 1.
7. Тихонов А.Н. Указ. соч. - С. 254.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. - М., 1985. - С. 656, 730. Слова типа поезд, в толкование которого не входит значение поездить, считаем непроезными, но членными на морфемном уровне благодаря семантической соотносительности с ездить: тогда часть поез- выделяется как остаток, субморф.
9. Русская грамматика. I. - М., 1980. - С. 160, 162, 152-163, 339. То же направление мотивации устанавливает И. Дудзичева для имен с процессуальным значением типа польск.

demoralizacja -- demoralizować, рус. акклиматизация - акклиматизировать, трансплантация - трансплантировать на том основании, что появление образований с суффиксами процессуальности зачастую опережает появление глагола, см. Dulewiczowa I. Słowniki denominalne w języku polskim i w języku ukraińskim. - Wrocław, 1981. - S. 49, 50, 65. Для синхронного словообразования, однако, этот факт нерелевантен. И. Иначе трактует подобные случаи В.В. Лопатин, который у слов усилие, простуда видит префиксальные суфморфы, лишь материально совпадающие с полнозначными префиксами: Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. - М., 1977. - С. 60. Полагаем, что и в простуда нормально выделяется морфема прс-, ср. мотивацию простуда 'результат действия по глаголу простудить(ся)' --- студить.

II. Gramatyka werbiczowego języka polskiego. Morfologia. - Warszawa, 1984. - S. 335 ff. Отметим, что противоречия в принятой (в частности, в Русской грамматике) трактовке существительных типа послание, конструкция связаны с непоследовательным учетом в словообразовательной науке многозначности слова, что относится и к полисемии мотивирующего. Причем если вторичные лексические значения глагола рассматриваются в рамках словообразования, что связано с изучением чистовидовых приставок и видовых пар (ср. лексическое тождество видовых пар польск. kuć 'выковывать' и wykuć 'выковать'; kuć 'подковывать' и podkuć 'подковать'), то для исследований имени это характерно в меньшей степени. Словообразовательному анализу, как правило, подвергается лишь слово в первом, основном лексическом значении. Ср. дискуссию вокруг слова писатель, фразеологичность словообразовательного значения которого усматривается в зависимости от соотносительности с мотивирующим писать в основном лексическом значении или в значении 'сочинять словесные произведения (профессионально)', см., с одной стороны: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. - М., 1973. - С. 9, и, с другой: Быкова Л.А. К вопросу о синтагматической и парадигматической фразеологизации слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Т. I. - Тамбов, 1975; Соколов О.М. О месте семантики в описании мотивационно-словообразовательных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Вып. 2. - Томск, 1978.

СИНХРОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В СЕРБОЛУЖИЦКИХ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Характеристика залоговых отношений в каждом языке предполагает описание структуры этой категории, формальных средств ее выражения и значения составляющих ее форм глагола на основе определенной теоретической позиции, выбор которой связан с тем или иным пониманием сущности данной глагольной категории.

Наборы формальных средств и типы их семантико-функциональных противопоставлений определяют специфический характер и "удельный вес" грамматической категории залога (ГКЗ) в глагольной системе каждого из языков и могут играть роль конкретных критериев при синхронном сопоставлении ГКЗ в названных языках. Применение их даст возможность получить представление о схождениях и расхождениях в залоговых отношениях, характеризующих серболужицкий и русский глаголы.

При анализе ГКЗ мы исходим из того, что в славянских языках данная категория является по своему характеру логико-грамматической¹ и служит для характеристики специфического отношения (диатезы) логического и синтаксического уровней. Отношение между синтаксическими актантами и соответствующими логическими партиципантами в каждой ситуации определяется с помощью семантики и форм предиката. Формы глагола, указывающие на отношение $S/O \sim A/I$ (актант - прямой партиципant), образуют прямые *Genere verbi*; формы, представляющие отношение $S \sim K/Adv$ (актант - косвенный партиципant) - косвенные *Genere verbi*². При этом релевантным является соотношение S и O , с одной стороны, и партиципантов I (A, I) и II (Adv, Adv) степеней, с другой.

При синхронном сопоставлении ГКЗ в серболужицких и русском языках учитывалась общая характеристика глагола в каждом из названных языков - семантическая, синтаксическая

и морфологическая, в том числе особенности таких общих для этих языков категорий, как ГК вида, времени и накло-нения. Они непосредственно связаны с ГКЗ, что находит отражение в структуре формальных средств и формирует своеобразие ГКЗ в данных языках.

Черты структурного сходства между ГКЗ в с.-луж. и рус-ском языках имеют самый общий характер. К ним, например, относится возможность использования наряду с флективными также и аналитических глагольных форм, что характерно для передачи не только грамматических значений залога, но и других грамматических глагольных значений. Так, например, для выражения прямого пассива в с.-луж. лит. языках употребляется сочетание личных форм вспомогательного глагола, образованного от основы *bu-* с формами *n/t-* причастий (ср. *bu bity*); в с.-луж. народном и разговорном языке под влиянием немецкого языка распространены формы вспомога-тельного глагола *wordować / wordować* (нем. *werden*). Наряду с этими формами в с.-луж. литературных языках суще-ствуют синтаксические конструкции - сочетание форм глаго-ла *буć* (в.-луж.), *буѣ* (н.-луж.) с *n/t-* причастиями, ко-торые также выражают определенные дватезы, ср. в.-луж. *wum bity...*, н.-луж. *wom bity...* В русском языке пас-сивные формы также образуются аналитически с помощью форм вспомогательного глагола быть (или его нулевой формы) и причастий на *-н*, *-т*, реже на *-м* (ср. дом построен, он был бит, гоним).

Если, исходя из изложенной выше точки зрения на суть ГКЗ, мы определим ГКЗ в данных языках как трехчленную оппозицию ³, включающую актив - интразитив - пассив, то общим для этих языков будет возможность выражения глагола отношений *S* и *O₄* к *A* и *P*, то есть сходство в их залоговой структуре определяется наличием прямых *Geneta verbi*. Различия же в структуре с.-луж. и русской ГКЗ связа-ны с признаком 'возможность выражения глагольными форма-ми отношений *S ~ K/Adr.*', характеризующих косвенные залого.

Прямой актив - немаркированный компонент ГКз - выража-
 ет как 1) дивтези, общим элементом которых является
 $S=A - a) S=A, O_4=I; \quad \text{б) } S=A, O_4=\emptyset, \quad \text{в) } S=A, O=O_1,$
 так и 2) дивтези с элементом $S \neq A$ ($S=I, S=K$ или
 $S=Adg.$). Примеры: в.-луж. 1) а) Jan cěrježe koło... (Khě-
 žka, 42); б) Ale mašina dzěln (Ml. žně, 35); в) wón je
 wjele wo dziwadle čitał (Ml. žně, 139); н.-луж. 1) а) Šo
 ta toš to pńawjanje pjeworozmje (Koch, 9), б) wobuza běšo
 zawo bližej stupił (Koch, 102), в) Šořtu běšo južo stupił
 na lemjaz... (Koch, 102), Gromla či do wosowu... (Koch,
 102); русск. 1) а) Отец льовл делате сумажных змевь (Тр.
 IУ, 7), б) История подихает, как громадный костер... (Тр.
 IУ, 7), в) Порядок известный: выкакуши только черными
нашиет, а [лотое точно то же только золотом отсчитает
 (Рем. 3); - 2) в.-луж. Jeho wuwoka rostawa a gtekałi pńw
 ... činjeńtaj z njeho žkogo romantiki wuwobu (Khěžka,
 39), н.-луж. To by wěšo wuwje ideologicke wědy a hušci
 wěake druhe k tomu (Koch, 102), русск. Зазвонил звонок;
Прошло много лет... (Тр. IУ, 8); Беды заволокли запахи вре-
мени... (Тр. IУ, 8); Они все были окладены... отблеском того
... костра, в орне которого сплелась вся предьян [русский]
жизнь (Тр. IУ, 8).

Прямой интразитив (рефлективно глагольной формы) -
 маркированный относительный актив компонент ГКз - незави-
 симо от контекста указывает на отсутствие O_4 . Грамматичес-
 кую функцию указателя интразитивности выполняют мор-фемы
 во (в.-луж.), ве (н.-луж.), -си (-се) (русск.). Глагольные
 формы с интразитивным значением выражают различ-
 ные дивтези: 1) а) $S=A, O_4 \neq I$ ($I=O$), б) $S=A, O_4 \neq I$ ($I=O_1$);
 2) а) $S=A/I, O_4 \neq I$ ($O_4=\emptyset$), б) $S=A_1/I_2, O_1=I_1/A_2$,
 в) $S=A, Adg.$; в) $S \neq A$, а) $S=I, A=\emptyset$, б) $S=\emptyset, A=O$, $\{I=O_1\}$,
 в) $S=\emptyset, A$ - на назван, г) $S=I+k$, д) $S=I$ ($A=O_1$), $O_4 \neq I$.
 Например: 1) в.-луж. а) То wum wo někak derje wuwrał...
 (Khěžka, 38), б) Četa wo wo nowe derje staraše (Khěžka,
 44); н.-луж. а) Sekretar gwejny běšo wo zawnjał (Koch, 9),
 б) Suzy cunješo tak, ako by we nad birowymi słowami wjewe-

111 (Koch, 108); русск. а) А как Маргулен огорчился... (Рем. 5), б) Отец... все намерялся что-то написать о Красной гвардии... (Тр. IV, 9); 2) в.-луж. а) Doma drje w wjele kugabe... (Khěžka, 45), б) čosta mǎrny, kaž by so ze wulakimi towarěmi zetkał (Khěžka, 46-47), в) w mjeńšich a wjetšich skupinkach so žiwje rozmoŭjachu (Ml. žně, 37); н.-луж. а) Dla čogo ty se pomjenjoŭ prakti-
kant? (Koch, 112), б) Ach, kak se ruskaja kuzatej, daž
z jadnog' srjorka žerjotej? (Ant., 107), в) How njewěm,
z kim se rozgranjaŭ (Ant., 101); русск. а) Но вскоре Е-
вгений отбился от "серых"... (Тр. IV, 10), б) Так мы и не
попрощались (Тр. IV, 8); ...они и друг с другом виделись
редко (Тр. IV, 10), в) Он с ним переписывался постоянно;
3) в.-луж. а) ...bě jemu, kaž by bydlenske durje so horko
wotwěraŭ sluchaŭ (Ml. žně, 94); Na žehliwych kamjenjach
wurari so kraj (Ml. žně, 93); Moje žiwjenje je so před
dnjami začmilo (Ml. žně, 88), б) Kramerej so hłowu zary-
ri kaž rakej... (Ml. žně, 53); ...a wona začu, kak so jej
při tym wutroba zhrě (Ml. žně, 94); Jemu wšak so derje
gěšeše... (Ml. žně, 55); Roderej chcyaše so jemu wěrić...
(Ml. žně, 37), в) Foča so mócnišo děšćowaŭ (Khěžka, 49);
н.-луж. а) Pšekisana a rozřata słoma se parjašo (Koch,
107); Z kuždym Hajnowym słowom se napnětoŭ z jogo woblicu
rozrubjowašo (Koch, 113), б) Kosakoju se zecnu (Koch,
119), в) A to njejo se jej kšěžo glucyú (Ant., 93); w
tšesem wozu wot slědka jo se zablysknuło (Ant., 91), г)
Jo, kaž se něco ředneg' wřewa, tam ga tek' ja rada slucham
raz (Ant., 105); русск. а) Меня заморозил запах времени,
который сохранился в старых телеграммах... (Тр. IV, 8);
Человек отдельными поступками не измеряется... (Тр., IV,
23), б) ...мне захотелось рассказать и о других людях...
(Тр., IV, 8), в) ...в открытую говорилось в газете о царе,
о псапах, жаңдармах (Тр., IV, 10); Исно чувствовалось, что
в дальнейшем эта опасность еще больше усилится (Тр., IV,
26).

Как показывает анализ примеров, в с.-луж. литературных

языках употребление рефлексивных глаголов практически не знает ограничений: они образуются от всех глаголов прямого активного залога сов. и несов. видов с помощью свободной морфемы *wo* но при этом существуют непарные глаголы, которые употребляются только с этой морфемой (например, в.-луж. *wojeć wo*, *hrimać wo*, *deńcować wo*, *zdać wo*). С.-луж. рефлексивные глаголы употребляются во всех временах и наклонениях и образуются регулярно как от переходных, так и от непереходных глаголов (например, в.-луж. *rowědać - rowědać wo*, *chodźić - chodźić wo*, *chwalić - chwalić wo*, *dreńać - dreńać wo*). В русском языке в отличие от с.-луж. языков рефлексивные глаголы обычно образуются от глаголов несов. вида, переходных (хотя возможны такие немногочисленные случаи, как, например, стучать - стучаться, дышать - дышаться, ср.: здесь хорошо дышится) - передавать - передаваться, писать - писаться и т.д.

С формальными особенностями с.-луж. глагольных форм интранзитива, с большей по сравнению с русским литературным языком регулярностью в образовании рефлексивных глаголов связаны их большая употребительность для выражения диктаты, характерной для прямого пассива. Рефлексивные формы с пассивным значением отмечаются у глаголов сов. и несов. видов. Ср., например, в.-луж. *w zymje chowaju wo te kotce do pince* (Āit., 298); *...abo wo kubło pŕeda abo druha waźniŕa wěc wo zapońje* (Āit., 301); *...zo by twoja... wutroba wohreńa pŕez pŕomjenja horliwosće twojich bratrow* (Āit., 295).

В русском языке формы рефлексивных глаголов с пассивным значением образуются от переходных глаголов несов. вида обычно от 3 л. Ср., например: ...по с семи лет воспитывался в ремесленном училище в Майконе (Гр., IV, 9); ...все материалы передавались Мишину... (Гр., IV, 27); И Петру Алексеевичу слышно, как по утру заказывается обед (Ром., 26).

Возможности конкуренции залоговых форм связаны с особенностями с.-луж. и русской глагольных систем, взаимодей-

ствия категории вида и ГКЗ и характером самих ГКЗ в этих языках. Интранзитивные формы с пассивным значением в русском языке конкурируют или с формами актива, или в ограниченных случаях с формами прямого пассива. Конкуренция с.-луж. рефлексивных глагольных форм с пассивным значением с собственно формами пассива возможна в контекстах, предполагающих активно действующий А (который может быть и не назван), при этом референциальная идентичность А и Р исключается. Она имеет место и в тех случаях, когда А на синтаксическом уровне соответствует объект, выраженный существительным в род. падеже с предлогом *wot* или в вин. падеже с предлогом *řez*. Подобные конструкции в с.-луж. языках считаются характерными для журналистского стиля. Отметим, что "Грамматика современного верхнелужицкого литературного языка" ⁵ рассматривает формы прямого пассива от рефлексивных глаголов как абсолютно противоречащие норме.

Прямой пассив по отношению к прямому активу и прямому интранзитиву является маркированным компонентом ГКЗ: независимо от контекста формы прямого пассива указывают на отсутствие $O_4 (O_4 = \emptyset)$, при этом исключается соответствие S и A, $S \neq A$, то есть предполагается, что $S = P$. Различные типы диатез, представленные в пассивных конструкциях, могут указывать на $A = O_1$ или $A = \emptyset$. Например, в.-луж.: *Mój buchmoj wot woprawdže krasneho wobraza kaž zaslepjenaj* (Čit., 309); *Wona bu z durjemi won data na ženjezasowidženje* (Čit., 310); *...buch ja před wosom lětami bjezmała wobskorženy...* (Čit., 414); *...wón bu pozdžišo na guillotinje wotprawjenu...* (Rozhlad, 252); н.-луж. *w lěće 1923 bu mě pisanje "Serbekeho Casnika" dowěrjone* (Čit., 480); *Kolaso bu porěžone*; русск. В том же году был затян побег (Тр., IV, 30); Через десять дней Богоявленский был убит на улице выстрелом из револьвера (Тр., IV, 31); ...а на горе три лица, трое стоят: все в светлых манто и светлым лица покрыты... (Рем., 32); ...чтобы близкие ему люди не были брошены (Зайцев, 195); ...и как призрачно была принесена

я суда... (Жаицев, 200).

Сочетания, образуемые в с.-луж. литературных языках личными формами вспомогательного глагола от основы *by-* и *-n/-t-* формами, омонимичными формам причастия соответствующих полнозначных глаголов, употребляются от глаголов оосих видов, переходных и непереходных (правда, для непереходных глаголов есть определенные ограничения, связанные с соотношением *з* и *А*)⁶. Эти аналитические формы ограничены с точки зрения выражения различных временных значений, речь идет об одной временной форме, которая полностью не соответствует ни претериту, ни перфекту. Она указывает на несовпадение момента речи и периода, в который совершается действие, выраженное данной формой и в зависимости от контекста свидетельствует о различном соотношении момента речи, периода, о котором идет речь, и момента действия⁷ (см. ниже). См. примеры, приведенные выше, а также следующие: ...sekretarka Broniśława Szymbkowiakówna, kotraž by hižo lěta 1922... wuzwolena do prezidija přěnjeho rowedženja Šleskeho wejma (Rozhlad, 255) '...была избрана...', jemu by pomohane 'ему помогли', wón by hi tu 'его оили', za nim by hladane 'за ним смотрели'.

Эти формы пассива конкурируют с формами прош. времени - перфекта или плюсквамперфекта прямого интранзитива, перфекта или претерита интранзитива, или только перфекта интранзитива.

Как уже отмечалось выше, в с.-луж. языках определенные диатезы, в том числе и пассивную, могут выразить синтаксические конструкции, представленные сочетанием личных и временных форм связочного глагола *być* (в.-луж.) или *buć* (н.-луж.) с *-n/-t-* причастиями полнозначного глагола, ср.: в.-луж. *je zawrjenu*, н.-луж. *je šolowanu*. В с.-луж. грамматике эти конструкции не имеют однозначного толкования⁸. В "Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка" они рассматриваются как формы, которые подобно аналитическим формам пассива могут указывать на ди-

атезу $O_4 \neq P$ [$O_4 = \emptyset$], $S = P$, но в отличие от них они не исключают возможности выражения диатезы $S = A$, ср., например: Jan bu bity ($S \neq A$, $S = P$) – Jan njeje hišće stanjenu ($S = A$)².

При выражении одной и той же диатезы, а именно диатезы пассива, аналитические формы пассива, всегда имеющие процессуальное значение, и синтаксические конструкции названного типа противопоставлены по признаку 'процессуальность'. Последние выступают как немаркированные в отношении выражения этого признака формы, так как в зависимости от контекста они характеризуют действие или как процесс, или как состояние денотата субъекта, достигнутое благодаря предшествующему действию (статальное значение). Данные синтаксические конструкции могут конкурировать с прямым процессуальным пассивом или с прямым интранзитивом. Для в.-луж. литературного языка отмечается довольно частое употребление этих форм для выражения процесса, ожидаемого в будущем. Но в некоторых контекстах речь может идти и о состоянии, предполагаемом в будущем. В конъюнктиве эти формы чаще употребляются со значением процесса. Для форм претерита это значение редко. Настоящее время и перфект этих форм не засвидетельствованы в значении процесса. В инфинитиве же выражение процесса является единственно возможным для данных форм.

Синтаксические конструкции, представленные сочетанием личных форм глагола *być / być* с *-n/t-* причастиями, образуются от глаголов обоих видов (но чаще – совершенного), переходных и непереходных, без каких-либо ограничений. Наиболее употребительны они от таких непереходных глаголов, которые обозначают состояние: например, в.-луж. *mrjeć*, *schorjeć*, *rość*, *zestarjeć*, *radnyć*. Характерно, что при образовании статальных форм от *Reflexivatantum* морфема *vo/ve* оказывается избыточной и элиминируется: ср., например, в.-луж. форму *bě wobdźělenu*, образованную от глагола *wo wobdźělić*. – ... *hdźež běchu wulketnu milinarnju natwarili z... strojemi wulkeje Berlinakeje AEG-firmy, kiž bě zawo z kapitalom na akcijowym towerstaje za fabrikaciju*

briketow wobdźělena (Cit., 425).

В связи с данными синтаксическими конструкциями в с.-луж. литературных языках уместно упомянуть о выражении страдательного залога в немецком языке с помощью форм глагола *werden* и партиципа II спрягаемого глагола (ср. *Das Haus wurde von Maurern gebaut* 'дом строился каменщиками'); эти формы имеют обычно процессуальное значение и с точки зрения выражения признака 'процессуальность' они противопоставлены синтаксическим конструкциям, представленным сочетанием форм глагола *sein* и партиципа II переходных глаголов (ср. *Er ist bestraft gewesen* 'он был наказан' - *er ist bestraft worden* 'его наказали'). Последние обычно имеют статальное значение и образуются от глаголов, способных выражать состояние. Значение партиципа II в этих случаях приближается к значению прилагательного. С.-луж. формы наст. времени типа в.-луж. *Durje wu zawgřene* на русском языке переводятся как 'дворь закрыта'.

В с.-луж. литературных языках синтаксические конструкции с глаголом *być/буѣ* очень распространены и не всегда дают возможность однозначно определить их значение - процессуально-пассивное или статально-пассивное, хотя чаще можно говорить о статальном значении. Ср., например, двойственный характер значения формы перфекта в следующем примере: в.-луж. ...*"kaž wy wěsće, je wěrliki lud lětnotki došlo z wukorjenjenjom wohroženy był ...* (Cit., 415).

*Как вы знаете, лужицким сербам в течение веков угрожали уничтожением (или он жил под угрозой уничтожения). Ср. также другие примеры, где более очевидным является статальное значение, особенно там, где употреблены формы прош. времени: в.-луж. *Po poł hodzinje běchu policu w črijach kwobodrěte* (Ml. žně, 85); *Korčma bě nabitá poľna* (Ml. žně, 133); *Sportowko-wwobodna bě zdawćena ...wřowu po poni-jowsku přitřihane* (Ml. žně, 136); *...ja wum hižo potrójny aktiwist, ale přeco hišće njewoženjenu* (Ml. žně, 150); *Bě so přeradźił, zo je rozhnuty* (Ml. žně, 150); *...jako so připadnje w justwowej kupjeli zetkachmoj - běch techdy*

druhi króć zajaty... (Rozhlad, 225); Wona njebě drje jara změnjena... (Mř. žně, 144); Jeno bě wšo někak přikryte (Mř. žně, 144); Ludžo dale wonka budžeja so čorni, spraneni, z kreju woblecí... (Mř. žně, 93); ...bě wobatupjenje wjeski dokončene (Mř. žně, 47); ...jako njeby wjes docyła była wobydlena (Mř. žně, 47). В следующем примере стательная форма претерита употреблена для выражения процессуального пассива, а интранзитивная форма этого же глагола в индии ливе указывает на значение процессуального пассива в будущем ... dokelž njebě tole srodźiwne něšto ... hišće zhubjene, ale bě hižo na najblišim rúcu so zhubić (Mř. žně, 144); н.-луж. Jaden seły žen stej tej woła tam bytej přiwězanej... (Domaškojc, 16); ... až tam jo marchwej zwurywana (Ant., 86); ... až konje a woz wu byli wukšadnjone (Domaškojc, 17).

Морфологические особенности рассмотренных конструкций, в частности, их способность выражать как диатезу, свойственную пассиву, так и диатезу, характерную для актива, а также быть средством выражения грамматико-семантического противопоставления 'процесс-состояние' и ряд других черт ¹⁰ дают основание не включать их в систему с.-луж. Гкз (как и синтаксические конструкции типа *там вćинjene*).

В русском языке в качестве аналитических форм со значением пассива выступают формы, представляющие обычно сочетание личных форм вспомогательного глагола быть (или его нулевой формы) и краткой формы страдательных причастий прошедшего времени на -н / -т, образованных от переходных глаголов сов. вида (см. выше примеры) или реже сочетание личных форм вспомогательного глагола быть с формой страдательных причастий наст. времени на -м, образованной от глаголов несов. вида (ср., например: он убежден всеми).

В грамматике русского языка эти формы рассматриваются по-разному ¹¹; или как синтаксическое явление (присвязочные именные сказуемые), не входящее в глагольную пара-

дигму, или как чисто морфологическое явление (аналитическая форма пассива). Неоднозначность интерпретации этих форм объясняется различной оценкой степени их морфологизации и роли каждого элемента этого сочетания. В современных грамматиках принята вторая точка зрения и данные сочетания рассматриваются как парадигматические формы пассивного залога наряду с аффиксальными формами страдательного залога, образуемыми посредством элемента -ся/-сь от глаголов несов. вида ¹². Эти два типа форм страдательного залога противопоставлены по признаку 'выраженность/ невыраженность процессуальности'. При этом маркированным членом, всегда указывающим на процессуальное значение, является аффиксальная форма. Аналитическая же форма пассива в зависимости от контекста имеет или процессуальное, или статальное значение.

Согласно принятой нами концепции ГКЗ мы рассматриваем аффиксальные формы с пассивным значением в пределах прямого интранзитива. При сопоставлении форм пассива в с.-луж. и русском языках речь идет об оценке аналитических форм и конструкций с пассивным значением, свойственных этим языкам: с.-луж. тип *buch + -n/-t* формы, тип *je + -n/-t* формы причастий - русск. тип формы глагола быть + -н/-т и -м формы причастий.

Наиболее морфологизированной из этих сочетаний является с.-луж. форма пассива типа *buch, bu + -n/-t* формы, омонимичные причастиям (*Vollzugerpartizipien*). Это парадигматические формы, образуемые для выражения диатез пассива от всех глаголов, допускающих пассивные значения ¹³, то есть от глаголов, которым в активных и интранзитивных предложениях соответствует S, на логическом уровне S=A.

Эти формы, независимо от контекста имеют процессуально-пассивное значение и всегда выражают диатезу S ≠ A, $O_4 \neq P$ [$O_4 = \emptyset$].

При образовании данных форм происходит редукция валентной структуры глагола ¹⁴. При этом в пассивном предложении обязательное указание на агенса характерно для

переходных глаголов с обязательной бивалентностью, у глаголов же переходных с факультативной бивалентностью указание на агенса с помощью объекта с предлогом является факультативным: ср., например, в.-луж. актив: Jan gumuje stwu; пассив с указанием А: Stwa bu wot Jana gumowane и пассив без указания на А: Bu gumowane (русск. 'Ян убирает комнату' - 'Комната убиралась Яном' или '...была убрана Яном' - [в комнате] было убрано').

У переходных глаголов с обязательной бивалентностью в пассиве всегда употребляется S: ср., например, Jan bu wopytany, а не bu wopytane, но Sat bu derje šity / kotom bu šite. Без S употребляются пассивные формы переходных глаголов, моно- или бивалентные: ср., например, в.-луж. Bur chwata - bu chwatane; kotom wny spali - kotom bu wpane (носитель признака, выраженного -n/t- формами, элиминирован).

О высокой степени морфологизации этих сочетаний говорит и то, что они могут включать в свой состав -n/t- формы, омонимичные -n/t причастиям, которые вне данных сочетаний с формами от основы бу- не употребляются. Ср., например, -n/t формы, образуемые в в.-луж. языке от неопределенных глаголов движения типа bu chodžene, bu řažene, bu jězžene, bu wudane, а также от некоторых других глаголов - bu reřowane, bu swaržene, bu šakane, bu wpane, bu sedžane, bu wřuchane, образованные от глаголов reřowaś, swaržeś, šakaś... Именно это обстоятельство позволяет говорить, что данные сочетания образованы не с помощью -n/t- причастий, а посредством специальных -n/-t- форм, омонимичных причастиям. Таким образом, сочетания типа buch, bu + -n/-t форм в с.-луж. литературных языках представляют собой аналитические формы пассива, при образовании которых играет роль способность глагола допускать пассивное значение и, следовательно, семантическая структура глагола, его валентная структура.

В русском языке сочетания личных форм глагола быть с краткими формами страдательных причастий имеет иной мор-

фологический характер, своеобразие которого определяется их неоднозначностью. В зависимости от контекста они могут иметь процессуально-пассивное значение или статальное, значение результата предшествующего действия. Ср., например: В городе, где-то далеко и глухо шумело; как будто все вдали было затоплено гудящим морем (Зайцев, 44) – процессуальное значение; Он закрыт одеялом до подбородка (Зайцев, 44) – статальное. В некоторых случаях подобные сочетания можно трактовать как сочетание связочного глагола быть с предикативом, в других возможно тавтологическое сочетание этих конструкций: как процессуальных и как статальных. Ср., например: Берег был усеян кабинками, людьми... (Зайцев, 118); ...в воду луна серебрилась; поздняя, бледная – она была омита слезой (Зайцев, 122).

Круг глаголов, которые способны образовывать сочетания данного типа, в русском языке ограничен главным образом переходными глаголами сов. вида, от которых образуются н/т- формы страдательных причастий, небольшой группой переходных глаголов несов. вида, от которых употребляются страдательные причастия на -и; сочетания с -и формами переходных глаголов несов. вида типа писано это уже давно малопродуктивны.

Пассивная конструкция данного типа в русском языке всегда употребляется с З, содержит указание на носителя признака, но обозначение А не всегда обязательно, особенно при статальном значении сочетания, ср., Все слегка затуманено... (Зайцев, 43); Ткнулся туда, постучался сюда, – все закрыто, все запорто: не принимают (Рем., 7).

Аналитические формы пассива в с.-луж. языках и русском отличаются и по своей временной характеристике. С.-луж. формы пассива не имеют форм для выражения ожидаемого действия, действия в настоящем или неопределенного по времени действия (см. выше). Диатеза пассива $S \neq A$, $P \neq O_4$ в настоящем времени и будущем может быть выражена только с помощью конкурирующих форм интранзитива. С.-луж. формы прямого аналитического пассива указывают лишь на несовпадение момента

речи и момента действия и могут замещаться или формами плюсквамперфекта (или перфекта) интранзитива, или претеритом (или перфектом) интранзитива, или только перфектом интранзитива в зависимости от того, на какое соотношение момента речи и период времени, о котором идет речь, периода времени, о котором идет речь, и момента действия, указывает контекст.

В русском языке также форма так называемого пассивного настоящего времени типа дом построен в зависимости от контекста может иметь перфектное значение или указывать на разобщенность действия с моментом речи, то есть является немаркированной в соотношении с формами типа был построен, которые указывают на разобщенность действия, о котором идет речь, с моментом речи. Диатеза пассива в настоящем времени здесь может быть выражена формой интранзитива, образованного от глагола несоев. вида - дом строится. Но ожидаемое действие или состояние выражается формой будущего времени типа будет построен. Видовая противопоставленность, представленная в формах интранзитива с пассивным значением и в аналитических формах пассива, а также то обстоятельство, что в русском языке формы интранзитива с пассивным значением всегда имеют процессуальное значение, а формы аналитического пассива являются немаркированными по признаку 'процессуальность', обуславливают их своеобразие по отношению к соответствующим с.-луж. формам. Последние образуются от глаголов обоих видов; но в формах интранзитива, имеющих пассивное значение, и в формах аналитического пассива противопоставления по признаку 'процессуальность' не представлено.

Аналитические формы пассива в русском языке обнаруживают определенную близость к с.-луж. конструкциям, образованным сочетанием личных форм вспомогательного глагола *буѣ / буѣ* и *-н/-т-* формами страдательных причастий, хотя между ними существуют и значительные различия принципиального характера (возможность выражения не только диатезы пассива, но и диатезы *вѣд* в с.-луж. языках данными

конструкциями; меньшие ограничения в образовании с.-луж. конструкций, которые возможны во всех временах и наклонениях от переходных и непереходных глаголов, в том числе возвратных, обоих видов (см. выше). С.-луж. конструкции этого типа имеют различные значения в зависимости от контекста с точки зрения выражения признака 'процессуальность': как и при рассмотрении аналитических форм пассива в русском языке, в одних контекстах речь идет о процессуальном значении, в других - о статальном значении, что обусловлено сохранением двойственного характера причастий. При этом в формах наст. времени и перфекта обычно отмечается статальное значение, в формах претерита - чаще выступает статальное значение, в формах будущего времени и конъюнктива - процессуальное или статальное значение, в инфинитиве - процессуальное значение. Таким образом сходство названных с.-луж. и русских форм названного типа имеет общий характер, обусловленный в ряде случаев неоднозначной их интерпретации с точки зрения выражения признака 'процессуальность'.

Отметим, что тот факт, что рассматриваемые здесь с.-луж. конструкции могут в некоторых контекстах выражать процессуальное значение, обуславливают в ряде случаев возможность конкуренции этих форм с формами аналитического пассива: ср., например, в.-луж. ...běch tehdy druhi króć zajaty... (Rozhlad, 225) 'Тогда я во второй раз был арестован'; Na to bu A.Krawčik dnja 9. měrca zajaty (Rozhlad, 252) 'После этого А.Кравчик был арестован 9 марта'.

Не имея возможности исчерпывающе описать в настоящей статье употребление глагольных форм со значением пассива в русском и с.-луж. языках, мы можем отметить, что в с.-луж. языке глагольная система имеет больше, чем в русском языке, формальных средств, которые могут выражать диатезу прямого пассива: аналитические формы, представленные сочетанием глагольных форм от основы *by* с *-n/t-* формами, формы интранзитива в некоторых контекстах, синтаксические конструкции, образованные сочетанием личных форм вспомога-

тельного глагола *być/byś* и *-n/t-* формами причастий, которые противопоставлены формам с *by-* как немаркированные по признаку 'процессуальность', при этом лишь аналитические формы являются однозначно формами прямого пассива. Характерная черта с.-луж. залоговой системы - отсутствие формальных ограничений (видовых, валентных) при образовании форм интранзитива и собственно пассива. Как показано выше, в русском языке нет формальных средств для однозначного выражения процессуально-пассивного значения.

Наряду с расхождениями между с.-луж. и русским языками на уровне отдельных фрагментов залоговой структуры существуют и различия в формальных средствах, с помощью которых выражаются соотношения логического и синтаксического уровней. Как отмечалось выше, с.-луж. литературные языки обладают средствами для выражения отношений $S \sim K/Adr.$ Таким образом, в этих языках существуют большие по сравнению с русским языком возможности в выборе залоговых форм, который определяется актуальным членением предложения. В отличие от с.-луж. языков русский язык в тех ситуациях, где на первый план выдвигается каузатор, выраженный субъектом, или адресат, также выраженный субъектом, не располагает формальными средствами, которые независимо от контекста выражали бы диатезы, характеризующие косвенные залоговые конструкции.

В состав косвенных *Geneta verbi* в с.-луж. литературных языках входят косвенный актив (КА) ¹⁵, косвенный интранзитив (КИ) и косвенный пассив (КП). Они характеризуются следующими диатезами: КА - $S=K, O_4=P$; КИ - $S=P/K [O_4=\emptyset]$; КП - $S=Adr., O_4=P$.

Формы КА образуются с помощью сочетаний вспомогательно-го глагола *dać (dawać)*, его личных форм во всех временах и наклонениях, с инфинитивом полнозначного глагола:

	в.-луж.	н.-луж.
наст. вр.	<i>dam (na)twarić....</i>	<i>dam zwogac'....</i>
буд.вр.	<i>budu (na)twarić dać....</i>	<i>budu zwogac' dać....</i>
претерит	<i>dach (na)twarić....</i>	<i>dach zwogac'....</i>

perfekt eum (na)twarić daŕ..., eom zwogać daŕ... и т.д.

В предложениях с КА на передний план высказывания выдвигается К, в интересах которого совершается действие, выраженное глаголом. Основными значениями для КА являются пермиссивное и фактитивное значения, поскольку предполагается, что З соответствует партициптант, который терпимо относится к совершаемому действию, желает его совершения или настойчиво требует его осуществления. По отношению к формам прямого актива КА является маркированным, отрицающим диатезы S=A, S=P, S=Adr., S=I. Как отмечается в "Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка" ¹⁶, формы КА могут быть образованы от всех глаголов, за исключением тех, которые в прямом активе (ПА) постоянно выражают диатезу S=Adr. (dostać, krydnuć).

Существуют определенные правила преобразования предложений с ПА в предложения с КА. Ср. например, следующую трансформацию: ПА → КА - S=A, O₄=P, O₃=Adr. → S=K, O₁=A, O₄=P, O₃=Adr. - Krawc šije mojemu synjej nowy woblek → Dam swojemu synjej (wot krawca) nowy woblek šić 'Портной шьет моему сыну новый костюм' - 'Я отдам шить портному новый костюм для сына'. Разнообразие диатез при трансформации ПА → КА определяется условиями контекста. Ср., например: "...to was dam do křody ćisnuć... (Br., 10); "Zcyřa směće wjeseřa być, zo was njesum do křody ćisnuć daŕ... (Br., 12); ... da tam kořo zamknuć... (Kheřka, 54). To spřewanju kóždoho spřewa da sebi Muka je "wulicować" a piwaće (Cit., 310); Što ćinja twoji synojo, kotrychž euy rědžiř a rozwućować daŕ w duchownych wěsach... (Cit., 311-312); A na row damoj sebi nasadźeć ćernje (Cit., 382); Nudobo stany šymko, a bjeztoho zo by sej zwićeny palenc daŕ porjedzić, wza swoj křij... (Cit., 427); н.-луж. Dajoš wěo běřaće ako běřy (Ant., 67); Njebu ga ty mogřa někak zgonić, komu jo dařa naša starka swoj chom wuřotować? (Ant., 78). На русский язык с.-луж. предложения с формами КА переводятся обычно с помощью форм ПА: ср.: 'я брошу вас в тюрьму'; 'можете радоваться, что я не бросил вас в тюрьму';

'там он запер велосипед'; 'после исполнения каждой песни Мука порторял ее себе и записывал'; 'что делают твои сыновья, которых ты породил на свет и воспитывал их душу'; 'а на могилу нам пусть посадят терн'; 'внезапно встал Шимко и, не налив обычной рюмочки водки, взял пилку'; 'ты предоставляешь всему идти так, как оно идет'; 'не могла бы ты как-нибудь узнать, кому наша бабушка заказала построить дом'. Ср. немецкие конструкции "глагол lassen + инфинитив" со значением разрешения, приказа, поручения - Ich lasse mir vom Schneider einen Anzug machen 'Я заказал портному костюм'.

В русском языке при обозначении ситуаций, когда *З* не является собственно производителем действия, а указывает на *К* - инициатора действия, желавшего его совершения и способствующего ему, или когда *К*, не являясь инициатором действия, относится к совершению действия терпимо и разрешает его, в некоторых случаях употребляются глаголы с каузативным значением в конструкциях с инфинитивом соответствующих глаголов. Во многих случаях этот оттенок остается невыраженным. Ср., например: Надо убедить родителей, чтобы они учили своих детей родному языку (в.-луж. Dyrbimy staršich přewědčić, zo bychu swojim dźědom naserjćinu nawuknuć dali); Она попросила дать ей еще визитную карточку (Бунин); Велите ж дать мне лошадей (Некрасов); И предоставил им заниматься своим делом, Григорий закрывал глаза, бросал поводья и... предоставлял коню идти бездорожно (Шолохов); И разрешаю тебе действовать от имени всех нас; Не заставляйте меня повторять вам это; Врач распорядился проследить больного; Мама велит вам сердечно кланяться и пожелать вам всего хорошего; И попросил передать, что у меня нет времени... неизвестный русский предложил ему подписать... изъявление готовности восстанавливать ДнепроГЭС (Солженицын, 43).

Формы *КИ* образуются от всех форм *КА* с помощью морфемы *wo/we* во всех временах и склонениях: в.-луж. dam wo (na)twarić..., budu wo (na)twarić dać..., dach wo (na)twarić...

гіб..., сум во (na)twarić daŕ...; н.-луж. дам се врѣваś
..., budu се врѣваś daŕ..., dach се врѣваś..., nom се
врѣваś daŕ...

КИ независимо от контекста указывает с помощью морфемы *vo/ve* на отсутствие O_4 , а с помощью форм вспомогательного глагола *dać/dlać* на соответствие $S=K$, если S в качестве актанта существует¹⁷. В предложениях с формами КИ могут быть выражены диатезы $S=K$, $S \neq P$ или $S=K+P$. Формы КИ, как и формы КА в зависимости от контекста выражают фактитивное или пермиссивное значения. Существуют определенные правила, которые учитываются при выражении КИ. Так, например, при выражении диатезы $S=K$ ($K \neq P$) А выражается только с помощью O_3 , независимо от того, совпадают или не совпадают референты А и Р. Ср. в.-луж. *Ala hŕaŕnica njeda vo ani z najhoršuŕo pŕihroŕenym helskim wonnjom zastroŕić...* (Br., 5); *Ala pŕaj njebeŕtaj zwiŕcenaŕ so pŕez stare robočanki zatraŕić dać* (Br., 13); *Mój kaŕŕ se hiŕo pŕihotuŕe, do kotrehoŕ so dam ŕiweho zahrebać...* (Cit., 381); *Ŗtŕŕž njeda dŕeŕŕawym ludŕom vo najeŕŕ, tomu ludŕo niŕo njenadŕeŕaju* (Cit., 391); *Corna hida serbskich studowacych so hiŕo skludŕić njedaŕe...* (Cit., 443); н.-луж. *Wot blidarŕa smy se dali nagotowaś stoŕy a blidko* (Ant., 75); *... zo choemoŕ "do pŕeze huŕ k tym řednym ŕowcŕm a se ŕtucki wrѣwaś daŕ"* (Cit., 308); *Ako smy chopili twariŕ, smy se dejali daŕ wot kuŕdego suseda za to podpisaŕ, az su z tym wobjadne* (Ant., 74); *Co smy za luŕe, kotareŕ se dŕmy wot ŕawa koniŕ...* (Ant., 71). Ср. русский перевод приведенных примеров с использованием форм ПА или сочетаний каузативного глагола с инфинитивом возвратного глагола, или сочетания слов, обозначающих отрицание возможности действия в силу каких-либо причин, с инфинитивом глагола: 'но и угроза самого горячего адского огня не испугала грешницу (не заставила грешницу испугаться)', 'но собаки не привыкли пугаться старых работниц'; 'мой гроб уже готовится, я велю похоронить меня в нем живым'; 'для того, кто не дает труженикам наесться досыта, люди

ничего не сделают', 'черную ненависть студентов уже нельзя было усмирить', 'у меня половина жизни была бы легче, если бы я никому не дала себя уговорить', 'у столяра мы заказали себе сделать стулья и стол', '...что мы хотим "идти к милым девушкам на вечеринку с приданием и попросить их что-нибудь исполнить для нас"', 'когда мы начали строить, то каждый сосед должен был дать подписку, и что они с этим согласны', 'что мы за люди, которых погоняет время:

В русском языке выражение диатез, характеризующих в с.-луж. литературных языках КА и КИ, не связано со специальными средствами – вспомогательными глаголами "предоставительного" или "побудительного" значения (ср. в этой роли немецкий глагол lassen sich), ср. русск. Цлохо тому, кто обманывается (позволяет себя обманывать) – в.-луж. běda tomu, kiž so lerić da / – КИ, Пусть нам простит, что мы разрешили вам ждать – в.-луж. Njech wo nam woda, zo wmy wam šakać dali – КА (ср. нем. Es möge uns verziehen werden, dass wir sie warten lassen), русск. соблазниться чем-либо – в.-луж. dać so zawjeać (lassen sich verführen ном.). Ср. также русск.: он одевался у лучших портных; он не позволил сойти себя с толку; обстоятельства дают ей возможность показать себя, где можно найти значения, которые в с.-луж. языках будут выражены формами КИ.

Формы с.-луж. косвенного пассива (КИ) также не имеют в русском языке соответствий. В в.-луж. литературном языке они образуются с помощью сочетаний личных форм вспомогательного глагола dostać (dostawać) с -n/t- причастиями полнозначного глагола¹⁸. В н.-луж. литературном языке в роли вспомогательного глагола выступает dostać, в с.-луж. народных говорах более употребительным является глагол krupań. Формы КИ употребляются во всех временах и наклонениях, за исключением императива: в.-луж. наст. вр. dóstana zarjácene..., претерит dóstach zarjácene..., перфект wuz zarjácene dostał..., плюсквамперфект běch zarjácene dostał..., итеративный претерит и конъюнктив bych zarjácene dóstal...; н.-луж. krudnu darjone..., krud-

nuch darjone..., som darjone krydnuŕ..., bŕech darjone krydnuŕ... Формы КП образуются от глаголов обоих видов, переходных и непереходных.

Необходимость в применении форм КП возникает тогда, когда в центре высказывания оказывается *Adr.*, в этом случае формы КП всегда и независимо от контекста указывают на диатезу *S-Adr.* и не могут быть замещены никакими другими залоговыми формами. Если в предложении *A* обозначен, то он выражается с помощью объекта, употребленного обычно с предлогом - *wot* + Род.п., *přez* + Вин.п.

Как отмечается в "Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка", наиболее часто конструкции с формами КП встречаются в тех предложениях, где партиципантам адресата соответствуют лица или животные, и возможны, но почти не употребляются там, где речь идет о неодушевленных предметах; абсолютно исключены в случаях, где *Adr.* выражен абстрактным существительным.

Различные типы диатез (при *S-Adr.*) в предложениях с формами КП зависят от конкретного контекста. Ср., например, в.-луж. *wšo do hromady dósta Šymko 116 000 hriwnow w hotowym wuršacene* (Cit., 429) 'Всего ему выплатили 116 000 марок наличными' (ср. нем. *Insgesamt bekam Šymko 116 000 Mark in bar ausbezahlt*) (*S-Adr.*, $O_1=A$, $O_4=P$), *Fridolin dósta bróžnju jako konjenc připokazanu* (Br.) 'Фридолину под конюшню отвели сарай' (*S-Adr.*, $O_4=P$, *A* - не выражен), ср. также *wón dóstanje wote mnje pomhane* 'И ему помог' и *wón dostanje pomhane* 'Ему помогли', где в первом случае $O_1=A$, а во втором - *A* не выражен, а *P* не участвует в ситуации, *Mu emy dóstali naižane* 'Нас обманули', н.-луж. *Ja krydnu nowy woblak šytu* 'Мне сошьют новый костюм'.

Как в в.-луж., так и в н.-луж. литературных языках есть конструкции, которые, подобно упомянутой выше конструкции типа *być/byt + n/t* причастие, могут выражать определенные диатезы, частично совпадающие с теми, которые характеризуют формы *ПА*, *КА*, *ШИ*, *КИ*, *ПП*, *КП*. Это синтакси-

ческие конструкции, представленные сочетанием личных форм связочного глагола *měć/měć* во всех временах и наклонениях и страдательного причастия полнозначного глагола. Как правило они употребляются от глаголов сов. вида и лишь в редких случаях - от глаголов несов. вида. Ср. в -луж., н.-луж. наст. вр. *mam polo zwogane...*, буд. вр. *zweju polo zwogane...*, претерит *mějach zwogane...*

В с.-луж. литературе они оцениваются неоднозначно: как так называемый *Genus elegale* в н.-луж. грамматике, как синтаксические конструкции, стоящие вне системы *Genus verbi* - в в.-луж. грамматике современного литературного языка, - имеющие результитивное значение¹⁹. В предложениях с этими конструкциями могут быть выражены различные диатезы, при этом в некоторых случаях они допускают и рассмотрение их как сочетание полнозначного глагола *měć/měć* и страдательного п/т причастия в функции предикативного дополнения. Ср., например, в.-луж. *To je ói kaž z kornarjom, kiž nima swoju wěr naprawu (Šit., 389);* *Maš hižo předate? (Šit., 427); ...w Mazulic statoku mējachu trělbju a municiju wchowane w koporejach a łožach (Šit., 444).* Ср. русский перевод этих примеров: 'Это тебе как с воротником, ширина которого не обозначена'; 'Уже продал?'; 'В Мазулицах у них были спрятаны в диванах и кроватях ружья и боеприпасы'. В русском языке данным конструкциям могут соответствовать предложения с формами актива или пассива. Ср. также: в.-луж. *wón mějeje ju bjezwólnu wabi podwolenu (Mł. žně, 144);* *swoje motorske mējach njeźdelu wjeđor zawo wróbo, čiste wurjadžene a suličke přehladane (Mł. žně, 151)* 'Она была ему безвольно подчинена'; 'В воскресенье вечером у меня уже снова был мотоцикл, хорошо вычищенный и полностью проверенный'. В данных примерах выражены следующие диатезы: 1) S-A или S-K; 2) S=Adv..

Сопоставление с.-луж. и русской ГКЗ, основу которой в каждом из этих языков составляет трехчленная оппозиция (актив - интранзитив - пассив), приводит к следующим выво-

дам.

1. Если принять в качестве исходной такую модель ГКЗ, которая указывает на возможность выражения различного типа отношений между синтаксическими актантами и соответствующими логическими партиципантами и, следовательно, предполагает определенным набором формальных средств, с помощью которых характеризуются как отношения $S/O \sim A/G$, так и отношения $S \sim K/Adv.$, то следует признать, что с.-луж. залоговая система соотносится именно с такой моделью. Она включает формы так называемых прямых и косвенных *Genera verbi*. В русском языке можно говорить об усеченном характере данной исходной модели: ГКЗ включает элементы, соответствующие формам прямых *Genera verbi*.

2. С.-луж. ГКЗ представлена двумя рядами форм прямых и косвенных *Genera verbi*, что увеличивает выбор формальных средств, составляющих ГКЗ, при актуальном членении предложения. Так, в с.-луж. литературных языках возможно формальное выражение следующих диатез: $S=A$, два способа выражения диатезы $S=I$, $S=A/P$, $S=K$, $S=K/P$, $S=Adv.$ В русском языке средствами прямых *Genera verbi* передаются диатезы $S=A$, $S=A/P$, $S=P$.

3. В с.-луж. языках не наблюдается в ряде случаев таких формальных ограничений при образовании некоторых форм залога, которые свойственны русскому языку: так можно говорить о регулярном образовании с.-луж. форм интранзитива от глаголов обоих видов, переходных и непереходных; аналитических форм пассива (об ограничениях см. выше).

4. Благодаря формальным ограничениям в образовании залоговых форм, существующих в русском языке, выражение различных залоговых значений может оказаться связанным с различиями видовыми или валентными.

5. Характер отдельных форм залога в с.-луж. языках дает основание говорить о большей степени их морфологизации по сравнению с соответствующими формами в русском языке (ср., например, формы аналитического пассива в с.-луж. и русском языках).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Интерпретация залоговых отношений с помощью характеристики различного типа диатез предложена в "Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка" (*Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Verfasst von Helmut Passke unter Mitarbeit von Siegfried Michalek. Morphologie.* - Bautzen, 1981. - S. 196-236). См. также определение категории залога в "Грамматике польского языка" (*Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia.* - Warszawa, 1984. - S. 137).
2. См. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache...* - S. 197-198.
3. См. *Grammatik...* - S. 201, 203-204, 213.
4. См. *Grammatik...* - S. 207.
5. *Grammatik...* - S. 204.
6. См. сноски № 13
7. См. *Grammatik...* - S. 212-213.
8. См., например, в верхнелужицкой грамматике Г. Шустера-Шевца (*Šewc Hinc. Gramatika hornjoserbiskeje rěče, I. Fonematika a morfologija, Budyšin, 1968.* - S. 200-201) эти конструкции определяются как сложные формы пассива, которые образуются главным образом от перфективных глаголов и, в отличие от других славянских языков, возможны не только от переходных, но и от непереходных глаголов; они имеют так называемое перфектное значение и указывают на результат предшествующего действия. Эта форма является одним из средств выражения пассива наряду с рефлексивными формами глагола и сложными формами, включающими специальную форму претерита вспомогательного глагола *буѣ*. Р. Деч считает, что данные конструкции имеют стательное значение (стательный пассив) и с этой точки зрения противопоставлены процессуальному пассиву, образованному с помощью личных форм от основы *by-*. Стательное значение связано со стательным признаком причастия - *Lětzsch R. Problem klasifikacije t.m.j. dźělow rěče // Lětopis, A, 13/1. 1966, S. 58-69*. Важно подчеркнуть, что и та, и другая точки зрения предполагают, что рассматриваемые конструкции являются элементом системы с.-луж. ГКЗ.
9. См. *Grammatike...* - S. 234.
10. Согласно точке зрения Г. Пасске (см. *Grammatika...* - S. 320) конструкции *буѣ+* причастия не являются аналитическими формами пассива; они представляют собой синтаксические конструкции, образованные глаголом-связкой и страдательным причастием полнозначного глагола, которое употребляется в своих собственных причастных функциях (в частности, атрибутивной). С аналитическими формами пассива эти конструкции объединяет только два признака - редукция валентности, хотя и лишь у определенных групп глаголов, а также возможность названия агенса в предложениях, где данные конструкции употребляются. Поэтому они стоят на периферии ГКЗ и противопоставлены всем залоговым формам глагола как немаркированные в отношении выражения признака 'процессуальность'.

11. Ср., например, исключение данных сочетаний из глагольной парадигмы А.А.Потебней (Из записок по русской грамматике. - М., 1958. - С. 154).
12. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология. II. - Братислава, 1960. - С. 362-364; Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. - М., 1953. - С. 804-805.
13. Среди непереходных глаголов формы пассива образуют такие, которым в активе и интранзитиве соответствует S (на логическом уровне S=A): ja pomham jemu --> jemu bu (wote mnje) pomhane; won' wo jemu podzjakowachu --> jemu bu podzjakowane. Ср. с непереходными глаголами, исключаящими диатезу S=A, которые не образуют аналитических форм пассива: mřeć, rość, wchorjeć... В диалектах и разговорном языке возможны формы аналитического пассива от неуправленных глаголов движения типа bu chodžene, bu řažene (См. Grammatika... - S. 212).
14. О редукции обязательной валентности см. Grammatika... - S. 129.
15. Впервые при описании парадигматических форм глагола в с.-луж. литературных языках были учтены косвенные залоговые формы *Inderekte Genus verbi* - В Grammatik... - S. 214-224, где дана новая интерпретация залоговой структуры в в.-луж. литературном языке, которая может быть применена и при описании системы залогов в других славянских языках. В грамматике н.-луж. языка (Niedersorbische Grammatik. - Bautzen, 1976. - S. 309-316), где признается существование форм прямого и косвенного пассива, дана иная интерпретация как отдельных форм, так и залоговой структуры в целом в н.-луж. литературном языке, по отношению к концепции залога, предложенной в Grammatik...
16. Grammatik..., - S. 289.
17. Grammatik..., - S. 220.
18. Grammatik..., - S. 221-222.
19. См. Niedersorbische Grammatik... - S. 310, 316; Grammatik... - S. 228-232; См. также: Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка... - С. 373.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Зайцев - Зайцев Борис. Повести и рассказы. - М., 1990.
- Рем. - Ремизов Алексей. Крестовые сестры. Повесть. - М., 1989.
- Солженицын - Солженицын Александр. В круге первом // Новый мир. 1990. - № 2.
- Тр. IV - Трифонов Юрий. Собрание сочинений. Том четвертый. - М., 1987.
- Ant. - *Lybosc' pytań*. Antologija dolnoserbskeje literatury. - Budysin, 1980.
- Br. - Brězan Jurij. Stara Jančowa. Dwe' nowelce. - Bautzen, 1952.

Domaskojc - Domaskojc Marjana. Z našeje glinjaneje bud-
ki.- Budyšin, 1972.

Čit. - Serbska čitanka. Sorbische Lesebuch.- Leipzig,
1981.

Khěžka - Khěžka Jurij. Basniske džěro.- Budyšin, 1961.

Koch - Mjazy sedym mostami.- Budyšin, 1969.

Mr. zne. - Młode žně. Zběrka literarnych džěrow serbskeho
spisowacelskeho dorosta.- Budyšin, 1959.

Rozhlad - Rozhlad. Casopis Domowiny za serbsku kulturu,
č. 9 lětnika 39, 1989.

Т.Н.МОЛОШНАЯ

ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАХ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрению проблемы аналитических форм (АФ) императива в славянских языках посвящена другая статья автора¹, где был сделан вывод о том, что из большого разнообразия глагольных сочетаний с модальными частицами признать АФ императива, т.е. отнести к морфологии, можно, и то с известной осторожностью, лишь болгарские сочетания частиц да и нека с формами 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. наст.вр. и недей/недейте с "сокращенным инфинитивом". В остальных сочетаниях с частицами, кроме категориального значения императива, отмечаются разного рода дополнительные лексические значения, что связано с неполнотой грамматикализации частиц. Эти сочетания должны быть признаны синтаксическими конструкциями, характеризующимися разной степенью аналитичности и служащими для выражения императивного (побудительного, запретительного и пр.) модального значения.

В сослагательном (условном, желательном, потенциальном) наклонении² всех славянских языков АФ бесспорно существует, точнее, - в большинстве славянских языков сослагательное наклонение (СН) выражается только с помощью АФ. Из всех когда-либо предлагавшихся толкований понятия АФ самое убедительное, на мой взгляд, принадлежит А.И.Смирницкому³. Согласно А.И.Смирницкому, АФ - это сочетание некоторого основного слова в определенной его форме с известным служебным словом; это словосочетание относится к основному слову, входящему в его состав, как особая грамматическая форма. Так, в болгарском сочетании бих казал слово бих изменяется по лицам и числам (бих казал, би казид, бихме казали и т.д.) и характеризуется максимально ослабленным лексическим значением; второй компонент казал имеет форму причастия аориста и выступает с ярко выраженным лексическим значением - значением соответствующего глагола. Существеннейшим условием того, что словосочетание

функционирует в качестве формы одного слова, является наличие простых, не составных, синтетических форм в той же категории, в которую входит данная АФ. Сочетание слов оных казал выступает как одно слово в грамматической форме СН потому, что другие формы той же категории являются простыми, синтетическими: кажа - формы изъянительного наклонения, кажи/кажете - форма повелительного наклонения. Этот параллелизм с синтетическими формами категории наклонения делает словосочетание оных казал грамматической аналитической формой СН. Рассмотрим положение АФ СН в разных славянских языках по отдельности.

В русском языке СН образуется сочетанием глагольной формы на -д (ее вариантом может быть форма с нулевой флексией, например, мог) и неизменяемой частицы бы (или б). Давно установлено, что морфологическая форма глагола, входящая в это сочетание, значения прош. вр. не выражает, а лексическое значение частицы бы (б) стало ее грамматическим значением; соединение же этих двух единиц порождает грамматическое значение СН. Тяготение безударной частицы бы (б) к первому полному ударному слову в предложении приводит к сближению или даже к слиянию этой частицы с некоторыми союзами или частицами, например, чтобы(чтоб), если бы, якобы, хотя бы и пр. Подобное слияние не означает, что частица бы (б) перестает быть компонентом АФ СН. Дистантное положение компонентов этой формы не только допустимо, но и чрезвычайно распространено: Глаза бы мои тебя не видели!; Чтоб глаза мои тебя не видели!. В этой связи можно вспомнить термин "разрывная морфема", бытовавший в лингвистике: морф -д(-#) и морф бы(б) составляют разрывную морфему, или АФ, СН, независимо от их позиции в предложении ⁴.

СН может употребляться в самостоятельном и в придаточном предложениях. В самостоятельных предложениях форма СН выступает в своем общем категориальном значении - она эксплицитно выражает нереальность действия, не ограниченного рамками только 1-го и 2-го лиц (в отличие от императива,

который выражает действие нереальное и ограниченное рамками 1-го и 2-го лиц)⁵. Это общее грамматическое значение СН по-разному конкретизируется при разных синтаксических условиях и в различных контекстах. Так, СН выражает 1) гипотетическое (возможное, предполагаемое) действие: Этот человек был бы твоим другом; 2) желание в разных его оттенках: Я бы поел чего-нибудь; Ты бы отдохнул; 3) категорическое побуждение: Чтоб он был здесь вовремя! и пр. В сложноподчиненных предложениях СН стоит либо в придаточном и в главном, либо только в придаточном: Был бы мороз, лед бы окреп; Я хочу, чтобы он это сделал.

Частица бы может сочетаться не только с формой на -д, но и с инфинитивом: Уйти бы отсюда! Она употребляется и в безглагольных предложениях: денег бы побольше!, а также сочетается с предикативным словом категории состояния: По-ра бы ехать домой. Встречаются также случаи присоединения этой частицы к неличным формам глагола: Нашлись бы люди, с радостью сотрудничавшие бы с изобретателем (газ.). Представляется, однако, что частица бы образует АФ СН только вместе с формой на -д. Все остальные случаи относятся к синтаксическим сочетаниям слов и не являются морфологическими формами СН.

Точно также не относятся к СН сочетания глаголов в форме прош. вр. с частицей было. Эта конструкция служит для обозначения действия, начавшегося, почти доведенного до конца, но не осуществившегося и не приведшего к ожидаемому результату: Повозка было тронулась, но он остановил ее. Нередко частица было может сочетаться и с неличными формами: Прекратившийся было дождь вдруг полил опять; Они похватали горшки и божать было в деревню и пр. И семантический и синтаксический анализ сочетаний сказуемых форм с частицей было приводит к выводу, что эти сочетания не только не относятся к области АФ СН, но вообще не входят в систему наклонений русского языка⁶.

В современном чешском языке грамматисты нередко различают две "временные" формы СН: 1) форму наст. вр., образу-

емую сочетанием вспомогательных форм *bych, bys, by, bychom, byste, by* с причастием на -1 (*přinesl, -a, -o bych* и пр.) и 2) форму прош. вр., образуемую сочетанием форм СН наст. вр. от основного глагола и причастия на -1 от глагола *býti (byl, -a, -o bych přinesl, -a, o- и пр.)*.

Из слияния изменяемых (в отличие от русск. неизменяемой он) вспомогательных форм СН *bych, bys, by* и т.д. с частицей *at* и союзом *kdy* возникли изменяемые по лицам и числа вспомогательные сращения *abych, abys, aby* и т.д. и *kdybych, kdybys, kdyby* и т.д., которые также участвуют в формировании значения СН. Например, *Řekni Janovi, aby přijel v tebou.*

Рядом грамматистов замечено, что эти формы СН "настоящего" и СН "прошедшего" времени отличаются друг от друга не темпоральными, а модальными значениями⁷. Первая форма обозначает потенциально выполнимое действие: *Pomohl bych vám, kdybych mohl*; вторая форма передает невыполнимое и невыполненное действие, при употреблении этой формы обычно предполагается отрицательный вывод: *Kdybych to byl věděl, nebyl bych tam šel* 'Если бы я это знал, я бы туда не пошел' (= 'Я этого не знал'). Поэтому разумнее их называть не "сослагательное настоящее" и "сослагательное прошедшее", а "сослагательное I" и "сослагательное II" и считать, что они образуют разные серии форм сослагательного наклонения.

В чешском языке для выражения модальных оттенков желательности, гипотетической возможности, условности и пр. при форме сослагательного I используются усилительно-побудительные и усилительно-волевые частицы *bodej, bodejt', bodejž, kéž*, а также уже упомянутые сращения частицы *at* и союза *kdy* со вспомогательными изменяемыми по лицам и числам формами *abych, abys* и т.д., *kdybych, kdybys* и т.д. Например: *Bodejt' by dala chvílku pokoji! Bodejž by tě huva kopla!*; *Kéž bych měl tři ruce!*; *Kdybys raději nemluvil!*; *Aby měl u sebe tu knihu!* и пр. В случаях употребления частицы *kéž* и сращения *kdyby* при форме сослага-

тельного II может передаваться значение сожаления (по поводу не совершившегося действия): Ach, keď by 'byl nezmeškal vlak! 'Ах, если бы поезд не опоздал!' - 'Поезд опоздал'. Из примеров видно, что значения СН I и СН II представлены здесь не в чистом виде, они осложнены побудительно-оптативным значением, характерным скорее для императива. Все эти дополнительные оттенки привносятся перечисленными модальными частицами и срещенными частиц и союзаху со вспомогательными глагольными формами bych, був, by..., употребляемыми вместе с причастием на -1. При этом представляется, что частицы и союз, даже входящие в срещення, не объединяются вместе с причастием в АЃ слова. Они сохраняют свое собственное лексическое значение, которое распространяется на все предложение в целом. Это подтверждается тем обстоятельством, что рассматриваемые частицы могут сочетаться также и с формами наст. вр. индикатива (Keď sa objevil), и с причастием в АЃ без вспомогательной глагольной формы (Vodej mi oči vytekly), выражающие те же значения желательности, возможности, условности и пр. Кроме того, значительная часть употреблений этих частиц с побудительно-оптативным значением относится к числу фразеологически связанных словосочетаний (ср. Aby/vodejt' /vodejt' by tě hiva korň!) В.

Собственно грамматически АЃ СН - это вспомогательные формы by... и byl by... + причастие на -1: pšinevl by и byl by pšinevl. Здесь снова можно вспомнить понятие "разрывная морфема", упоминавшееся в связи с СН в русском языке. При этом замечать, что СН в русском и чешском существенно различаются, ибо если в русском языке имеется одна АЃ СН, выражающая и потенциально выполнимое действие и невыполнимое действие, то в чешском - две АЃ: сослагательное I и сослагательное II, разделенные между собой два указанных значения.

По положению СН в системе глагольных форм польский язык ближе к чешскому, чем к русскому. Там так же, как в чешском, имеются сослагательное I и сослагательное II, на-

зывается обычно в грамматиках условными наклонениями наст. и прош. времени.

СН I образуется присоединением к форме 3 л. прош. вр. частицы *by* с личными окончаниями: *chodziłbym* (*chodziła- bym*), *chodziłbyś* (*chodziła byś*) и т.д. Подобно личным окончаниям глаголов прош. вр., частица *by* с личными окончаниями может отрываться от глагола: *Chętnie bym coś przekąsił* (наряду с *przekąsiłbym*). Ср. два синонимичных предложения *Czy powzedłbyś ze mną na spacer?* и *Czybyś powzedł ze mną na spacer?* 'Не пошел ли бы ты со мной на прогулку?'. Я. Пузынина приводит как допустимые варианты еще и предложения *Czy ze mną byś powzedł na spacer?*; *Czy na spacer byś ze mną powzedł?*⁹. Во всех этих примерах мы имеем дело с подвижностью *by* и личных окончаний.

СН II образуется из форм СН I глагола *być* и прош. вр. спрягаемого глагола в соответствующем роде и числе: *był- bym* *chodził* (*byłabym* *chodziła*), *byłbyś* *chodził* (*byłabyś* *chodziła*) и т.д.

О значениях СН I можно сказать, что они в основном совпадают со значениями СН в русском языке. Специфическим для польского также, впрочем, как и для чешского, является использование СН I с модальным оттенком неполной уверенности: *Na razie to byłoby wszystko* 'Пока это, пожалуй, всё'. СН II употребляется в значении действия, которое не совершилось и которое противоречит действительности: *Byłbym się przewrócił* 'Я чуть не упал'. Формы СН II в современном языке встречаются относительно редко.

Целый ряд союзов и модальных частиц образуют вместе с *by* и личными окончаниями глагола сращения, которые участвуют в выражении значения СН I. Это союзы и частицы *aby*, *ani by*, *choć* *aż by*, *choć by*, *iz by* *gd by*, *jak by*, *jeśli by*, *ni- by*, *niże* *li by*, *że by*, *bo* *daj by*, *o by*, *niech by*. Например: *Chcę aby pojechał do Warszawy*; *Nie przyjdę, choćbyś mnie zaprosił*; *Gdybym to wiedział!*; *Jakbyś miał czas, powzie- byś do kina*; *P. mówić żeby on to zrobił*¹⁰; *Bo* *daj by* *go Pan Bóg ukarał!*; *Bylebyś się nie spróżnił!*; *Obyś przyszedł!*

Niechby Hania zabrała te rzeczy (ср. Niech ona by zabrała te rzeczy - в современном польском языке еще не произошло окончательного соединения *niech* и *by* с превращением *by* в неподвижный элемент в составе этого сращения).

Представляется, что среди форм, которые обычно относятся к СН, следует различать: 1) основные формы, характеризующиеся подвижностью *by* с личными окончаниями, и 2) особые формы, состоящие из прош. вр. + *by* с личными окончаниями, находящимися неподвижно при перечисленных выше союзах и частицах. Во втором случае выразителями значения СН являются не только формы прош. вр. основного глагола, но и *by* с личными окончаниями, примыкающими к союзу или частице. При этом в польском языке, так же как в чешском, перечисленные союзы и частицы не входят в состав АФ СН I или СН II. Аналитическая форма состоит лишь из формы прош. вр. основного глагола и вспомогательного слова *by* с личными окончаниями (*chodził + -był* и *był + -był chodził*). Вспомогательное слово должно при анализе умозрительно вычлениваться из сращений с союзами и частицами и умозрительно же соединяться с формой прош. вр. основного глагола, вместе с которой оно образует "разрывную морфему", т.е. АФ СН. Союзы же и частицы лишь усиливают и разнообразят значение сослагательности, добавляя оттенки желательности, побудительности и пр. Так что, невозможно согласиться с Н. Пузыниной, которая считает, что основными выразителями, или исполнителями, функции СН являются сращения этих союзов и частиц с *by* (*żeby* в противопоставлении *ze*) и/или глаголы модальной семантики "просить", "требовать" в главном предложении: *Proszę, żebyś zmiłki*. Невозможно также согласиться с утверждением Н. Пузыниной о том, что форма на -1 основного глагола является здесь формой индикатива, модальное значение которой утрачено в результате нейтрализации наклонений в функциональном плане в данной позиции.

Самостоятельность существованием рассматриваемых сращений из союзов и частиц с *by* - вне АФ СН - подтвержда-

ется способностью некоторых из них сочетаться не только с формой прош. вр., но и с формой инфинитива (*Byleby przułożyć głowę do poduszki i zasnąć; Żebym o tym więcej nie mówił!*) или с формой прош. вр. без частицы *by* (*Wodaś kark skręcił!; Bylemu dożyli jego samodzielnosci!*). Хотя данные союзы и частицы не могут быть признаны компонентами или заместителями АФ СН, они принимают участие в усилении и расширении значений сослагательности (а также императивности), поэтому М.Гроховский называет их операторами наклонения II.

В сербохорватской грамматической традиции употребляются два термина для СН - "кондиционал" и "потенциал". Поскольку центральное в значении этого вида нереального наклонения - возможность осуществления действия, в последнее время, начиная с А.Белича, в лингвистической литературе все чаще стდება предпочтение термину "потенциал". Я же продолжаю употреблять термин "СН" для сохранения единообразия в описании материала различных языков.

В сербохорватском языке СН также выражается только с помощью АФ. Она состоит из личной формы вспомогательного глагола бити в аористе и прош. причастия основного глагола: Ја бих слушао, -ла, ти би слушао, -ла и т.д. В современном разговорном языке вспомогательная форма би стала часто употребляться для всех лиц: Хтели би да знамо (вместо бисмо), Би ли ви то могли узете на себе (вместо бисте)¹².

Грамматисты указывают следующий круг общих значений этой АФ:

I. В самостоятельном предложении:

1. Гипотетическое (возможное, предполагаемое, намечаемое и пр.) действие: Цео тај пут ја бих прешао за један сат; Не би ме стигло сто карабина; Само би се одбранили; Теби бих једином дао, другима не дам.

2. желаемое действие: Као бих ја имала пара као ти!

II. В сложноподчиненных предложениях (в одних случаях и в главном и в придаточном, в других - только в придаточном,

в третьих - только в главном):

1. Обусловленная возможность действия: Певао бих да ме не боли грло; Он би, можа, плакао да је имао сузи.

Это же значение обусловленной возможности выражается и в случаях, когда речь идет а) о действии, предшествующем другому действию в прошлом, и б) о действии, предполагаемом в будущем: Ако бисте зацукали, они би вам отворили; Ако бисте тако радили, ми бисмо се поносили.

2. Цель действия: Они учинише договор како би испунили производни план; Да би заварао брата, стадох му причати приче. К предложениям цели близки дополнительные придаточные (здесь СН стоит в главном предложении): Ја бих баш желио да додем у село.

Особенностью сербохорватского языка является употребление формы СН для выражения привычного, повторяющегося действия в прошлом: Чим би неко дете зажелело до поједе коју урму, почело би се каменицама бацати по мајмуне 'Как только у какого-нибудь ребенка возникало желание съесть финик, так он начинал бросать камни в обезьяну'. Здесь наблюдается любопытная аналогия с английским языком, в котором известны глагольные словосочетания, по форме совпадающие с СН. Это конструкция *would + инфинитив*, обозначающая действие, постоянно совершавшееся в прошлом: *Here she would sit, sewing and knitting, while he worked at the table* 'Она имела обыкновение сидеть, занимаясь шитьем и вязанием, в то время как он работал за столом'. В английских грамматиках подобные глагольные словосочетания не относят к СН, их считают особыми модальными конструкциями. Представляется, что для сербохорватского языка в случаях "СН" типа приведенных выше вернее говорить о транспозиции сослагательного наклонения. Это употребление форм СН не в его категориальном значении - действия гипотетического, а не реально совершающегося в настоящем, прошедшем и будущем. Близкий подход к этим особым употреблением форм СН находим у М. Стевановича¹⁵.

В сербохорватском языке, кроме рассмотренной формы СН,

существует еще одна, называемая обычно прошедшим кондиционалом. Назовем ее СН II, например: Да сам живо у оно ври еме и а бих био пролио крв за Христа. Форма СН II (бих био пролио) состоит из формы СН I глагола бити (бих био) и прош. причастия основного глагола. Легко заметить, что эта форма СН II в сербохорватском языке соответствует СН II в чешском и польском. В сербохорватском она встречается чаще всего в произведениях писателей прошлого века, в современном же литературном и особенно в разговорном языке почти не употребляется¹⁴.

В сербохорватском языке, в отличие от русского, чешского и польского, нет сращений модальных частиц и союзов со вспомогательным компонентом АФ СН, соответственно, не возникает и связанных с этим обстоятельством проблем при анализе состава АФ.

Болгарский язык отличается наличием двух разных форм сослагательного ("условного" - в соответствии с болгарской грамматической традицией) наклонения: аналитической и синтетической. АФ образуется сочетанием вспомогательного глагола сьм в форме старого аориста (бих, би, бихме, бихте, биха) и причастия аориста на -л основного глагола (бих чел, би чел, бихме чели и т.д.). Вспомогательный глагол передает лицо и число, а причастие - род и число подлежащего. Изредка встречаются сочетания причастия с неизменяемым вспомогательным би: аз би направил, ти би направил, ние би направили и т.д. Эти формы считаются не соответствующими нормам современного литературного языка.

Как и во всех других славянских языках, основное значение СН - не реально осуществимое, а гипотетическое действие. В самостоятельных предложениях это действие представляется как

1. возможное, предполагаемое, намечаемое: Преобърнаха всичко, изгледаха всички кътове, които си послужили за убежище; Това той прочете бавно, тържествено и напевно, както би го прочел в черква;

2. желаемое: С удоволствие бих станал летец.

С помощью Аф СН выражается также вежливое утверждение и вежливая просьба: Бих казал, Бихте ли ми дали Вашин учебник. Такое употребление СН отмечается и в других славянских языках.

В сложноподчиненных предложениях формой СН выражается обусловленная возможность действия:

1. с формой СН в главном предложении: Ако имах пари, бих ти дал ел сега;

2. с формой СН и в главном и в придаточном предложениях: Ако бих получил пари, бих си купил сменици на Смирненски. Грамматисты указывают, что употребление СН одновременно и в главном и в придаточном встречается редко, оно не характерно для современного литературного языка.¹⁵

Аф СН не имеет временных значений и поэтому употребляется для всех времен. Форма типа бих би казал (соответствует СН II в других славянских языках), конструируемая некоторыми писателями для прош. вр., искусственна.¹⁶

В условных предложениях часто употребляются не только СН, но и буд. в прош., формы которого иногда по этой причине относят также к СН, например, Ако бих състел понеже пари, бих ли си купи хубаво радио 'Если накоплю побольше денег, куплю себе хороший радиоприемник'. Однако для такого отнесения нет оснований, ибо СН и буд. в прош. передают различающиеся значения: в форму буд. в прош. выражается уверенность в совершении предстоящего действия (т.е. реальное действие): Ако имам свободно време, бих ли разгледам града 'Если у меня будет свободное время, я осмотру город'; в форму же СН выражается лишь возможность осуществления действия (т.е. нерешительное действие): Ако имам свободно време, бих разгледам града 'Если бы у меня было свободное время, я бы осмотрал город'.

Синтетические формы (Сг) СН, например, идвам (в наст. или суд.), идвах (в прош.) образуются с помощью суффиксов, омонимичных суффиксам имперфективации или близких к ним, и личных окончаний наст. и имперфекта. Беспол. окончание суффиксов, омонимичных суффиксам имперфективации (-ид-, -идв- и

-а-), порождает формы, омонимичные наст. времени и имперфекту индикатива вторичных имперфективов: давам 'я дал бы' и 'даю', купувам 'я купил бы' и 'покупаю'. Для устранения подобной омонимии в языке возникает формы СН с удвоенной согласной в (после гласной): дававам, купувавам; либо вместо суффикса -а- (вторичный имперфектив прочитам 'прочитаю') начинает функционировать суффикс -ва- (прочитвам 'я прочитал бы').

Надо заметить, что наблюдаются значительные колебания в оформлении синтетического СН, например, возможно большое число параллельных форм от одного и того же глагола (боддам, баждам, бодвам - от бодя 'колоть'), что говорит о недостаточной степени морфологической четкости этих форм. Последнее обстоятельство, очевидно, связано с тем, что синтетическое СН возникло в болгарском языке относительно недавно в результате переосмысления образований со значением многократности и некоторых вторичных имперфективов. СФ СН употребляются чаще в народном, бытовом языке и в диалектах и гораздо реже - в литературном разговорном языке. В литературных произведениях они встречаются в прямой речи действующих лиц как отражение бытового разговорного языка.

По значению СФ и АФ СН во многих случаях равны друг другу, но иногда в СФ на первый план выступает оттенок субъективной готовности совершить данное действие: Я да се опита - очите му издирам! 'Пусть только попробует - глаза ему выпаралат!' = 'готов выпаралатать'; Умиривах не я пушах! 'Я готов был умереть, но не пустил бы ее'. В этом смысле Л. Андрейчин пишет, что СФ можно было бы назвать "условным наклонением готовности" в отличие от АФ, которые можно назвать "условным наклонением возможности" ¹⁷.

Представляется, что отсутствие твердой и четкой морфологической оформленности синтетического СН, во-первых, существование в нем временных форм (настоящего и имперфекта: ядвам и ядвах), во-вторых, и наличие в его семантике значения, отличающего его от аналитического СН, в-третьих, делает грамматический статус синтетического СН не совсем яс-

ным. Имеем ли мы тут дело с формой СН или это одна из видовых совершенностей? По-видимому, это случай некоторого переходного состояния морфологических форм, не влившихся полностью в категорию наклонения. Единства мнений по этому вопросу в болгаристике пока не достигнуто. Св.Иванчев считает, что рассмотренные формы должны быть отнесены к видообразованию (это "видово-надстроечная категория", т.е. видовые совершенности) ¹⁸. К этой точке зрения недавно фактически присоединился Х.Вальтер, назвавший эти формы глаголами "статально-тендентивной" совершенности ¹⁹. Аналитические же формы в болгарском языке являются полноправными репрезентантами СН.

Те грамматисты, которые придерживаются мнения, что в болгарском языке нет пересказывательного наклонения (ПН) как одного из членов грамматической категории наклонения, а есть особая грамматическая категория пересказывания/непересказывания, считают, что аналитическое СН не имеет ни форм времени, ни форм пересказывания. Синтетическим же составительным формам свойственно иметь пересказывательные соответствия (писва, писваше - непересказывательные формы, писвал - пересказывательная) ²⁰.

Значения, близкие к значениям СН, передаются в болгарском языке модальной частицей да. Ю.С.Маслов даже считает, что с известным основанием можно говорить о да-конструкции как особом наклонении - конъюнктиве. Однако с этим трудно оговориться, правда, и сам Ю.С.Маслов на этом не настаивает, указывая на то, что перед нами скорее всего переходный случай, и предлагая не описывать конъюнктив в одном ряду с наклонением ²¹. Представляется более правомерным трактовать сочетания форм наст. вр. с частицей да как императив, а сочетания форм перфекта с этой частицей как свободные модальные сочетания слов, выражающие различные модальные оттенки значения. Это 1) эмфатическое запрещение производить действие: Да не си стъпила на прага ми вече! 'Чтобы никогда не ступала на мой порог!'; 2) долженствование в прошлом, оставшееся нереализованным: Като си имал, да

си ги вярди 'Если они у тебя были, ты должен был их беречь'.

Союз да, омонимичный частице да, в предложениях с формами СН участвует в выражении значения обусловленной возможности: Да би мирно седяло, не би чудо видяло 'Если сидеть неподвижно, чуда не увидать'.

В болгарском языке, так же как в сербохорватском, нет сращений частиц или союзов со вспомогательными компонентами АФ СН.

Подведем итог обзору грамматических способов выражения СН в славянских языках. Нет сомнения в том, что во всех этих языках, в том числе в македонском, словацком, словенском и лужицких, здесь не рассматривавшихся, существуют АФ СН. Что в них общего и что различного?

1. Во всех славянских языках основным компонентом АФ СН является глагольная форма на $-л/-1$ (по происхождению - причастие).

2. В русском языке в состав АФ в качестве служебного компонента входит неизменяемая частица би. В чешском, польском, сербохорватском и болгарском вспомогательный глагол изменяется по лицам и числам. В современных разговорных сербохорватском и болгарском отмечается тенденция употреблять неизменяемое би для всех лиц и чисел, пока эта тенденция не закрепились в литературном языке, хотя, вероятно, можно предположить, что развитие АФ СН пойдет по этому пути.

3. В русском, польском и чешском языках образуются сращения служебного компонента АФ с некоторыми частицами и союзами. При этом в чешском и польском, где служебный компонент изменяется по лицам и числам, данные сращения также оказываются изменяющимися по лицам и числам. Это обстоятельство создает затруднения в вычленении АФ глагола при лингвистическом анализе. Ни в болгарском, ни в сербохорватском языках таких сращений не образуется.

4. В чешском, польском, сербохорватском и болгарском различают так наз. сослагательное I и сослагательное II.

В современных польском и сербохорватском сослагательное П употребляется редко, в болгарском эти формы вообще искусственны и реально не используются. Тем не менее следует признать существование в грамматических системах перечисленных языков этих двух разных серий форм СН. В русском языке есть только одно СН.

5. Болгарский язык отличается тем, что в нем наряду с АФ существует некоторая СФ, которую иногда относят к СН. Ни в одном из остальных славянских языков подобной СФ нет.

6. Сербохорватский язык выделяется возможностью употребления АФ СН в особом, не отмеченном в других славянских, значении обычного, повторяющегося действия в прошлом. Очевидно, здесь имеет место транспозиция СН, т.е. употребление формы этого наклонения не в его категориальном значении. Ср. известное явление транспозиции императива в различных славянских языках.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Молошная Т.Н. О так наз. аналитических формах императива в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков: Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3-5 окт. 1989. - М., 1989; а также Молошная Т.Н. Об аналитических формах императива в славянских языках // Z badań porównawczych gramatyki języków słowiańskich. Warszawa. В печати.
2. Из разных названий этого косвенного наклонения предпочтительным представляется термин "сослагательное". Преимуществом этого термина является его отвлеченность: он не сплывает значение данной формы, а лишь условно ее называет.
3. Смирницкий А.И. Аналитические формы // Вопросы языкознания. - 1956. - № 2; Он же. Морфология английского языка. - М., 1959. - С. 62-85.
4. Ср.: Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. - М., 1964, где морфема СН описывается как представленная двумя алломорфами (т.е. аналитическими формами) "II уровня": морф -д + морф он и морф - + морф он.
5. См.: Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. - Bratislava, 1960. - С. 474.
6. Исаченко А.В. Указ. соч. - С. 516.
7. Храковский Б.С. Соотношение модальных и временных компонентов высказывания // Otázky slovenské syntaxe. - Brno,

1980. IV/2.- S. 38; Смирницкий А.И. Морфология английского языка.- М., 1959.- С. 346-350.
8. Karlík P. K problematice optativnosti // Otázky slovenské vuntaxe.- Brno, 1980. IV/2.- S. 49-52; Широкова А.Г. Сопоставительное изучение структурных и функциональных особенностей неполнознаменательных частей речи в славянских языках // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология - 1988.- # 4.
9. Puzynina J. Jeden tryb czy dwa tryby? // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1971.- Z. XXIX.- S. 131-139.
10. Следует отличать союз *żeby* от союза *że* с подвижным *by*, так как они передают разные значения, ср. последнее предложение 'П. сказал, чтобы он это сделал' и P. powiedział, że on by to zrobił 'П. сказал, что он бы это сделал'.
11. Grochowski M. *Polskie partykuły: Składnia, semantyka, leksykografia.*- Wrocław-Warszawa-Kraków, 1986.-S. 49-50.
12. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. П.- Београд, 1974.- С. 713.
13. Стевановић М. Указ. соч.- С. 717.
14. Стевановић М. Указ. соч.- С. 720.
15. Граматика на съвременния български книжовен език. Т.2. Морфология.- София, 1983.- С. 372.
16. Андрейчин Д. Грамматика болгарского языка.- М., 1949.- С. 236.
17. Андрейчин Д. Указ. соч.- С. 237.
18. Иванчев Св. Видово-надстроечни категории в системата на славянския глагол // Славистични студии.- София, 1963.- С. 17 и сл.
19. Валтер Х. По въпроса за наклоненията в съвременния български книжовен език // Език и литература. 1989.- # 1.
20. Кушаров Ив. Преизказването в българския език.- София, 1984.- С. 11, 47; Он же. Очерк по функционално-семантична граматика на българския език.- Пловдив, 1985.- С. 122.
21. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка.- М., 1981.- С. 285-290.

ГЛАГОЛЬНАЯ ОСНОВА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В АСПЕКТЕ
МОРФОЛОГИИ

Изучение морфонологической структуры языка требует предельного внимания к вопросу морфологической членимости слов и форм. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при установлении альтернативных рядов и конкретных чередований, формирующих эти ряды, необходимо четко определять морфологическую позицию тех сегментов в словоформах одного слова, которые связаны между собой отношениями чередования и, следовательно, не разрушают единства морфемы, частью формальной структуры которой они являются. Эта проблема приобретает особенно важное значение в тех случаях, когда предметом исследования становятся сложные по своей организации и составу единицы фрагменты языковой системы, такие, как, например, глагольное словоизменение.

По определению В.В.Виноградова, глагол – это "самая сложная и емкая грамматическая категория русского языка"¹; данное определение в равной мере относится и к другим славянским языкам.

Глагол является частью речи, которая обозначает действие или состояние как процесс. Грамматические значения словоформ глагольной парадигмы определяются такими грамматическими категориями, как вид, залог, наклонение, время, лицо, число и род. Из перечисленных категорий одни являются словоизменительными (наклонение, время, лицо, число, род), другие – несловоизменительными (вид и залог).

Характерной особенностью глагольной парадигмы является то, что в ее состав включаются, по традиции, как личные, так и неличные формы. Личные (спрягаемые, предикативные) формы глагола имеют значения лица, времени, наклонения, числа и рода. К неличным формам глагола относятся формы инфинитива, причастий и деепричастий. Отсюда следует, что в каждом из славянских языков полная парадигма глагола состоит из нескольких десятков словоизменительных форм – от

40 и более по разным языкам 20.

Понятие сложности глагольной парадигмы не ограничивается только лишь набором словоформ, входящих в ее состав. Сложность ее обуславливается также и структурой самих словоформ, в которых вычленяются такие морфологические единицы, как корень, основа и целый ряд различных аффиксов и субморфов.

Как известно, морфологический анализ, который предполагает выявление соответствия между содержательной и формальной структурой словоформ путем определения всех морфологических компонентов, составляющих ту или иную словоформу, не может игнорировать вопроса, связанного и с морфонологическими преобразованиями морфем, т.е. всех чередований фонем, наращений и усечений различных сегментов, не нарушающих тождества морфемы.

В глаголе зоной морфонологических модификаций является, как правило, глагольная основа. Именно по этой причине морфологический анализ глагольной парадигмы должен начинаться с процедуры вычленения глагольной основы, определения ее состава и ее формальных преобразований, допускаемых системой, и, наконец, установления ее границ в рамках глагольного слова.

Каждый из современных славянских языков характеризуется своими закономерностями как в строении глагольной основы, так и в реализации конкретных вариантов основы в отдельных словоформах. Но всем, без исключения, славянским языкам свойственна структурная сложность, характеризующая эту морфологическую единицу, и именно это обстоятельство послужило причиной распространенной точки зрения о так называемой "многословности" славянского глагола в рамках парадигмы. Неудивительно, что вопросы, связанные с дефиницией глагольной основы, допускают целый ряд альтернативных решений и до сих пор являются в славистике дискуссионными³. Особая трудность возникает при дефиниции так называемых тематических элементов (тематических суффиксов, тематических гласных и т.д.), т.е. специфических конечных

сегментов основ. При этом следует подчеркнуть, что различия в приписываемом этим элементам статусе в значительной степени обуславливается синхронным или диахронным аспектом исследования материала. Данный факт объясняется тем обстоятельством, что современные финалы глагольных основ могут иметь различное происхождение и выполнять с этимологической точки зрения различные функции, на что, естественно, необходимо обязательно указывать при диахронном анализе. Однако при условии проведения строго синхронного исследования структуры глагольных словоформ вполне допустимо игнорирование этимологических аргументаций в пользу, во-первых, концентрации внимания на существовании новых, современных, связей между различными элементами в рамках словоформы, и, во-вторых, использования иных принципов морфемной сегментации и интерпретации разных по происхождению элементов. В этом отношении представляется совершенно справедливым следующее высказывание В.В. Лопатина: "...классовые показатели (или тематические элементы, основообразующие элементы и т.д.) присутствуют в структуре различных глагольных основ, независимо от количества слогов и фонем в них, от мотивированности или немотивированности глагола и от того, отсекается данный элемент или нет в мотивированных данным глаголах словах: знать - знают, аналогично читать, стараться, козырять (глаголы одного и того же класса - "I продуктивного" по традиционной классификации); ковать - кует, аналогично сновать, рисовать, фраковать, нормировать (все глаголы "III продуктивного" класса) и т.п. В этом своем качестве "тематические элементы" одинаково определяют выбор системы флексий глагола, выполняют функцию "индикаторов парадигматического класса" (Д.С. Маслов) независимо от того, каково их место в морфемной сегментации слова: являются ли они субморфом - частью корневого морфа (знать, читать, стараться, ковать, сновать, рисовать, лавировать) либо частью морфа суффиксального (перепис-ывать, лентяй-ничать, норм-ировать, схемат-изировать, свирип-ствовать) - или

представляют собой одновременно самостоятельный суффиксальный морф — носитель словообразовательного (а также видового) значения (спас-ать, козыр-ять, брак-овать, пуст-овать и т.п.)^{* 4}.

Здесь важно подчеркнуть тот факт, что в строго синхронном плане финалы глагольных основ (т.е. как истинные суффиксы, так и субморфы, или те элементы основ, которые фонологически тождественны суффиксам, но не являются ими) характеризуются вполне определенным морфонологическим поведением, а именно: идентичные по строению, но разные по своему морфологическому статусу с этимологической точки зрения сегменты выбирают одни и те же глагольные флексии и обуславливают одни и те же морфонологические модификации глагольных основ. В современном языке именно это обстоятельство функционально сближает между собой разные по происхождению элементы, подводя к возможности не только структурного перераспределения морфемных границ в словоформе, но и к возможности их семантического (содержательного) переосмысления.

Таким образом, в связи с тем, что в процессе своего развития морфемная структура отдельных словоформ по разным причинам (таким, как, например, аналогия, фонетические преобразования и др.)^{*} претерпевает существенные изменения, синхронный анализ морфемного строения слов и форм неизбежно подводит исследователя к возможности применения нового принципа морфемной сегментации этих форм, когда на

^{*} Ср., например, в современном русском языке парадигмы двух глаголов, словоизменительные модели которых "разошлись" в процессе своего развития: дять, ткать; дгал, тгал; дгу, тгу; джешь, ткешь; джем, ткем; дгут, ткут; дга, тга; ср. также уже допустимые в современном разговорном языке формы настоящего времени дгешь, дгет, джем, дгате (аналогично формам ткешь, ткем...).

первый план выступают уже иные связи между отдельными элементами словоформ, обусловленные синхронными закономерностями. Так, исходя из синхронных представлений о структуре глагольной парадигмы, основывающихся на анализе вертикально выстроенных рядов однозначных глагольных словоформ, можно сделать вывод, что, наряду с системой глагольных аффиксов, передающих все грамматические значения, свойственные глаголу как части речи, и сама глагольная основа (в совокупности всех своих конкретных вариантов) имеет определенный показатель, которому целесообразно приписать значение глагольности (процессуальности). Отсюда следует, что все без исключения варианты единой глагольной основы, вычленимые в полной парадигме из отдельных словоформ (каждая из этих словоформ имеет фиксированный набор морфологических элементов), так же, как и сама глагольная основа, непременно должны иметь в своей структуре показатель глагольности ^{**}; т.е. как в формах инфинитива русск. писать, укр. писати, польск. pisać и в форме аориста болг. пи ах вычлениются варианты глагольной основы писа- (русск., укр., болг.) и писа- (польск.) с показателем глагольности (или процессуальным суффиксом) /а/, так и в формах I л. ед. наст. русск. пишу, укр. пишу, польск. pisze, болг. пиша мы также должны выделить, основываясь на принципе структурного параллелизма, варианты глагольной основы с процессуальным суффиксом, который в данном случае реализован нулем звука /ø/, т.е. пишø- (русск., укр., болг.) и писzø- (польск.).

^{**}Назовем его, вслед за М.В. Пановым, процессуальным суффиксом (или дериватом), к которому он относит как истинные морфы (в русском языке в продуктивных глагольных классах это, например, суффиксы -а- в играть, -я-/-ø- в ходить и др.), так и субморфы (в непродуктивных классах это, например, -а-/-ø- в писать, -ву-/-ø-/-н- в увянуть) ⁵.

Таким образом, система глагольных форм, характеризующих парадигматику славянского глагола, свидетельствует о том, что не во всех глагольных словоформах имеется тот или иной материально выраженный сегмент, которому мы могли бы приписать статус показателя глагольности (т.е. статус процессуального суффикса). В этом случае считаем себя вправе ввести нулевой показатель /Ø/, имеющий ту же функцию, что и материально отсутствующий процессуальный суффикс. Поэтому мы его называем нулевым процессуальным суффиксом.

Допустимость введения нулевого процессуального суффикса в отдельные словоформы базируется, во-первых, на синхронной разложимости этих словоформ и, во-вторых, на принципиальной возможности переосмысления традиционного представления о морфемном строении глагольных словоформ. Так, на основании строго синхронного анализа отдельных глагольных словоформ, без обращения к диахронии (возьмем, например, такие формы инфинитива, как русск. видеть, спасать, ковать, иронизировать, нести; или такие формы I л. ед. числа наст. времени, как вижу, спасаю, кую, иронизирую, несу), мы должны выделить в них, с одной стороны, в а р и а н т ы о с н о в с показателем глагольности (т.е. процессуальным суффиксом), а с другой - реляционные, словоизменятельные м о р ф е м ы. Применяв с этой целью принцип структурного параллелизма при анализе морфемного строения однозначных глагольных словоформ, мы получим следующие результаты (в косых скобках дается процессуальный суффикс; вариант глагольной основы в каждой словоформе отделяется от реляционных морфем при помощи дефиса):

Ф о р м ы и н ф и н и т и в а - русск. вид/е/-ть, спа-
са/Ø/-ть, к/ова/-ть, иронизир/ова/-ть, нес/Ø/-ти; укр.
бач/и/-ти, мугик/а/-ти, бор/о/-ти, в'яз/а/-ти, терпА /-ти,
мин/у/-ти, ми/Ø/-ти, год/ува/-ти, жи/Ø/-ти; польск.
nos/1/-ć, krzycz/e/-ć, czu/Ø/-ć, koch/a₂/-ć; kup/owa/-ć,
pis/ywa/-ć, da/wa/-ć, ochlap/a₁/-ć;

Ф о р м ы в о р и с т а - болг. двк/о/-х, двч/Ø/-е;

льсн/а/-х, кап/а/-х, вая/а/-х (ваях), мечта/ѳ/-х;
 формы наст. времени - русск. виж/ѳ/-у,
вц'д'/ѳ/-ят (видят); спаса/я/-у (спасаю), к/уй/-у (кую),
иронизир/уй/-у (иронизирую), нес/ѳ/-у; укр. бач/ѳ/-у,
мугич/ѳ/-у (от инфинитива мугика/ѳ/-ти - форма I л. ед.
 наст. мугика/я/-у, орф. мугикаю), бор'/ѳ/-у (бору),
в'як'/ѳ/-у, терпл'/ѳ/-у (терплю), мин'/ѳ/-у, год/уй/-у (го-
дуу), жи/в/-у; польск. повз'/ѳ/-а, повз'/ѳ/-а; krzycz/ѳ/-у,
krzycz/ѳ/-а; czu/j/-а; koch/ѳ₁ѳ₂/-а, koch/аj/-а; kur/uj/-а;
pis/uj/-а; dn/j/-а; chlarn'/ѳ/-е, chlarn'/ѳ/-а; бслг.
пек/ѳ/-а, печ/ѳ/-еш; льсн/ѳ/-а, кап'/ѳ/-я (капя), вая/ѳ/-я
(вая), мечта/я/-я (мечтая).

Из приведенных примеров следует, что те элементы, ко-
 торые занимают одно и то же место в словоформе (конкретно
 мы имеем в виду реализацию процессуального суффикса), оста-
 ются по значимости равными (тождественными) себе во всех
 морфологических позициях (т.е. во всех словоформах, сос-
 тавающих объем парадигмы). Необходимо при этом подчерк-
 нуть, что выделение данных процессуальных суффиксов в лю-
 бой словоформе глагольной парадигмы обусловлено не только
 структурными соображениями. Как показывает материал, ха-
 рактеризующий глагольное словоизменение в разных славян-
 ских языках, процессуальные суффиксы обладают еще и способ-
 ностью дифференцировать разные типы основ, являясь тем са-
 мым основным признаком, по которому производится классифи-
 кация глаголов на словоизменительные классы (разряды и
 т.п.).

Таким образом, в качестве специального приема, при по-
 мощи которого можно показать место в словоформе и матери-
 альную сущность процессуального суффикса, оформляющего
 глагольную основу, нами применяется принцип структурного
 параллелизма однозначных словоформ разных глаголов и ис-
 пользуется нулевая морфема. Как известно, "нулевой эле-
 мент - "значимое отсутствие" - естественно вводить тогда,
 когда в некоторой позиции (в цепочке морф), где в соот-
 ветствии с принятым описанием

обязательно должно находиться что-то (из фиксированного набора), нет ничего" ⁶. Из приведенных выше примеров следует, что нулевая реализация процессуального суффикса, т.е. его материальное отсутствие (например, в русских словоформах спасать, нести, несу, вижу); должна нести информацию о глагольности в той же мере, что и материально выраженные элементы /й/, /ова/, /уй/, /е/ (в русских словоформах спасаю, ковать, иронизировать, кую, иронизирую, видеть). Итак, в качестве рабочей гипотезы мы принимаем следующее допущение: в синхронном плане глагольные основы (во всех без исключения современных глаголах) включают в свой состав процессуальный суффикс, который материально либо выражен, либо невыражен. Подчеркнем, что важным результатом такой интерпретации структуры глагольной основы в синхронном плане является то, что, во-первых, достигается однородность морфемного строения всех словоформ глагола путем установления фиксированного набора морфологических элементов в однозначных словоформах, и именно это дает возможность единообразного описания различных фактов языка, и, во-вторых, обеспечивается тождественность позиционных условий при определении того сегмента в словоформе, который в рамках глагольной парадигмы подвергается морфологическим модификациям. Приведенный здесь второй вывод чрезвычайно важен как при описании глагольной морфологии в одном языке, так и при сопоставительном синхронном исследовании глагольной морфологии в разных славянских языках.

Конструируя структуру глагольных словоформ вышеуказанным образом (т.е. {основа с/процессуальным суффиксом/} + {Словоизменительные морфемы}) можно четко и однозначно определить зону сегментных чередований (т.е. консонантных чередований, а также усечений и наращений) в глагольном слове: это всегда позиции **в н у т р и о с н о в ы п е р е д п р о ц е с с у а л ь н ы м с у ф ф и к с о м**.

При обращении к анализу морфологической структуры

глагольного словоизменения нельзя еще раз не коснуться вопроса о "количестве" глагольных основ, который до сих пор, как уже указывалось выше, остается в грамматико-дискуссионным. Как известно, наиболее распространенной и традиционной точкой зрения является признание у глагола двух основ, для вычленения которых привлекаются аргументы как структурного, так и функционального плана. Ср., например, выделение двух основ у русского глагола - инфинитивно-прошедшей, или так называемой "основы настоящего времени" ⁷. Две основы вычленяются также у болгарского глагола - основа настоящего времени, или так называемая "первая основа", и основа дориста, или так называемая "вторая основа" ⁸. Мы же присоединяемся к точке зрения тех грамматистов, которые полагают, что глагол в совокупности всех форм своей парадигмы имеет **о д н у** основу; эта единая основа может быть реализована в рамках парадигмы либо в одном "варианте", либо в двух, трех и более вариантах. Т.е. глагол "...почти всегда одноосновен, если иметь в виду основу слова; последняя представляет собой совокупность основ словоформ, употребление которых обусловлено морфологически" ⁹. Единая глагольная основа обладает неизменным лексическим значением и варьирующейся формой. При этом подчеркнем, что "инвариант глагольной основы имеет место лишь на уровне конструкций. Ни одну из существующих на уровне наблюдения разновидностей основы мы не вправе относить к форме основной, исходной" ¹⁰.

Итак, мы признаем, что каждый глагол в совокупности всех форм своей парадигмы характеризуется единой основой. Эта основа включает в свой состав в качестве неизменного компонента процессуальный суффикс, который в разных словоформах одной парадигмы может иметь определенные формальные различия.

Однако для изучения морфологических закономерностей глагольного словоизменения в славянских языках в синхронном плане нам представляется целесообразным в качестве достаточно удобного приема исследования использовать понятие

д в у х в и д о в единой глагольной основы, различающихся между собой только структурно, а именно – по наличию или отсутствию сегмента, которому приписано значение процессуальности: 1) один из видов – это обычная единая глагольная основа с процессуальным суффиксом в своем составе (о ней шла речь выше); назовем ее п о л н о й глагольной основой; 2) другой вид – это парциальная (также единая) глагольная основа, без процессуального суффикса; назовем ее у с е ч е н н о й глагольной основой. Отметим, что как полная основа, так и усеченная основа могут быть реализованы в рамках парадигмы либо в одном "варианте", либо в нескольких конкретных (текстовых, речевых) вариантах. Так, например, в русских глаголах нести и графить выделяются п о л н ы е основы несѳ-/нес'ѳ- и графи-/графл'ѳ-/граф'ѳ- и у с е ч е н н ы е основы нес-/нес'- и графл'-/граф'-; в польских глаголах nieść и braknąć – п о л н ы е основы nieś-/nieʃ-/niezʃ- и braknąć-/braknąć-/braknąćʃ-/braknąćʃ-/braknąćʃ- и у с е ч е н н ы е основы nieś-/niez- и braknąć'-/braknąć-/braknąć-; в болгарских глаголах некох, пече (аорист); нека, печеш (наст. время) и ка-пах (аорист), каня (наст. время) – п о л н ы е основы неко-/некѳ-/печѳ- и каня-/кап'ѳ- и у с е ч е н н ы е основы нек-/печ- и кап-/кап'-. При этом следует подчеркнуть, что как полные, так и усеченные основы могут быть по своему строению и открытыми, и закрытыми.

Данный структурный принцип выделения двух глагольных основ – полной (с процессуальным суффиксом) и усеченной (без процессуального суффикса) – дает возможность производить классификацию глагола, в основу которой кладется достаточно строгий принцип – формальный облик процессуального суффикса; в этом случае по реализации процессуального суффикса в плане выражения, а также по числу его вариантов в рамках парадигмы одного глагола и их распределению по конкретным формам парадигмы производится выделение словосменительных глагольных классов (разрядов, морфологических классов). Так, например, в русском языке глаголы писать,

вязать, прятать и др. имеют процессуальный суффикс, реализующийся в вариантах /а/ и /Ѳ/; вариант /а/ характеризует формы инфинитива, прош. времени, причастий прош. времени, деепричастия сов. вида; вариант /Ѳ/ - формы наст. времени, причастий наст. времени, деепричастия несов. вида и повелительного наклонения (т.е. вязать, вязал - вяжу); по схеме распределения в парадигме вариантов /а/ и /Ѳ/ данные глаголы образуют определенный словоизменительный класс (У традиционный класс). Парадигмы глаголов давать, создавать, познавать, вставлять и др. характеризуются процессуальным суффиксом, реализованным в трех вариантах: /ва/ (формы инфинитива, прош. времени, действительного причастия прош. времени, деепричастия сов. вида), /Ѳ/ (формы наст. времени, действительного причастия наст. времени) и /вай/ (формы страдательного причастия наст. времени, деепричастия несов. вида, повелительного наклонения), например: /ва/ - давать, давал, дававший, давав(ши); /Ѳ/ - дар, даешь..., дающий; /вай/ - даваемый, давая, давай (УШ словоизменительный класс). Есть парадигмы глаголов, в которых процессуальный суффикс реализован только одним вариантом; ср., например, глаголы типа печь, беречь и др., в которых процессуальный суффикс представлен /Ѳ/, т.е. пе/Ѳ/-чь, пек/Ѳ/-у, печ/Ѳ/-ешь (УІ словоизменительный класс). Иными словами, выделение в структуре глагольных словоформ такого признака, как процессуальный суффикс, имеющего важное классификационное значение, позволяет получить четкую схему распределения вариантов процессуального суффикса по словоформам глагольной парадигмы и разделить все глаголы на основе полученных схем на словоизменительные классы.

Благодаря введению в практику анализа глагольных парадигм таких двух приемов, как, во-первых, признание обязательного наличия в структуре глагольных словоформ показателя глагольности, или процессуального суффикса, и во-вторых, выделение двух видов единой глагольной основы - полного и усеченного, различающихся между собой только структурно (т.е. линейно - по наличию или отсутствию такого сег-

мента, который является показателем глагольности), достигается возможность однозначного определения позиции, в которой фиксируется морфонологическое чередование, для всех без исключения глаголов с морфонологически маркированными парадигмами. Такой позицией является позиция исхода усеченного вида основы, к которому справа примыкает процессуальный суффикс. Следует отметить, что классификационная схема каждого глагола (по реализации и распределению процессуального суффикса) может либо совпадать, либо не совпадать с распределением ступеней чередования в том альтернативном ряду, который характерен для парадигмы данного глагола. Так, из приведенных выше примеров из русского языка только в глаголах типа вязать, писать и др. (У класс) морфонологическая схема совпадает с классификационной, а именно: в чередовании типа $\langle s \sim \check{z} \rangle$ (т.е. $\langle z \sim \check{x} \rangle$, $\langle s \sim \check{sh} \rangle$) первый альтернант ($\langle z \rangle$ и $\langle s \rangle$) находим в формах с процессуальным суффиксом /а/, второй альтернант ($\langle \check{x} \rangle$ и $\langle \check{sh} \rangle$) - в словоформах с процессуальным суффиксом /Ø/, ср. прош. вязал, писал - наст. вяжу, пишу. Парадигмы глаголов типа давать (УШ класс), в которых процессуальный суффикс реализуется в трех вариантах /ва/ || /и/ || /вай/, являются морфонологически маркированными, т.е. эти глаголы характеризуются сложной классификационной схемой и нейтральной морфонологической структурой. Что касается глаголов типа печь (VI класс) с предельно простой классификационной схемой, то их морфонологическая характеристика оказывается достаточно усложненной. Так, если мы введем при конструировании структуры словоформ глагола печь четыре нуля (а именно: /Ø/ - процессуальный суффикс, $\langle \emptyset_1 \rangle$ - нулевая ступень в чередовании, /Ø₂/ - нулевой вариант суффикса прош. времени, чередующегося с вариантами /л/ и /л'/, и /Ø₃/ - флексия м.р. ед.ч. в форме прош. времени), то отдельные словоформы можно представить в следующем виде: инфинитив - пе $\langle \emptyset_1 \rangle$ + /Ø/ - чь; прош. м.р. ед.ч. - пе $\langle k \rangle$ + /Ø/ - /Ø₂/ - /Ø₃/; прош. ж.р. ед.ч. - пе $\langle k \rangle$ + /Ø/ - /л/ - /а/; наст. I л. ед. ч. - пе $\langle k \rangle$ + /Ø/ - /у/; наст. 2 л. ед.ч. -

пе <ч> + /ø/- /ешь; повел. - пе <к'> + /ø/- /и/. Отсюда следует, что парадигмы глаголов данного словоизменительного класса характеризуются четырехчленным чередованием типа <ø ~ К ~ С ~ К'>, реализующим альтернативный ряд <инфинитив> ~ <прош., действ. прич. прош., деепр. сов., наст. (I л. ед., 3 л. мн.), действ. прич. наст., страд. прич. наст.> ~ <наст. (2-3 л. ед., I-2 л. мн.), деепр. часов., страд. прич. прош.> ~ <повел.>.

Для осуществления сопоставительного исследования морфологической структуры глагольных парадигм в современных славянских языках очень важно давать четкое определение позиции сегментных морфологических чередований, строго ограничивая эту позицию и с х о д о м у с е ч е н н о г о в и д а о с н о в ы. Такой подход к материалу поможет обеспечить в наибольшей степени адекватность сопоставительного описания глагольной словоизменительной морфологии в современных славянских литературных языках. В качестве иллюстрации сказанного сравним основанные на синхронном анализе, во-первых, классификационную схему и, во-вторых, морфологическую структуру некоторых русских и польских глаголов.

1) Русские глаголы рвать, звать, ткать и др. (У словоизменительный класс) и польские глаголы gwałć, zwać, zwać, brać (2 в морфологический класс) характеризуются процессуальным суффиксом, реализованным в двух вариантах /а/ и /ø/. Полные основы - русск. рва-/рвø-/рв'ø-, польск. гва-/гвø-/гв'ø-; Усеченные основы - русск. рв-/рв'-, польск. гв-/гв'-. Ср. в русском полная основа рва-: рвать, рвал, рвавший, порванный, порвав; и полная основа рвø-/рв'ø-: рву, рвут; рвешь, рвет, рвем, рвете, (рва), рви, рвите. В польском - полная основа гва-: гваб, гваћ, гвану; и полная основа гвø-/гв'ø-: гва, гвiesz, гwie, гвиешу, гвиесие, гва; гвас, гвасу; гвиј.

Парадигмы этих глаголов в обоих языках характеризуются чередованием твердых и мягких фонем в исходе усеченной основы в позиции перед процессуальным суффиксом: русск.

<в~в'>, польск. <w~w'>. В русском альтернант <в> - во всех словоформах с процессуальным суффиксом /а/ и в тех словоформах с процессуальным суффиксом /ѳ/, в которых вокальный элемент в флексиях, непосредственно примыкающих к процессуальному суффиксу, реализован гласными [а] и [у] (ср. рвать, рвал, рву...); альтернант <в'> - только в словоформах с процессуальным суффиксом /ѳ/, имеющих флексии, вокальный элемент которых представлен гласными [и] и [о] (ср. рвешь, рвет, рви...). В польском альтернант <w> находим во всех словоформах с процессуальным суффиксом /а/ и в некоторых словоформах с процессуальным суффиксом /ѳ/, флексии которых начинаются не с гласного [е] (ср. gwał, gwał, gwałny, gwał, gwał, gwałsu; альтернант <w'> - только в словоформах с процессуальным суффиксом /ѳ/, в которых вокальный элемент флексии реализован гласным [е] (ср. gwiesz, gwie...).

2) Парадигмы русских глаголов типа киснуть, мокнуть, гаснуть, сохнуть и др. (IV словоизменительный класс) и польских глаголов типа chrupnąć, kiwnąć, stugnąć, moknąć и др. (4 в морфологический класс) характеризуются двумя вариантами процессуального суффикса: /у/ и /ѳ/ - в русском и /а/ // /я/ - и /ѳ/ - в польском. Полные основы в русском - мокну-/мокнуѳ-/мокнуѳ-/мокнуѳѳ-; кисну-/киснѳ-/киснѳ-/киснѳѳ-; в польском - mokną-/moknię-/мокнуѳ-/мокнуѳ-/мокнуѳѳ-; kiwną-/kiwnię-/kiwnѳ-/kiwnѳ-/kiwnѳѳ-. Усеченные основы в русском - мокну-/мокну'-/мокнуѳ-; кисн-/кисн'-/киснѳ-; в польском - мокну-/мокну'-/мокнуѳ-; киwn-/киwn' -/киwnѳ-.

В русском процессуальный суффикс /у/ находим в формах: мокнуть, киснуть; мокнул (и мок), киснул (и кис); мокнула (и мокла), киснула (и кисла); размокнувший (и размокнувший), разкиснувший (и разкиснувший); промокнув (и промокнув), прокиснув (и прокиснув); процессуальный суффикс /ѳ/ фиксируется в формах: мок (и мокнул), кис (и киснул); мокла (и мокнула), кисла (и киснула); размокнувший (и размокнувший), разкиснувший (и разкиснувший); промокнув (и промокнув), прокиснув (и прокиснув); мокнул, киснул; мокнувши, киснувши...

мокнувший, киснувший; мокни, кисни. В польском процессуальный суффикс /a/ || /e/ находим в формах: moknąć, kisać; moknięty, kisanęto; kisań (и kisł); kisańli (и kiśli); процессуальный суффикс /ø/ - в формах: mókł, kiśl (и kisań); mokła, kiśla; mokli, kiśli (и kisańli); mokną, kisań; mokniez, kisaniesz; moknie, kianie; mokną, kisań; moknij, kiśnij.

Парадигмы данных глаголов в морфологическом аспекте характеризуются трехчленными чередованиями: в русском < н ~ ø ~ н' >, в польском - < n ~ ø ~ n' >. Так, в русском: альтернант < н > - мокнуть, мокнул (наряду с < ø > в мок), мокнувший (наряду с < ø > в мокший), мокнув (наряду с < ø > в размокши), мокну, мокнут, мокнувший; альтернант < ø > - мок (наряду с < н > в мокнул), мокший (наряду с < н > в мокнувший), размокши (наряду с < н > в промокнув); альтернант < н' > - мокнешь, мокнем, мокнет, мокнете, мокни, мокните. В польском альтернант < n > - moknąć, kisać; kisań/kisł; mokną, kisań; mokną, kisań; < ø > - kisł/kisań, kiśla, kiśli/kisańli; mókł, mokła, mokli; < n' > - moknięty, kisanęto; moknie, kianie; kiśnij.

Таким образом, из приведенного выше анализа двух групп глаголов в польском и русском языках следует, что одинаковый принцип синхронного членения глагольных словоформ, введение понятий полной и усеченной глагольных основ, базирующихся на структурном принципе, и однозначность в определении морфологически релевантной позиции позволяет получить вполне сопоставимые результаты, дающие убедительный материал как для морфологической классификации глагола, основанной на формальном облике и схеме распределения в парадигме вариантов процессуального суффикса, так и для выявления морфологической структуры глагола путем определения зоны морфологических преобразований в глагольных словоформах, которая сосредоточивается в области исхода усеченной основы, на границе с процессуальным суффиксом.

Предложенный метод синхронного исследования морфолого-

гического облика глагольных парадигм в сопоставительном плане позволит выявить все сходства и различия, характерные для морфонологической структуры глагола современных славянских литературных языков, а также установить типологию этих языков в области глагольного словоизменения, основанную на морфонологических признаках, сопоставимость которых достаточно убедительна.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Виноградов В.В. Русский язык. - М., 1972. - С. 337.
2. См., например: Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980. - С. 582 и след.; Толстая С.М. Морфонологические типы глагольных парадигм в польском литературном языке // Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфонологии. - М., 1981. - С. 268-269; Пашов П. Българският глагол. I. - София, 1966; Попова Т.В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. - М., 1975.
3. Маслов Ю.С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // Советское славяноведение. - 1968. - № 4. - С. 53; Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. - М., 1977. - С. 63 и след.; *Gramatyka warbiszeznego jezuka polskiego. Morfologia.* - Warszawa, 1984. - S. 178; Толстая С.М. Указ. соч. - С. 269-270; Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. - М., 1981. - С. 195-196; Пашов П. За основите при глаголното формообразуване в съвременния български книжовен език // Помагало по българска морфология: Глагол. - София, 1976; Телин Н. Сколько в болгарском языке имеется классов спряжения? // Българистични изследвания: Първи българо-скандинавски симпозиум. - София, 1981 и др.
4. Лопатин В.В. Указ. соч. - С. 74.
5. Панов М.В. Русский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. I. - М., 1966. - С. 85-86.
6. Мельчук И.А. К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений // Фонетика. Фонология. Грамматика. Сб. статей. - М., 1971. - С. 218.
7. См., например: Реформатский А.А. Фонологические этюды. - М., 1975. - С. 86-91.
8. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. - С. 195.
9. Лопатин В.В. Указ. соч. - С. 108.
10. Клижкова Е. Морфемный анализ русского глагола // *Československá rusistika.* - Praha, 1964. - Roč. IX. - С. I. - 1. 209.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ДИАЛЕКТОВ)

Морфонология, несмотря на достаточно большой опыт исследований в этой области, остается в известной мере дискуссионным разделом науки о строе языка. Уже само выделение морфонологического уровня в языке не является общепринятым. Но и среди тех, кто признает объективность специфического использования фонетических средств при передаче грамматических значений, нет единства взглядов по таким вопросам, как сфера действия морфонологических закономерностей, их отношение к фонологии и морфологии; по-разному определяются и единицы морфонологического уровня¹.

Надо думать, что отсутствие единства взглядов на проблемы морфонологии не обусловлено лишь субъективной позицией отдельных исследователей, но имеет и объективные лингвистические основания. Одно из них рассматривается в предлагаемой статье.

В качестве основной единицы морфонологического уровня принято выделять морфонологическое чередование². Генетически такое чередование обусловлено прекращением действия правила позиционного фонетического чередования, вследствие чего мена звуков в определенном фонетическом контексте становится необязательной и происходит лишь в фиксированных морфемах. Чередование начинает осуществляться непоследовательно. Именно непоследовательность чередования, когда нарушен принцип "охвата всех слов"³, является обычно аргументом в пользу отнесения чередования к числу нефонетических. Однако такое суждение не бесспорно. Дело в том, что непоследовательное чередование может существовать и в рамках фонетического правила. Это может быть следствием 1) исходной незавершенности позиционно обусловленного фонетического изменения (например, переход *e > o* перед твердыми согласными в нижнелужицких диалектах⁴), 2) того, что деградация фонетической обусловленности чередования — это

не одномоментное событие, а процесс, протяженный во времени и включающий такую стадию, когда можно констатировать непоследовательность чередования без установления его связи с фиксированными морфемами (например, а : я между мягкими согласными в севернорусских говорах). Генезис непоследовательности фонетического чередования не всегда очевиден. Но в обоих названных случаях обнаруживается синхронная связь чередования с синтагматическим запретом на определенное сочетание звуков, хотя этот запрет и не носит безысключительного характера.

Идея непоследовательного фонетического чередования применима лишь к такой мене звуков, в которой еще просматривается связь с правилами синтагматики. В том случае, если эта связь полностью утрачена (например, д : ч, г : ж, б : бл' в русском), никаких сомнений в только морфемной обусловленности чередования не возникает.

Непоследовательность фонетического чередования не имеет хаотического проявления, когда члены чередования беспорядочно варьируются. Определенная упорядоченность имеет место и в этом случае. Это выражается в том, что нарушения правил чередования сосредоточиваются в определенных морфемах. Фонетическое оформление таких морфем находится как бы в противоречии с правилами звуковой синтагматики, актуальными в других морфемах.

Конкретную реализацию такого состояния покажем на материале севернорусских и украинских гучульских диалектов.

В сев.рус. говорах с.с. Мякурье Холмогорского р-на (Мяк) и Б.Чёмжа Кологривского р-на (Чех), имеющих фонему /ё/ на месте *я, чередование после мягких согласных [б перед С : ё перед С', СС'] носит фонетический характер несмотря на отдельные случаи сохранения о перед сегментом высокого тона, так как морфемы, содержащие сочетания типа С'бС, С'бСС', а также С'еС, не могут быть унифицированы относительно грамматического типа.

Ср. Мяк - п'ос : п'эс'ик, т'олка : с'т'ёл'на, д'орнул : д'ёр'н'ош и упохм'олк'и, оц'ц'бос'кой, д'ёрска на руку.

в'ішн'ёвой; Чж - оп'онок : п'ен', н'обо : пон'ёб'ю,
ц'орной : ц'ёр'н'ен'кой, т'облой : пот'ёпл'е и с'д'ог'і,
вод'онк'і.

В этих же говорах гласный о после мягких согласных в безударном слоге заменяется гласным э. Правила замены одинаковы в предударной и заударной части словоформы. В предударных слогах чередование регулируется только фонетической позицией. В Мяк в первом предударном слоге учитывается качество сегмента, следующего после гласного: перед мягким согласным о регулярно заменяется гласным э, перед твердым эта замена может отсутствовать и произносится о. В Чж такое ограничение на о : э не накладывалось - независимо от качества последующего согласного в предударном слоге произносится э.

Ср. Мяк - п'ок : п'ёкú, нап'охано : п'ехát', т'омно : пот'ёмн'е и т.п., но и ст'опан, с'остра, ц'осат'; Чж - б'ордо : б'ерда, в'обло : в'есла, оп'онк'і : п'ен'ок, св'окор : св'екрѳ.

В заударной части словоформы это чередование регулируется не только фонетическим контекстом, но и позицией в морфеме.

В корневых морфемах мена о и э происходит по тем же правилам, как и в предударных слогах. В флексивных же морфемах о может сохраняться и при этом независимо от качества последующего согласного.

Так, в Мяк д'орнул : вид'ёрнул, оз'ор : оз'еро, в'оснус' : на в'есну; в Чж в'ос : выв'езу, п'ок : вып'ёку, д'ормыш : вид'ержыш и т.п. Но на этом фоне с заударным о произносятся именные флексии ть. ед. - бан'ой, бол'ой, л'ус'ой, з'ёт'ом, р'оюм (Мяк, Чж); род. мн. - волос'юф, плат'юф (Чж); местоименные флексии - с'ін'ова, скот'н'ова, с'ін'ому, кол'уц'ому, на с'ін'ом, на робон'ом, о'ін'ой, пр'ажн'ой (Мяк, Чж); глагольные флексии - вын'е-с'ош, визов'о, р'оюм, м'оюм (Мяк), л'эг'от, витр'ес'ом, накр'оюм, м'оюс'с'е (Чж).

Во всех этих нарушениях фонетического правила чередо-

вания ó : е просматривается тенденция стабилизировать фонетический состав морфемы независимо от ударения.

Для того, чтобы констатировать в указанных случаях нарушение правила чередования, члены этого чередования должны быть расположены в другом порядке, чем это соответствует генезису явления. Так, если первоначально позиционная мена гласных о и е возникла в результате изменения е > о перед твердым согласным и это привело к чередованию е : о, то в современных говорах та же мена гласных, как непоследовательное чередование, имеет вид о : е - приоритетное значение при смене позиций и морфем имеет утрата или сохранение гласного о.

В Мьяк, Чжэ чередование ó : е обусловлено как фонетической позицией, так и морфемной. Последнее проявляется в том, что в определенных морфемах, несмотря на наличие необходимых фонетических условий, чередование не происходит. Этот факт имеет грамматическое значение, поскольку сочетание мягкого согласного с заударным о является сигналом фиксированных морфем. Но, если отнести это явление к числу морфонологических признаков, то надо признать, что этот признак не укладывается в рамки общепринятых суждений. Морфонологический признак обычно эксплицирован в виде звуковой мены (в отличие, например, от фонологических чередований). При сохранении же заударного о в перечисленных морфемах грамматическую информацию несет отсутствие чередования как нарушение правил звуковой синтагматики, реализующихся в других частях словоформы. Грамматически значимо не изменение звукового состава морфемы, а ее звуковая стабильность.

В сев.рус. говорах известна ситуация, когда заударный о после мягкого согласного не ограничен какими-либо морфемами, а чередование [ó : е заударный] обусловлено фонетической позицией. Примером может быть говор с. Нюхча Пинежского р-на (Нюх), где произносят с'íв'ор, ум'ор, вьд'оржал'í, óз'орó, на óз'ер'е, д'ер'ово, на д'ер'ев'е, п'эт'олка, поставл'он, в жытн'ом, с'íц'ц'ова, з'ет'ом,

вып'ек'ом, зап'ер'с'ю, гр'ёб'ен', по' темн'а, коло'ц'ц'ей, на' н'ёб'е и т.п. При таком заударном вокализме наличие гласного о во флексиях не несёт грамматической информации.

Отступление от правил звуковой синтагматики может быть грамматически значимым и при том, если этот запрет вообще не сопровождается чередованием звуков. Пример этого даёт гуцульский говор с Яблунца Путильского р-на (Яб). В этом говоре в дофлексивных морфемах запрещено сочетание мягких согласных и я с и (< *а, *я). В тех случаях, когда сообразно этимологическому критерию можно ожидать сочетание типа С'а, произносится С'я под ударением, С'я, С'и, С'и без ударения. Этот синтагматический запрет не сопровождается чередованием гласных, так как сочетание С'я (и, а) всегда выступит в таких морфемных позициях, из которых гласный не может быть переведен в позицию не после мягкого согласного. Ср. зач'я́у, д'я́ек, г'я́д'я́тка, из я́блук, я́ма, п'я́д'я́же, ч'я́с, мн'я́со, расп'я́ел'ут, ч'я́лк', я́дро//я́дро, пам'я́тка, г'я́е не́ю, за́яц, 3 мн. - до́я́т, верк'я́т, я́г'я́, рос'я́ет, худ'я́т, инфинитив - стр'я́л'я́ти, поясн'я́ти, ом'я́ин'я́ти.

Запрет на сочетания типа С'а не распространяется на ряд именных флексий, следующих после мягких согласных. Гласный я в таких флексиях выступает как после твердого, так и после мягкого согласного, то есть звуковая состав флексий стабилен. Так, в им. ед. ж.р. - коза́, ж'я́ба и я́йя́, иржа́, ридня́, бр'я́хня́, земля́, в'я́щя́, гугля́, батя́ля (=дырка), со́я, молодя́, баб'я́, саж'я́ и т.п.; род. ед. м.с.р. - сына́, голубя́, пастуха́, села́, чере́ва и ве́р'я́, о кон'я́, коло пня́, пал'ця́, н'я́щя́, зл'я́, в'я́щя́, до сер'ця́, до со́н'ця́, в'я́щя́, до́ж'я́; им. мн. с.р. - д'я́ля, се́ля, пов'я́са и я́щя́, ч'я́ля́, ж'я́ля́, пол'я́, п'я́кля́, з'я́ля́, я́ня́, п'я́ря́, в'я́с'я́ля́. Гласный я выступает и в местоименных флексиях - ло́уч'я́ к'я́тка, м'я́тка бо́ж'я́, ово́я́ см'я́т', ч'я́ля́ оня́, сын'я́ д'я́ст'я́на. Случаи варьирования я и я (и) в некоторых флексиях немногочис-

ленны (ср. стёрн'ё, тэсл'е, нощ'и, лудин'ё) и не меняют общей тенденции стабилизировать звуковой состав этих флексий.

Можно отметить, что среди гуцульских говоров, переживших изменение $C'a > C'e$, есть и такие, где это изменение распространяется и на флективные морфемы. Таков говор с. Чёрная Тисса Раховского р-на (ЧТ), где флексии, произносящиеся в Яб с а после мягких согласных, всегда имеют "не а", так как во флексиях происходит чередование, вызванное запретом на сочетание $C'a$. Так, в им. ед. ж.р. - б'іда, полóва : свин'ё, зимл'е, бр'іхн'ё, пр'єж'е, каш'и, молодѣц'и, рьндз'и, брєндз'е, черєшн'і, паразóл'и, Тán'е, кон'ушн'и, бур'и, йєрємч'и; род. ед. м.с.р. - ва-таha, сєла, зєрна, с'іна : л'ікар'е, ворощ'є, мєдвїд'є, до кон'є, жит'є, п'ір'є, пар'и; им. мн. с.р. - сєла, словá : к'імн'и, вїмн'и, йїщ'є, п'ір'і, имн'є.

Запрет на сочетание $C'a$ обуславливает варьирование местоименной флексии после переднеязычных шумных, которые могут быть как твердыми, так и мягкими - чужá земл'є и наш'и нощ'і, ваш'і каш'і; воўча, в'івча шк'іра и єн'ч'і справа //єнча справа.

Звуковой состав рассмотренных флексий в Мьяк, Чєж, с одной стороны, и в Яб - с другой, в диахроническом плане относится к разным типам.

В Мьяк и Чєж, где во флексиях не происходит чередование $ó : е$, гласный о в этих флексиях формально является инновацией в сравнении с исходным состоянием, так как может быть соотносён с процессом изменения $e (< *e, *e) > o$ перед твердым согласным.

В Яб, наоборот, гласный а, произносящийся во флексиях вопреки запрещению сочетания $C'a$, может считаться архаизмом в сравнении с $e(и)$ из $a (< *a, *a)$.

Теоретически можно также допустить, что под влиянием литературной нормы в Мьяк и Чєж о в зауларной части заменился гласным е в дофлективной части словоформы, сохранившись во флексиях. А в Яб под таким же влиянием а, я в пор-

вую очередь вытеснили "не д" в именных флексиях. Предполагается, что архаическое состояние, которое подверглось литературному влиянию, представлено в говорах Ных и ЧТ. Но как реальность такая избирательность литературного влияния маловероятна.

Однако с синхронной точки зрения генезис фонетического оформления флексий, нарушающего те правила звуковой синтагматики, которые актуальны в дофлективной части словоформы, не имеет значения. В синхронном плане лингвистически значим сам факт этого нарушения, который выполняет роль морфологического признака, сигнализируя определенные флексии.

Морфологический признак, выражаемый отрицательной величиной в виде 1) отсутствия чередования, 2) нарушения синтагматического запяга, не эксплицированного в чередовании, может выделяться только на фоне непрерывного осуществления фонетических закономерностей, нарушаемых в фиксированных морфемах.

Теоретически для ситуации 1) можно подыскать решение, при котором морфологический признак будет выражен положительной величиной в виде звукового чередования, которое обычно и принято ассоциировать с морфологической единицей. При таком решении следовало бы считать, например, что в Чех чередование [ó : ъ заударный] маркирует дофлективные морфемы. Но при этом слишком аморфно окажется морфологически маркированный корпус морфем, а это снижает определенность той грамматической информации, которую дает звуковое чередование. Совершенно очевидно, что именно такая определенность заложена в отсутствии чередования в фиксированных флективных морфемах, которое и получает значение морфологического признака.

Ситуация, данная под рубрикой 2), вообще не может быть связана с чередованием, так как нарушаемый в этом случае синтагматический запяг никогда не эксплицируется в звуковом чередовании.

Морфологические признаки, выраженные отрицательной

величиной, располагаются в пространстве между звуковым чередованием, обусловленным только фонетическим контекстом и не знающим исключений, и чередованием, регулируемым только морфемной позицией (морфемным контекстом).

В этом пространстве расположены зоны:

- 1) непоследовательно осуществляемого фонетического чередования, когда чередование, обнаруживая явную связь с фонетической позицией, тем не менее не проводится абсолютно последовательно; при этом не просматривается и определенная связь наличия/отсутствия чередования в определенных морфемах (такое чередование о : э в Мяк, Чуж);
- 2) нарушения правил фонетически обусловленного чередования в фиксированных морфемах; в этом случае в регулирование чередования включается фактор морфемной обусловленности при том, что и связь с фонетической позицией для чередования не утрачена; такое чередование обусловлено фонетико-морфемными позиционными условиями (чередование [о : э заударный] в Мяк, Чуж).

В зону 2) могут быть при известных условиях помещены и факты выделения морфем путем нарушения в них звукового синтагматического запрета, который в данной системе не эксплицируется в чередовании. Такое возможно, если интерпретировать эти факты как потенциально возможное, но не состоявшееся чередование. В качестве аргумента можно привлечь сопоставление с системой, где возможность чередования реализована. При таком решении, сочетание С'а во флексиях в Яб можно считать результатом несостоявшегося чередования, функционирующего в ЧТ в примерах вода : зим'е. Понятно, что без процедуры сопоставления такое суждение не может быть принято.

Сказанное имеет своей целью показать, что морфонологические признаки не ограничиваются явлениями, однозначно обусловленными только морфемной позицией. Морфонологический уровень вторичен по отношению к фонетическому. Сужение сферы действия фонетической закономерности и концентрации ее в фиксированной морфеме предполагает некоторый переход

ные этапы, когда одновременно действуют факторы и фонетической, и морфемной обусловленности. Именно на этом этапе выделяются явления, обусловленные фонетико-морфемной позицией. В той части, которая обусловлена только звуковым контекстом, они относятся к фонетике, а в той, где включается морфемная позиция, — к морфологии. Особенность выделяемых при этом морфологических признаков состоит в том, что они реализуются не изменением звукового состава морфем, а его стабильностью.

Выделения морфологических признаков с ориентацией лишь на явления, полностью утратившие связь с фонетической обусловленностью, выводит за пределы морфологического анализа факты переходного характера, всегда присутствующие в языке. В результате многие явления, несмотря на их связь с морфемной позицией, выводятся за пределы морфологии, хотя и к фонетическому уровню они могут быть отнесены не безоговорочно. Они как бы лишаются уровня идентификации. Именно эти факты создают одно из лингвистических оснований расхождения во мнениях относительно объекта морфологии.

Включение переходных явлений в сферу морфологии может способствовать созданию адекватного представления об использовании фонетических средств для передачи грамматических значений.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Ср.: Трабнкова Н.С. Некоторые соображения относительно морфологии // Педяский лингвистический кружок. — М., 1987; Чудинова В.Г. Очерк русской морфологии. — М., 1975; Славянская морфология. Именной словоизменение. — М., 1987.
2. Славянская морфология.... — С. 1 и след.
3. Иванов М.В. Русская фонетика. — М., 1957. — С. 405.
4. Костин Н.Д. Из истории нижнесербского диалекта // Исследования по сербскому языку. — М., 1970. — С. 22.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПАДЕЖА В ПОСЕССИВНЫХ СТРУКТУРАХ

Работа посвящена анализу падежных форм имен, входящих в посессивные семантико-синтаксические структуры $[P_n V R]^1$ (где P_n - имя possessора, R - имя объекта обладания, V - глагол, обозначающий тактильное действие, актантами которого являются P_n и R ,² или состояние, охватывающее P_n и R). Исследуются структуры русского, польского, чешского и словацкого языков, включающие предикаты V со значением 'погладить', 'поцеловать', 'ударить', 'укусить', 'почесать' и т.п., а также предикаты со значением 'болеть', 'свербеть', 'чесаться' и т.п. (в их безличном и личном употреблении). Материалом послужили словари, указанные в списке источников, а также некоторые произведения художественной литературы.

Языковая семантика таких структур определяется, с одной стороны, их лексическим наполнением, т.е. семантикой входящих в них слов, а с другой стороны - семантикой их синтаксиса, включающей в себя и семантику падежей, участвующих в их построении³. При этом в каждом типе структур существует свой набор семантических, лексических или синтаксических средств, являющихся доминирующими при формировании языковой семантики данной структуры, а именно, семантика V , семантика R , а также падежные формы P_n и R . Для выявления таких доминирующих семантических элементов представляется целесообразным осуществить несколько типов классификаций по каждому из этих элементов.

А. Классификация в зависимости от падежной формы R .

В зависимости от падежной формы R могут быть выделены три класса структур: аккузативный (R_{acc}), локативный (R_{loc}) и номинативный (R_{nom}).

I. Класс R_{acc} .

Этот класс структур включает в себя три типа в зависимости от падежной формы P_n : дативный ($P_n^{dat} R_{acc}$), локативный ($P_n^{loc} R_{acc}$) и тип структур, в котором отсутст-

вует падежная форма R_v , выражающая степень затронутости R_v действием.

I. Тип $R_v \text{ dat } R_{acc}$

Глаголы:

'Погладить':

русск. Погладил себе живот / *Погладил кому-л. что-л.;
польск. - ; чешск. Pohládl si čelo, vousy; Pohládl dítěti hlavečku; слвц. Pohládl si čelo, vlasy, tvár;
Starý profesor pohladil si vtraskavé čelo; Matka hladkala im tváre.

'Поцеловать':

русск. Поцеловал ей руку / *Поцеловал ей голову; польск. - ;
чешск. Zlíbal jí tváře, ruce; Políbil dědovi ruku;
слвц. Pobožkal jej ruku.

'Взять', 'схватить':

русск. (устар.) Схватив ей руку, говорит...; польск. - ;
чешск. Chytil jí ruku (?); слвц. Chytil jej ruku (O'Brien jej chytil ruku).

'Ударить':

русск. - ; польск. - ; чешск. - ; слвц. - .

Структуры типа $R_v \text{ dat } R_{acc}$ описывают действие, совершаемое посессором или некоторым другим лицом, направленное на часть тела R_v посессора R_v и затрагивающее при этом посессора R_v . При этом в польском языке структуры

$R_v \text{ dat } R_{acc}$ с рассматриваемыми глаголами вообще не употребляются (ср. отрицательные примеры, приведенные А. Вежбицкой⁴:

*Łocałowała mi policzki; *Chwyciła (wzięła) mi rękę;

*Ewa uderzyła (pocałowała, porzła) Adama w rękę).

Глагол 'ударить' не употребляется в данном типе структуры ни в одном из рассматриваемых языков, поскольку этот глагол предполагает по своей семантике прямой объект только одушевленным ('ударить кого-л.'); часть тела, как и любой другой неодушевленный предмет, не может служить прямым объектом такого действия (ср. русск. *ударить руку, *ударить стол / ударить по руке, ударить по столу).

Глагол 'схватить' ('взять') не имеет таких семантически-

ких ограничений (т.е. его употребление не связано с одушевленностью/неодушевленностью прямого объекта), однако называемое им действие можно расценивать как затрагивающее и не затрагивающее possessора. Как затрагивающее оно интерпретируется в словацком языке, проблематично такое восприятие для чешского языка; польский и русский менталитеты определенно расценивают это действие как не затрагивающее possessора, во всяком случае в современных русском, польском (и, возможно, чешском) языках такое употребление невозможно (ср. п. I.3).

Глаголы 'поцеловать' и 'погладить' входят в структуры $R_{\text{dat}}R_{\text{acc}}$ в чешском и словацком языках, где обозначают действие, направленное на часть тела и затрагивающее possessора. В русском языке глагол 'поцеловать' употребляется в структурах $R_{\text{dat}}R_{\text{acc}}$ в значении не столько ласкательно-го, сколько ритуального действия, лишённого какой-либо фамильярности; глагол 'погладить' в этой структуре обозначает в русском языке действие, совершаемое с целью получения удовольствия, т.е. действие, которое не может быть названо ласкательным (потому обычно это действие, совершаемое самим possessором, а не другим лицом по отношению к нему).

2. Тип $R_{\text{loc}}R_{\text{acc}}$

По такому типу образованы структуры с глаголами ласкательного значения (а, точнее, с ритуальными его модификациями) в русском языке (в современном русском такой узус весьма ограничен), ср. у Пушкина: "... это твой посаженный отец, поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит".

3. Тип $R_{\text{prop}}R_{\text{acc}}$

Структуры этого типа обозначают действие, направленное на часть тела и не затрагивающее ее possessора.

Глаголы:

'Погладить':

русск. Погладил (свой) живот / Погладил ее руку; польск. Głaskał ich ramiona, Gładził wobj czarny wąsik, Pogładzał (swe) siwe włosy, Pogłaskiwał nerwowymi palcami policzki

чешск. - ; словц. - .

'Поцеловать':

русск. Поцеловал ее руку, руку девушки / *Поцеловал ее голову; польск. Całował jej ramię, jej twarz, jej głowę; rzucił się jej do nóg i zaczął całować jej kolana;
чешск. - ; словц. - .

'Схватить':

русск. Схватил ее руку; польск. wzięła moją rękę i zaczęła nakłuiwać kolejny numer; (?) Chwyliła moją rękę;
чешск. - ; словц. - .

'Ударить':

русск. - ; польск. - ; чешск. - ; словц. - .

Структуры типа $R_{\text{Agent}} R_{\text{acc}}$ в которых поссессор представлен не падежной формой имени, а притяжательным местоимением R_{prop} не характерны для чешского и словацкого языков, менталитет которых не склонен интерпретировать процессы, происходящие с частью тела, изолированно от ее поссессора. По причинам, изложенным выше (см. п. 1.1), в таких структурах не могут встречаться глаголы типа 'ударить'. Глагол 'взять' возможен в русском и польском языках, правда, по-видимому, с некоторой дифференциацией значений: в русском действие воспринимается как не затрагивающее поссессора, но отражающее эмоциональное состояние агенса; в польском такая структура обозначает чисто механическое движение, лишённое каких бы то ни было эмоций (ср. пример, приведенный выше: одна заключенная нажимает другой на руку арестантский номер, при этом рука воспринимается отчужденно от своего поссессора). проблематичным кажется употребление в таких структурах в польском языке глагола 'схватить'. Глагол 'поцеловать' в структуре $R_{\text{Agent}} R_{\text{acc}}$ означает действие, совершаемое агенсом "для себя" (и не для поссессора, который может при этом оставаться безучастен), при этом русская конструкция обозначает действие, совершаемое агенсом "для себя" в ритуальных целях, а польская конструкция - действие, отражающее эмоциональный порыв агенса (такое значение возможно также и в

русском). Ритуальный характер действия, описываемого русской конструкцией, иллюстрируется также ограниченностью ее узуса, т.е. возможностью ее употребления только с именами рук и ног. При глаголе 'погладить' агенсом может выступать как сам посессор, так и другое лицо. В первом случае возможно опущение притяжательно-возвратного местоимения, что часто указывает на привычность, "рутинность" действия ⁶.

Итак, структуры класса R_{acc} обозначают действие, направленное на часть тела посессора R . Это действие может затрагивать посессора (структуры типа $Ps_{dat}R_{acc}$; свойственные при рассматриваемых глаголах в первую очередь чешскому и словацкому языкам, в меньшей степени - русскому и не свойственные польскому языку). В русском языке (на периферии узуса) возможна локативная конструкция, обозначающая действие, трактуемое менталитетом как производимое в локусе, в "пространстве" посессора; структуры $Pa_{loc}R_{acc}$ указывают на меньшую степень затронутости посессора действием, чем дательно-посессивные ($Ps_{dat}R_{acc}$) структуры. И, наконец, действие, направленное на объект обладания, может расцениваться менталитетом как не затрагивающее посессора. Такие конструкции возможны для рассматриваемых глаголов в первую очередь в польском языке (что является "компенсацией" отсутствия дательно-посессивных структур), более ограничено их употребление в русском и отсутствует в чешском и польском языках. Единственным из рассматриваемых глаголов, не употребляемым в структурах класса R_{acc} , оказался глагол 'ударить', прямым объектом которого может быть только одушевленный предмет.

II. Класс R_{loc}

Структуры этого класса обозначают действие, совершаемое "в локусе" части тела R . Класс R_{loc} включает в себя пять типов структур: два типа личных ($Pa_{acc}R_{loc}$) и ($Pa_{dat}R_{loc}$) и три типа безличных ($Pa_{dat}R_{loc}$, $Pa_{acc}R_{loc}$ и $Pa_{loc}R_{loc}$). Личные структуры обозначают действие, совершаемое некоторым лицом (в частном случае - самим посессором) по отношению к

посессору и направленное на его часть тела; безличные структуры обозначают процесс, происходящий в локусе части тела R и в той или иной степени затрагивающий посессора.

I. Тип $R_{\text{асс}} R_{\text{loc}}$

Глаголы:

'Погладить':

русск. Погладил ребенка по голове, по лицу, по спине / (?) Погладили ребенка по руке, по ноге; Погладил себя по животу; польск. Gładził, głaskał go po głowie; Pogłaskał go po głowie; Pogładził się po włosach, po brzuchu; Pogłaskał konia po szyi i pierśiach; чешск. Pohládl ho po tváři; словц. Pohládl ho po hlave; Pohladkal ju po vlasoch.

'Поцеловать':

русск. Поцеловал ребенка в голову, в щеку / * Поцеловал ее в руку, в ногу; польск. Całował w rękę, w nogę; Pocałował mnie w usta; Nie tylko mnie pocałował w twarz, ale kilka razy w rękę; чешск. Políbil ženu na rty; Políbil dítě na čelo; словц. Bozkal ho na čelo; Pobozkaval ju na líce; Pobozkával ju na ústa.

'Схватить', 'взять':

русск. Схватил ее за руку; Взят ребенка за руку; польск. Chwycili mnie za rękę, za nogę; Chodok chwycił Ionię za łokieć; Wzięła tę dziewczynę za rękę; Ktoś mocno chwycił mnie za rękę burduta; чешск. Vzít někoho za límec; Vzal ho kolem krku, kolem ramu; Vzal ji za ruku; podržel se vuna za ruku; Chytil ji za ruku, za vlasy, kolem krku; словц. Profesor ju chytil za ruku; Vzali sa za ruky.

'Ударить':

русск. Ударил его по голове, по руке, по спине; польск. Uderzył go mieczem w głowę; Uderzył mię w plecy; Uderzył go w twarz, po twarzy; Uderzyłem młodego w tylną nogę; чешск. Uhodil ji do očí; Uhodil ho do prsou; Uhodil (klepl) ho přes prsty; Klepl souseda na rameno; Kůň kopl člověka do nohy; kopl ho pod břicho; словц. Buchali sa do chrbta; tresol ho po hlave; Udrel ho po hlave; Plesol ho

po ústach; Tl'arkali za po plecach.

Структуры типа $P_{acc}R_{loc}$ описывают действие, совершаемое в локусе части тела и направленное на ее посессора. Семантика этих структур отражает наивысшую степень затронутости посессора - прямое воздействие на него. С этим связано употребление в таких структурах глагола 'ударить'. Употребление структур $P_{acc}R_{loc}$ с рассматриваемыми глаголами в польском, в сравнении с неупотребительностью структур $P_{dat}R_{acc}$, позволяет предположить, что польский менталитет расценивает данные действия как направленные на объект (на посессора или его часть тела), используя при этом структуры $P_{acc}R_{loc}$ и $P_{pron}R_{acc}$: *śłował ją w rękę / śłował jej rękę*. Русский язык при обозначении ласкательных действий дифференцирует части тела, по-видимому, по признаку близости/удаленности от центра, средоточия P_{s} . Признаком "близкий" наделяются такие части тела, как голова, глаза, губы, щеки, шея, спина, плечи; признаком "далекий" - в первую очередь конечности. Первые в большей степени репрезентируют P_{s} и поэтому служат локусом воздействия на него, вторые служат объектом действия, затрагивающего ср.: Х поцеловал У-а в голову ($*У-у$ голову) - Х поцеловал У-у руку ($*У-а$ в руку). Характерно, что структуры "независимого действия" ($P_{loc}R_{acc}$) также наиболее употребительны с более удаленными частями тела, ср.: поцеловать чью-либо руку - *поцеловать чью-либо голову. С именем руки возможны также конструкция с у-локализатором ($P_{loc}R_{acc}$), занимающая по своей семантике промежуточное положение между структурами затрагивающего и независимого действия (поцелуй у него ручку). Таким образом, русский язык обнаруживает 4 степени затронутости P_{s} ласкательным действием: I - независимое действие: Х поцеловал руку У-а; II - действие в локусе (пространстве) P_{s} (слабая степень затронутости P_{s} действием): Х поцеловал руку у У-а; III - действие, затрагивающее P_{s} : Х поцеловал руку У-у; IV - действие, направленное на P_{s} : Х поцеловал У-а в голову. В польском языке, как было показано, упот-

ребляются только крайние (I и IV) позиции (типы структур). Это хорошо иллюстрируется следующим польским примером: Pan Andrzej przykleknał na jedno kolano i ucałował ze szczerą dłoń królowej (*królową w dłoń), która go jeszcze pogłaskała rogów / русск. Пан Анджей стал на одно колено и с почительностью поцеловал руку королевы (*королеве), которая его при этом погладила по голове. На этом примере ярко видно, как языковой менталитет дифференцирует иерархию человеческих отношений: действие королевы выражено структурой $P_{acc}R_{loc}$ (наиболее "фамильярной"), действие ее подданного структурой "незатрагивающего" действия. Ср. также - в различных социумах - ритуалы целования края одежды, земли у ног владыки, земли на почтительном расстоянии от него и т.д. - чем больше социальная дистанция, тем выше страх "затронуть действием".

2. Тип $P_{dat}R_{loc}$

Этот тип конструкций находится на периферии узуса и с рассматриваемыми глаголами почти не употребляется. Такие структуры чаще встречаются в просторечии, ср. чешск. Jednoho korpouta pod břicho, d. r. u h é m ě i p ř e s t í d o b r a d u - a j e t o! ; русск. дать (врезать) кому-либо по морде. Приведенный пример из К. Чапека интересен в том отношении, что в нем отсутствует глагол, что может служить одним из доказательств того, что не только семантика падежа (ср. русск. Врача!; Скорую! и т.п.), но и семантика сочетаний падежей (семантико-синтаксических структур) может рассматриваться как своего рода семантическая абстракция, существующая в языке независимо от своего конкретного воплощения.

3. Типы $P_{acc}R_{loc}$, $P_{dat}R_{loc}$, $P_{loc}R_{loc}$

Эти типы структур также малоупотребительны, в отличие от структур с R_{nom} (см. ниже). Они различаются между собой падежной формой P_{v} - аккузативной, дативной и локативной. Последняя характерна для русского языка: У него потем-

нело в глазах, у него шумит в голове. Польский, чешский и словацкий языки различают структуры $P_{acc}R_{loc}$ и $P_{dat}R_{loc}$ в зависимости от процесса, происходящего в упоминаемой части тела. Так, например, глагол 'болеть' употребляется в структуре $P_{acc}R_{loc}$: польск. *Boli go w dołku*; чешск. *Bolí ho v kříži*; глаголы 'потемнеть', 'шуметь' употребляются в структурах $P_{dat}R_{loc}$: польск. *Pociemniało mu w oczach*; *Szumiało mu w głowie*; чешск. *Hubí mi v hlavě*; слвц. *Hubí mi v hlave*. Можно предположить наличие некоей корреляции между вышеописанными функциями датива и аккузатива и дифференциацией этих падежей в безличных конструкциях; создается впечатление, что и здесь аккузатив P_{acc} указывает на большую степень затронутости P_{acc} процессом, происходящим в его R (боль в большей степени на P_{acc} , чем шум в голове или темнота в глазах).

III. Класс R_{nom}

Структуры этого класса обозначают действие или процесс, агенсом которых является часть тела R. Класс R_{nom} включает в себя три типа структур: дативный $P_{dat}R_{nom}$, аккузативный $P_{acc}R_{nom}$ и локативный $P_{loc}R_{nom}$. Последний тип структур характерен только для русского языка, который трактует действия или процессы, агенсом которых является R, как происходящие в локусе P_{acc} : У него болит голова, чешется рука, замирает сердце и т.п. Польский, чешский и словацкий языки различают структуры $P_{dat}R_{nom}$ и $P_{acc}R_{nom}$ по тому же принципу, что и приведенные выше безличные локативные структуры.

Тип $P_{dat}R_{nom}$: польск. *Głowa mu kręci*; *Głowa mu ciążyła*; *Serce mi zamiera*; *Serce mi darło na strzępy*; *Złamał się mi ząb* / **Noga mi się złamała*; чешск. *Ruce mu bezvlastně avisely*; *Koutki úst se jí svěřily*; *Nos se mu svraňtil*; *Hlava mu padá*. *Chvějí se jí rty*; *Srdce se jí rozbušilo*; слвц. *hlava sa mu chvel*; *ruky sa mu chvejú*; *zub sa jej zlomil*.

Тип $P_{acc}R_{nom}$: польск. *Głowa go boli*; *Bolały mnie nogi*; *Lonię zaczęła boleć głowa*; *Palce i nogi dokuczliwie*

mnie swędziały; Język go świerzbił; Dłoń go świerzbi;
 Świerzbi cię ręka do pióra; Co kogo boli, o tym mówić wo-
 li; чешск. Bolí mě noha; Svědí mě oko; Kůže ho svrbí;
 слвц. Hlava ma bolí; Bolia ho nohu; Nos ma svrbí; Svrbí
 ho jazyk. Сопоставление двух последних типов структур по-
 зволяет предположить, что и в этом случае дативные и акку-
 зативные структуры различаются по степени затронутости P_s
 процессом, происходящим в его R. Аккузатив и в этих кон-
 струкциях сохраняет элемент значения прямого объекта, а
 датив - значение воспринимающего субъекта, поэтому процес-
 сы, протекающие в части тела (что может быть выражено фор-
 мами R_{acc} и R_{dat}), в аккузативных конструкциях восприни-
 маются в известной степени как "направленные" на посессо-
 ра, а в дативных - как затрагивающие его.

В. Классификация в зависимости от падежной формы P_s

В зависимости от падежной формы P_s могут быть выделе-
 ны четыре класса структур: аккузативный ($P_{s_{acc}}$), датив-
 ный ($P_{s_{dat}}$), локативный ($P_{s_{loc}}$) и местоименный (генитив-
 но-посессивный) ($P_{s_{poss}}$ ($P_{s_{gen-poss}}$)).

I. Класс $P_{s_{acc}}$

Этот класс структур включает в себя три типа в зависи-
 мости от падежной формы R и личности/безличности предло-
 жения: локативный личный ($P_{s_{acc}R_{loc}}^{pers}$), локативный без-
 личный ($P_{s_{acc}R_{loc}}^{imp}$) и номинативный личный ($P_{s_{acc}R_{nom}}$)
 (например, ($P_{s_{acc}R_{loc}}^{pers}$): польск. głaskał go po gło-
 wie; całował go w usta, chwycił go za rękę, uderzył go
 w twarz; ($P_{s_{acc}R_{loc}}^{imp}$): boli go w dołku; ($P_{s_{acc}R_{nom}}$):
 głowa go boli). В этом классе структур действие или про-
 цесс, происходящий с частью тела, характеризуется как
 направленный на ее посессора.

II. Класс $P_{s_{dat}}$

Этот класс включает в себя четыре типа структур: акку-
 зативный ($P_{s_{dat}R_{acc}}$), номинативный ($P_{s_{dat}R_{nom}}$), локати-
 вный личный ($P_{s_{dat}R_{loc}}^{pers}$) и локативный безличный
 ($P_{s_{dat}R_{loc}}^{imp}$) (например, $P_{s_{dat}R_{acc}}$: чешск. pohladil
 dítěti hlavěčku, polbil jí ruku, слвц. chytil jej ruku;

($P_{\text{dat}}^{R_{\text{nom}}}$): чешск. *chvějí se jí rty*; ($P_{\text{dat}}^{R_{\text{loc}}}$)_{pers}: чешск. *korl mu pod břicho*; ($P_{\text{dat}}^{R_{\text{loc}}}$)_{imp}: чешск. *hučí mi v hlavě*). В этом классе структур действие или процесс, происходящий с частью тела, характеризуется как затрагивающий ее possessора.

Ш. Класс P_{loc}

Этот класс структур характерен только для русского языка и включает три типа структур: аккузативный $P_{\text{loc}}^{R_{\text{acc}}}$ (Приселвал у него руку), номинативный $P_{\text{loc}}^{R_{\text{nom}}}$ (У него болит голова) и локативный $P_{\text{loc}}^{R_{\text{loc}}}$ (У него потемнело в глазах). В этом классе структур действие или процесс, происходящий с частью тела, трактуется русским языком как происходящий в локусе (пространстве) possessора.

IV. Класс $P_{\text{trp}}^{R_{\text{acc}}}/P_{\text{gen-poss}}^{R_{\text{acc}}}$

Этот класс включает в себя один тип структур, который характеризует действие, направленное на часть тела possessора, как не затрагивающее его "независимое" действие: русск. Поглади ее руку, польск. *usałował dłoń kłólowej*, *wzięła rękę gękę*. Структуры этого типа не характерны для чешского и словацкого языков, а в русском и польском употребляются с ограничениями (см. выше).

Классификация В имеет те преимущества, что она наглядно демонстрирует убывание степени затронутости possessора действием или процессом, происходящим с его частью тела: 1-й класс - действие направлено на possessора, 2-й класс - действие затрагивает possessора, 3-й класс - действие совершается в локусе possessора, 4-й класс - действие не затрагивает possessора.

На основании такой классификации можно построить таблицу, дающую информацию о распространенности (употребительности) структур разных типов в рассматриваемых языках для рассматриваемых глаголов.

Сокращения: р - русский язык, п - польский, ч - чешский, о - словацкий язык.

глаголы структуры	Погладить	Поцеловать	Взять схватить	Ударить
$P_{acc}R_{loc}$	р,п,ч,с	р,п,ч,с	р,п,ч,с	р,п,ч,с
$P_{dat}R_{acc}$	р,ч,с	р,ч,с	р,ч,с	-
$P_{loc}R_{acc}$	-	р	-	-
$P_{Fron}R_{acc}$	р,п	р,п	р,п	-
$(P_{gen-poss}R_{acc})$				

При составлении данной таблицы мы исключили структуры, находящиеся на периферии узуса (см. выше), а также структуры, употребляемые с глаголами состояния. Наиболее употребительными для рассматриваемых глаголов оказались аккумулятивно-локативные структуры $P_{acc}R_{loc}$, трактующие данные действия как направленные на посессора. Дативно-аккумулятивные структуры $P_{dat}R_{acc}$ наиболее употребительны в русском и словацком, менее - в чешском и неупотребительны для данных глаголов в польском языке. Локативно-аккумулятивные структуры $P_{loc}R_{acc}$ характерны только для русского языка, структуры "независимого действия" - только для русского и польского. Глагол 'ударить' употребляется только в структуре направленного действия $P_{acc}R_{loc}$, что связано с его лексико-семантическими свойствами, поскольку в качестве прямого объекта при этом глаголе может выступать только одушевленный предмет. Отсутствие в польском языке дативно-аккумулятивных структур для данных глаголов отнюдь не свидетельствует о меньшей распространенности дательного посессивного в польском языке, чем, например, в русском, однако оно определенным образом характеризует сферу распространения дательного-посессивного в польском.

Проведенное исследование падежных форм P_{s} и R в их сочетании с тактильными глаголами и глаголами состояния дает основание предположить существование в языковой парадигматике падежных комплексов, сочетающихся с глаголами определенной семантики, однако имеющих при этом собственное языковое значение.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Головачева А. В. Категория посессивности в плане содержания // Категория посессивности в славянских и балканских языках. - М., 1989; Она же. Семантические функции падежа в западнославянских и русском языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков: Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3-5 октября 1989 г. - М., 1989.
2. Для краткости изложения мы будем пользоваться символами P_n и R для обозначения как посессора и его объекта обладания, так и соответствующих им имен.
3. Русская грамматика. Т. I, II. - М., 1980.
4. Wierzbicka A. A Study of the Polish Dative // Case in Slavic. - Columbus, Ohio, 1986.
5. Символ loc употребляется здесь не для обозначения падежа, а для обозначения синтактико-семантической функции словосочетания, которая может быть выражена различными предложно-падежными формами.
6. Wierzbicka A. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar // Studies in Language. - Amsterdam, 1979. V.3.N3.

И С Т О Ч Н И К И

- Словарь русского языка. Т. I-IV. - М., 1981-1984.
Словацко-русский словарь. - Москва-Братислава, 1976.
Słownik języka polskiego. T. I-XI. - Wrocław-Warszawa-Kraków, 1958-1969.
Slovník spisovného jazyka českého. Seš. I-40. - Praha, 1958-1971.
Základný rusko-slovenský slovník. - Moskva-Bratislava, 1984.

ОДИН ИЗ ВИДОВ СВОБОДНОГО ДАТЕЛЬНОГО В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ (СРАВНИТЕЛЬНО С ЧЕШСКИМ И ПОЛЬСКИМ)

В славянских языках наряду с дат.п. с глагольным управлением в разной степени распространен дат.п., не имеющий тесной связи с другими членами предложения, называемый в чехословацкой лингвистической традиции "свободный дательный" (voľný, neviazaný datív). Это сложные синтаксические конструкции, преимущественно глагольно-именные, где зачастую трудно определить, к каким членам предложения тяготеет свободный дат.п. А. Пешковский называл его падежом, свободно вступающим в связь с глаголом¹, а Ф. Копечны — "обобщающим названием для всех остальных видов дательного разнообразного характера"². Чехословацкие лингвисты (Вл. Шмилауэр, Э. Паулини, Я. Оравец, Ф. Мико и др.³) рассматривают в рамках свободного дат.п. обычно 4 типа значений: 1. *commodi et incommodi* (пользы и вреда), 2. *possessivus* (принадлежности), 3. *perspektivus* (точки зрения), 4. *ethicus* (этический).

Не имея возможности остановиться здесь подробнее на каждой из этих разновидностей, заметим, что отдельные виды свободного дат.п. объединяются неким общим (в широком понимании) значением, которое может быть инвариантизовано как значение пользы, заинтересованности, важности результатов действия для лица, выражаемого дательным. "Основное значение свободного дат.п. — выразить последствия глагольного действия для живых существ... Они могут иметь для лица значение выгоды (невыгоды), смысловые отношения между ... названием лица и предмета, охваченного действием, могут давать дательному значение... принадлежности, он может также иметь своеобразную функцию (дательный точки зрения, дательный этический)"⁴.

Наш интерес привлекла такая разновидность свободного дат.п., как дательный посессивный (ДП).

ДП как способ выражения посессивных отношений широко

распространен в южнославянских языках, для западнославянских же он ранее или не упоминался, или рассматривался как маргинальный; между тем нам представляется, что он представлен там достаточно широко. Следует отметить, что в последнее время интерес к ДП (в частности, в языках карпатобалканской зоны) активизировался ⁵.

Наряду с такими наиболее распространенными способами выражения принадлежности, как притяжательные местоимения и прилагательные, а также дательный принадлежности, в славянских языках используются и менее универсальные способы, употребление которых ограничено стилистически. Это конструкции с предлогом у + род.п. в русском, конструкции с предлогами на, от/од в южнославянских языках, а также некоторые другие. Одним из таких факультативных вариантов выражения принадлежности является ДП для южнославянских языков это регулярный способ передачи отношений между посессором и объектом обладания, употребляемый как в чисто именных конструкциях: болг. баща му, синът им, так и в глагольно-именных: болг. изписа ми тетрадката; познаха му почерка; с.-хорв. поге јед клецају, сице му залупа. Подобные синтаксические конструкции подробно анализировались и в семантическом, и в синтаксическом отношениях ⁶, в то время как аналогичные структуры в западнославянских языках еще не привлекли столь пристального внимания. Более того, некоторые исследователи выражают сомнения в самом их существовании. Так, П. Пита в статье с характерным названием "Существует ли дательный посессивный?" ⁷ пишет: Очевидно, что посессивное значение дательного грамматически никак не обосновано. Он выделяется на основании содержания разбираемых конструкций, и главную роль в его описании играет лексическое значение этих конструкций." В связи с этим близкие конструкции рассматриваются разными авторами по-разному, в частности, дательный при глаголах о оттенком коммодальности (типа "родиться - освободить - вылечить" и "умереть - заболеть - убить") многие исследователи трактуют как дательный коммоди (например, Ф. Копеч-

ны, Ф.Мико, Вл.Шмидлауэр⁸). Тем не менее собранный нами материал (в основном эксерпированный из беллетристики и прессы, а также полученный при непосредственном наблюдении живой речи) словацкого, в меньшей степени – чешского и польского языков, позволяет уверенно говорить о существовании ДП в этих языках. Представляется возможным достаточно четко очертить как набор наиболее характерных синтаксических конструкций, в которых он выступает, так и то, принадлежности какого рода и сколь часто он выражает.

В словацком языке ДП встречается в основном в пяти синтаксических конструкциях (напомним, что речь здесь идет о достаточно свободной связке). Объект обладания может выступать в следующих падежах (приводим в порядке частотности употребления):

1. Им.п. в функции подлежащего: *ruka mi bezvládne ovieno; všetko zlato sa tým zbojníkom pomínulo; Staňovi ožila tvár; aj letcovi sa telo zapáli; mladí nám rastú; kde sú vám paruče? otec ti žije?*

2. Косвенные падежи с предлогами:

ТВ.П. + *o, pod, pred, za*: *otcovi sa zotmelo pred očami; zbierka básní vám leží pod nohami; hovorila som ti v matkou;*

предл.П. + *na, v*: *všetko vám v hlave stojí na správnom mieste; ten jej hladno zízal na nohy; na knižke sa im nakopili peniaze;*

род.П. + *do, z*: *ktosi nám vbieha do rozhovoru; do kolien sa chlarcom odtlačila tráva; dymilo sa mu z úst; vak mu skízne z rúk;*

дат.П. + *k*: *padol otcovi k nohám; prsia mi k ústam ako hrušky kladieš;*

вин.П. + *cez, o*: *kráva nám preliezla cez plot; rebrík sa mu opieral o chodidlá;*

3. Вин.п. в функции дополнения: *operovali mu dcérku; rosa mi zamokрила kolená; syna ti zatkli; boxer mu chytil rúrku; budú ti kravu pást' až do večera; vyprala mu aj košeľu; kto mi ho zabil?*

4. Реже ДП встречается при тв.п. в функции обстоятельства места, причем все отмеченные нами случаи совпадают с так наз. дательным пациенца, когда действие охватывает часть тела лица, обозначаемого дательным посессивным, его умственную и психическую сферу и т.д.: *úsmev prebehne mu tvárou; brúcom drakovi prešla krč; to preletelo Arpádovi hlavou.*

5. Наконец, совсем редко (почти исключительно в диалектах или просторечии) ДП выступает при дат.д. в функции косвенного дополнения, так что дательным здесь выражен не только посесер, но и объект его обладания: *odradla mi koničkovi podkova; poviem ti matke; hlavičke ti nie je zima?; odovzdal som mu to kamoňke; čo ti je tej trúbe, jaj, pre Hospodina?*

В известной нам литературе подобные конструкции в словацком не отмечены (так, Т.Н.Молошная, отмечая наличие их как устаревших в с.-хорв., говорит об их отсутствии в рус. и других славянских⁹). В чешском и польском мы их также не обнаружили.

6. Спорадически объект обладания при ДП может выступать и в других падежах, напр., в род.п.: *chutil sa materi sukne.* Однако число этих конструкций столь незначительно, что, взяты вместе, они не составляют и одного процента от собранного материала.

За рамками этой классификации остаются достаточно редкие сложные глагольно-именные конструкции, когда посессивный характер выступающего в них ДП очевиден, однако менее очевидно то, к какому именно члену он тяготеет. Иногда его можно соотнести с двумя словами: *halenka mu trčala z nohavíc; gamba jej až na bradu visela; fajka mu ležala vo vrecku; hlava jej pomaličky klesá na prsa,* а иногда (скорее в виде парадокса) — сразу с несколькими: *krv mu tebie vskadesi z nohy po lýtku do toránku.*

Впрочем, как отмечает Т.Н.Свешникова, анализируя ДП в рум. яз., "случаи синтаксической омонимии достаточно редки"¹⁰. Поэтому они представляют интерес не сами по себе, а как случаи максимального ослабления связи ДП с предложе-

нием: ведь если некая форма связана одновременно с несколькими другими, то связь с каждой из них в отдельности уменьшается. Противоположный "полюс", где связь ДП с названием объекта обладания наиболее ощутима, — это первая и наиболее распространенная из рассмотренных конструкций, где этот объект выступает в именительном падеже. Своеобразие этого типа дативных конструкций обусловлено его употреблением при главных членах предложения, так что он находится не на периферии действия, а в его центре и не является объектом этого действия, поскольку оно на него не направлено. В этом случае ДП не могут рассматриваться как дополнение или обстоятельство при глаголе, скорее они выступают в функции определения при подлежащем. Здесь они синонимичны притяжательным местоимениям или прилагательным (конечно, лишь функционально, но не стилистически, ведь "трансформации с сохранением смысла почти невозможны" II). Особенно явственна адноминимальная позиция ДП в тех случаях, когда сказуемое выражено глаголом *but'*, т.е. играет чисто формальную роль, не имея никакого лексического значения, кроме экзистенционального: *kde ti je otec - kde je tvoj otec; kde sú vám raruče - kde sú vaše raruče*.

Остановимся на семантике посессивных отношений, могущих быть выраженными ДП. Для западнославянских языков этот вопрос исследовался мало; так, Вл. Шмилауэр пишет, что ДП употребляется при "а/ названиях частей тела (около 60%), б/ при названиях частей одежды, в/ при прочих названиях"¹². Представляется, что этим далеко не исчерпывается все разнообразие посессивных и близких к ним отношений. В работах, появившихся в последнее десятилетие и посвященных проблемам посессивности, подробно исследуется семантика посессива, предлагаются интересные и подробно разработанные схемы, классифицирующие как содержательный аспект притяжательных отношений, так и средства их выражения. Несмотря на всю убедительность подобных классификаций, в нашем случае они представляются излишне усложненными и перегруженными. Нам кажется целесообразным выделить следующие разряды по-

сессивов.

Прежде всего, это посессивные отношения в собственном смысле слова, когда речь идет об отчуждаемой принадлежности, о собственности. Далее, столь же большую массу объектов обладания составляют объекты из так называемой сферы лица (по Балли) ¹³ - названия частей тела, психофизических особенностей (свойства внешности, характера, духовного и чувственного мира человека, а также иные отправления и проявления человеческого организма и т.д.), связанные с посессором отношения неотчуждаемой принадлежности.

Именно эту группу некоторые исследователи выделяют как дательный падежа, когда глагол обозначает "действие, затрагивающее (чаще всего физически) часть объекта и тем самым - объект в целом" ¹⁴. Заметим, что к сфере лица обычно относят также имена родства и некоторые иные имена релятивной семантики. Нам, однако, представляется целесообразным рассмотреть их отдельно - ведь здесь мы имеем дело уже не с абсолютной неотчуждаемостью, как при названиях, связанных с телом, психикой, душой и т.д., а уже с относительной или окказиональной неотчуждаемостью, по принятой терминологии; более того, в этих конструкциях лицо, выраженное дательным, нельзя в строгом смысле слова назвать посессором, а отношения между ним и объектом - посессивными. Возможно, здесь уместнее было бы говорить об отношениях взаимосвязи или взаимодействия. В любом случае, дательные конструкции с такими одушевленными именами стоит выделить в отдельную группу. Сюда же мы отнесем конструкции, передающие отношения человека со взаимодействующими с ним внешними явлениями: пространством, временем, различными событиями и т.д.

I. Отношения принадлежности

I. Отчуждаемая принадлежность

Ia. в качестве объекта обладания чаще всего выступают одежда, обувь и т.д. (что также включают иногда в "сферу лица"): *raz som jej polial blúzku; krpce sa nám zošiverili; sukňa sa jej roztrepotala; kabaňa mu zmokne.*

1б. другие объекты обладания: dobré kone im podochli; nebude ti ovsíček dozrievat'; Život pochová to ľutňu.

2. неотчуждаемая принадлежность

2а. объекты обладания - чаще всего части тела человека (или животного): sama mu umyla ruky a tvár; to mu srdce hovorí; z prs Viere odznel vzdych; iba koniec chvosta mu vysnieval.

По аналогии с этим употребляется и дательный неодушевленных предметов по отношению к их частям: týmto strohom už zhnedlo lístie; jablňň volá: všetky jabĺčka mi už dozreli.

2б. понятия, связанные с психофизическими свойствами человека - внешностью, складом характера, духовным миром, менталитетом и самой жизнью: zraky sa nám skrižovali; zovňajšok sa mu ani nezmenil; rozumnosť zaúzdí ľlovekovi túžby; hlas mu preskakuje; bude ti po živote ! ; vyslobodila sa mu z objatia.

3. окказиональная неотчуждаемость, связанная с предметами труда человека, его произведениями и т.д.: konešne mu tá kniha vyšla; poviedku vám schválili; a uverejnili niečo aj šéfovi?

П. Отношения взаимосвязи

4. отношения взаимосвязи между людьми

4а. родственные отношения: otec mi je chorý; šovkoro ti zomrie aj mat'; žena Pet'ovi je v rbrodnici; syn sa nám oženil.

4б. отношения, определяемые общественными, коллегиальными и окказиональными связями: ochorel nám riaditeľ; prečo vám rap zasral?

5. отношения человека с явлениями и предметами внешнего мира, с которыми он вступает во взаимодействие

5а. время и пространство: čas nám plynie; mesiac sa mi už rominul; už mu tretí rok vychádzal; zastali mu do oesty; do okolia nám ktosi prišiel.

5б. разнообразные события (часто торжественные): idem mu na hostinu; šoby sme nemohli íst' na veselie mňjmu

bratovi?

Мы отказались от параллельного рассмотрения чешского материала, поскольку, несмотря на кажущееся сходство ситуаций, область употребления ДП представляется здесь несколько более узкой, чем в словацком: отсутствуют некоторые синтаксические конструкции (напр., ДП при дат.п.), ДП реже употребляется при вин.п. (не *viděl jsem ti matku*, а *viděl jsem tvou matku*). Однако для выявления четкой картины употребления дативных и иных посессивных конструкций в одних и тех же условиях в двух этих языках необходимо провести частотный анализ, что выходило за рамки нашего исследования. Во всяком случае, можно уверенно утверждать, что ДП распространен в чешском достаточно широко в рамках тех же 4 основных конструкций, что и в словацком:

1. при им.п. *slova se mi plétla; tělo se mu stočilo směrem nazad; dívkám i ženám už ušchli rukavce; otec vám zemřel.*

2. при косв.п. с предлогами: *nedívala se mi na břicho; položil mi knihu do aktovky; pes se mi přitiskl k noze.*

3. при вин.п.: *ten smích mi křivil duši; vrbě pruty ořežou; měl jsem chut' stisknout mu ruku.*

4. при тв.п.: *její hlas zněl mi raměti.*

Как видно, ДП представляет собой живое и продуктивное явление словацкого и чешского языков, передающее самые разнообразные типы посессивных отношений – как отчуждаемой принадлежности, так и неотчуждаемой, а также сходные с ними отношения, традиционно причисляемые к посессивным, но выражающие не собственно принадлежность, а близкие к ней отношения взаимосвязи и взаимодействия человека с предметами, явлениями и лицами окружающего его внешнего мира, в которые он вступает в процессе своей жизнедеятельности.

Несколько слов о польском языке. Область употребления ДП здесь значительно сузилась в связи с "преобразованием польского дательного в предложные формы" ¹⁵, исчезли дательный пользы, а также многие виды дательного с глаголь-

ным управлением. В грамматиках польского языка ДП если и рассматривается, то как устаревший, однако в работах сравнительного характера польский материал привлекается¹⁶. В самом деле, нельзя обойти вниманием употребление ДП в польском языке - чаще всего при объекте в вин.п., а также в разнообразных предложных конструкциях. ДП при подлежащем встречается лишь в поэтической речи или как архаизм: *wpraw, by mi serce było gniewem.*

1. при вин.п. *otarła mu czoło; tamta pani wychowała nam chłopcę; mocno ucisnęła mu rękę; Tadek rozwarł mu dłoń.*

2. при косв.п. с предлогами: *tluste ręce wczepiły mu się w ubranie; to mi bardzo leży na sercu; litość podchodzi mu pod gardło.*

Несколько менее разнообразна и семантика посессивов о ДП в польском: в большинстве своем - это ДП при объектах из сферы лица, а также при объектах материальной сферы (собственно посессивные отношения). Однако к определенным выводам можно будет прийти лишь после подробного рассмотрения условий употребления в словацком, чешском и польском как ДП, так и синонимичных ему посессивных конструкций. Заранее можно сказать, что в этой системе ДП занимает стабильное место, не являясь, как это иногда считают, лишь стилистическим или диалектным вариантом более универсальных форм выражения посессивности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. - С. 301.

2. Kopečný F. Základy české skladby. - Praha, 1962. - S. 221.

3. Smilauer V. Novosloveská skladba. - Praha, 1966. - S. 60; Paulíny E., Ružička J., Stolc J. Slovenská gramatika. - Bratislava, 1963. - S. 122; Oravec J. Vázba sloviel v slovenčine. Bratislava, 1967. - S. 138; Miko F. Rod, číslo a rád podstatných mien. Bratislava, 1962. - S. 185.

4. Ibid.

5. Подробнее об этом см.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. - М., 1983; Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. - М., 1986.

6. Напр., в работах Т.Н.Молошной: Посессивные конструкции в болгарском языке // Категория притяжательности... С. 64-69; Она же. Посессивные синтаксические конструкции в сербохорватском языке // Славянское и балканское языкознание... - С. 179-188.
7. Pitha P. Existuje datív posesívni? // Slovo a slovesnost. 1971, - С. 4.- С. 304.
8. Op. cit.
9. Посессивные синтаксические конструкции...- С. 186.
10. Свешникова Т.Н. Об одном способе выражения посессивности в румынском языке // Славянское и балканское языкознание... - С. 206.
11. Там же.
12. Smilauer V1. Op. cit.- С. 223.
13. Bally Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes // Festschrift Louis Gauchat. Lausanne, 1926.- С. 68-78.
14. Молошная Т.Н. Посессивные синтаксические конструкции... - С. 183.
15. Brodowska M. Historyczne procesy przekształceń polskiego celownika w formy przyimkowe // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. I.- Warszawa, 1955.
16. Соловачева А.В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности; Она же. детерминация объекта обладания в связном тексте // Категория притяжательности...- С. 19-25; 26-32.

ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблеме выражения временных отношений в простом предложении, анализу типов значений и средств передачи обстоятельств времени в чехословацкой и советской лингвистике посвящена обширная литература¹. Данная проблематика рассматривалась и в сопоставительном плане на материале русского и чешского языков, ср., в работах Н.А. Пашенко, И. Кучеры, К. Трнки, Е. Кжижковой, Й. Штепана и др.² Вместе с тем некоторые аспекты этих отношений, в частности, такой фрагмент системы временных значений как прямое единичное время, полностью занятое действием (например, читал два часа), основным средством выражения которого в русском и чешском языках служат формы имени существительного, сопоставительному анализу в названных языках не подвергался.

На материале русского языка классификация значений и средств выражения данного фрагмента функционально-семантической категории именной темпоральности была разработана М.В. Всеволодовой³. С опорой на эту классификацию в статье будет проведен анализ системы значений прямого единичного времени, полностью занятого действием, рассмотрен ряд подзначений (и средства их выражения), формирующих данную систему в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским.

Понятием "прямое единичное время, полностью занятое действием", мы характеризуем такие отношения, когда действие, процесс, состояние, выраженные распространяемым компонентом (предикатом), заполняют названный в именной группе временной отрезок полностью, от первой до второй границы: *četl knihu hodinu* / читал книгу час. Кроме данного основного значения, в котором актуализируется протяженность действия в течение указанного времени, безотносительно к его завершенности, в систему значений прямого единичного времени, полностью занятого действием, входят также:

а) значение завершения действия по истечению указанного промежутка времени: přečetl za hodinu / прочитал за час; б) значение постепенности протекания действия: v léty zdokonaloval své umění / с годами совершенствовал свое мастерство; в) значение оценки действия: краткости протекания действия: uviděl jsem ho na chvíli / я увидел его на минуту; и длительности протекания действия: po léta sbíral tyto materiály / он собирал эти материалы годами. В чешском и русском языках, как показывает анализ, системы значений прямого единичного времени, полностью занятого действием, совпадают. При этом каждое из указанных подзначений как в русском, так и в чешском языке имеет свои особые средства выражения. Ограниченные рамки статьи не позволяют провести сравнительный анализ функционирования средств выражения всех названных значений рассматриваемой системы, поэтому остановимся на анализе значений прямого единичного времени, полностью занятого действием, без указания на завершенность (1) и прямого единичного времени, полностью занятого действием, со значением оценки: краткости (2) и длительности (3) протекания действия.

Основным средством выражения значения прямого единичного времени, полностью занятого действием, в чешском и русском языках являются именные темпоральные группы (далее) ИТГ), имеющие определенную структуру и материальный состав. Под структурой ИТГ понимается ее компонентный состав, а именно: форма числа имени существительного, наличие позиции (факультативной или обязательной) для определения, при наличии определения – его тип. Под материальным составом ИТГ понимается – классы слов существительных и определений и отдельные существительные и определения, выступающие в данной именной группе⁴. Например: Slíbil mi, že Anděla bude v Poděbradech p ř e s c e l é l é t o (в.р.), где структуру ИТГ составляют предлог (přes), имя существительное (léto) с согласованным определением (celý) в форме Вин.п. ед.ч., а материальный состав – имя существительное, относящееся к классу слов "названия вре-

мен года" и имя прилагательное со значением полноты охвата временного отрезка действием. Именно материальный состав именной группы определяет выбор говорящим той или иной ИТГ из синонимико-вариативного ряда при построении высказывания. Синонимическими и взаимозаменяемыми мы называем абсолютно тождественные по значению (но не по стилистической окраске), имеющие сходную структуру ИТГ. Например, синонимическими являются ИТГ беспредложный Вин.п. (далее Свин.п.) и бѣhem + Род.п. с согласованным определением celý в чешском языке: čekal celý den / bĕhem celého dne; celýx šest let / bĕhem celýx šesti let; celé ty dni / bĕhem celýx těch dni; celé 17. století / bĕhem celého 17. století; celou dobu / bĕhem celé doby; celou noc / bĕhem celé noci; celý život / bĕhem celého života, при этом ИТГ Свин.п. относится к нейтральному, а ИТГ бѣhem + Род.п. - к книжному стилю. Вариативными мы называем тождественные по значению, но различные по материальному составу ИТГ. Например, вариативной к названным выше является ИТГ рĕв + Вин.п., в составе которой с согласованным определением celý в значении прямого единичного времени, полностью занятого действием, не употребляются названия временных единиц в количественно-именных сочетаниях и во мн. числе (* čekal rĕv celýx šest let, rĕv celé ty dni), названия неопределенных отрезков времени (* čekal rĕv celou dobu).

В качестве распространяемого компонента в темпоральных конструкциях указанного значения в русском и чешском языках употребляются валентные (лексического и аффиксного типов) и авалентные глаголы. Для темпорально-валентных глаголов лексического типа вид не релевантен - ИТГ могут вводиться глаголами несов. (НСВ) и сов. (СВ) вида. Ср.: Celé večery jsem trávil v Adriennou (J.N.) 'Все вечера я проводил с Андриенной'; ...kdyby byl strýc chtěl, mohl zde strávit měsíc, ale taky rok (J.M.) 'если бы дядя захотел, он мог бы здесь провести и месяц или год'; Tajemství zůstalo na

nějaký čas tajemství (V.C.) 'Тайна осталась на некоторое время тайной'; ...bylo to čestné místo, jež zůstal o celou dobu neobvaženo (J.Kad.) '... это было почетное место, которое все время оставалось незанятым' и др. Темпорально-валентные глаголы аффиксного типа - глаголы СВ ограничительного, финитивного, уменьшительного, многократного, интензивного, накопительного, завершительного способов глагольного действия. Ср.: Poslední noci proplakala a propočítala (J.M.) 'Последние ночи она проплакала и пропрочитала'; Studenti dobrovolně otrabotali 20 hodin (инф.) 'Студенты добровольно отработали 20 часов'; zdřímnout si na chvíli (инф.) 'вдремнуть на минуту'; tatínek celé dny vrával (инф.) 'отец спал целыми днями'; Всю войну не плакивал (Балов) и др. Семантическую валентность на время как в русском, так и в чешском языках имеют экзистенциальные глаголы být / **быть**, existovat / **существовать**, žít / **жить**: В улу жаме там 2 hodiny 'Мы были там два часа'; Šest let žila uprostřed divočiny (J.K.) 'Шесть лет она жила в глуши'. ИТГ рассматриваемой семантики могут распространять авалентные глаголы НСВ (например: Ještě tak dvě minuty díval na vzorky (J.Š.) 'Еще минуты две он смотрел на образцы'), а также СВ, но глаголы СВ в этом случае должны быть употреблены при отрицании (например: Celý den se ani neukázal (инф.) 'За весь день он ни разу не зашел'.

В статье мы рассматриваем только приглагольную позицию ИТГ, хотя данные темпоральные распространители могут выступать и в приименной: ...že se bude muset smířit v Markovou nepřítomnosti po celý život (B.Ř.) '...что она должна будет смириться с отсутствием Марка в течение всей жизни', приадективной: Chybí nám tu pevná ruka, zažaloval pan Šustr v upřímnosti lidí po celý den o přílych (J.M.) 'Нам здесь не хватает

твердой руки", - жаловался пан Шустр с искренностью людей целый день п ь я н ы х', примаречной позиции: Pře kvárilo mě, že l z e celý rok dostat čerstvé nesezonní ovoce (J.N.) 'Меня удивило, что м о ж н о весь год получить свежие несезонные фрукты'.

I. При выражении прямого единичного времени, полностью занятого действием, без указания на завершенность в русском и чешском языках употребляются ИТГ: один.п., в течение, на протяжении + Род.п. (в русском языке), один.п., ро + Вин.п., přes + Род.п., během + Род.п., v průběhu + Род.п. (в чешском языке). Специфической для выражения названного значения в сравниваемых языках является ИТГ один.п. (pracoval hodinu / работал час), употребляемая как в литературном языке, так и в разговорной речи. Употребление ИТГ ро + Вин.п., přes + Вин.п., během + Род.п. в чешском литературном языке более свойственно книжному стилю, ИТГ v průběhu + Род.п. - языку публицистической литературы, ИТГ ро dobu + Род.п. является книжной, устаревшей, но употребляющейся в языке научной и художественной литературы. И в русском, и в чешском языке в составе конструкций, выражающих значение прямого единичного времени, полностью занятого действием, без указания на завершенность, имена существительные могут употребляться как с определениями (согласованными и несогласованными), так и без них. Без определений в сравниваемых языках могут выступать все названные ИТГ, в состав которых входят: а) названия временных единиц (chvíle / минута, hodina / час, den / день, týden / неделя, měsíc / месяц, rok / год и др.), б) названия определенных отрезков времени (století / столетие, tisíciletí / тысячелетие и др.), в) названия частей суток, времен года, месяцев (noc / ночь, zima / зима, leden / январь и др.), г) слова, не имеющие лексического значения времени (život / жизнь, cesta / дорога, válka / война и др.). Однако не каждая ИТГ оводно включает в свой состав любой из приведенных классов слов. Большое значение для функци-

онирования ИТГ имеет также форма числа имен существительных. Синонимическими в чешском и русском языках являются ИТГ Вин.п., в течение, на протяжении + Род.п.. Остальные ИТГ находятся с данными именными группами и друг с другом в отношениях вариативности. Ср.: работал месяц / в течение месяца /pracoval měsíc / přel měsíc / v průběhu měsíce / ro dobu měsíce; работал два дня / в течение двух дней /pracoval dva dny / ro dva dny / během dvou dní / v průběhu dvou dní; сохраняться столетие / на протяжении столетия /uchovávat se během století; ...a protože se vlastně ro dvě stáletí nevytvářela česká věda, vymizela mnoha slova a jazyk neměl dost prostředků pro vyjadřování nových pojmů a představ (L.) '...и так как, собственно, в течение двух столетий чешская наука ничего не создавала, многие слова исчезли, и язык не имел достаточных средств для выражения новых понятий и представлений' / během dvou století / v průběhu dvou století / ro dobu dvou století; šest dní a nocí nelze odtáhnout od ohně (в течение шести дней и ночей)' / přel šest dní a nocí; ночь не спал / в течение ночи не спал / nespal přel noc / během noci nespal; obchod se organuje ro dobu srpna, září, října a listopada; следовательно на протяжении и следствия даже мысли не допускал, что... (Изв.)' v průběhu vyšetřování si ani myšlenku nepřipouštěl na to, že...' (během / ro dobu vyšetřování) Отметим, что ИТГ по + Вин.п. с именем существительным без определения выступает крайне редко - только в том случае, когда названия временных единиц и определенных отрезков времени употребляются в количественно-именных сочетаниях (ro dva dny, ro

dvě století). ИТГ přes + Вин.п., передает рассматриваемое значение только при ед. числе имен существительных - названий временных единиц и частей суток, времен года, месяцев. В том случае, когда имя существительное употреблено в количественно-именных сочетаниях (přes dva dny) ИТГ přes + Вин.п., имеет значение приблизительной меры времени - больше указанного промежутка времени: *Národ, který uchoval přez pět set let poby své duchovní statky není temný* (М.Ружм.) 'Народ, который более пяти сот лет сохранял свои культурные ценности... не является темным'.

Из согласованных определений наиболее употребительным в чешском языке является определение celý, соответствующее определению весь в русском языке⁵. Данные определения передают значение полноты охвата временного отрезка действием, Вместе с тем, они не являются календаризирующими, поэтому при названиях временных единиц и определенных отрезков времени определения celý и весь выступают в сочетании с порядковыми числительными, например: *Na Slovensku pracovali po celé 17. století cizí malíři* (Č.pr.) 'В Словакии в течение всего семнадцатого столетия работали иностранные художники', словами со значением последовательности временных отрезков типа прошлый / *minulý*, будущий / *budoucí*, последний / *poslední* и др., например: *Celý druhý den ho vyšetřovali* (J.N.) 'Весь следующий день его обследовали', несогласованными определениями, например: *...celý týden po tom, co byla v Praze, nedal o sobě vědět* (J.K.) 'Всю неделю после того, как она была в Праге, он не дал о себе знать' определениями этот / *ten*, например: *Co jsi dělal celý ty dny, co jsme se neviděli?* (J.Kad.) 'Что ты делал все эти дни, что мы с тобой не виделись?' Определение весь / celý сочетаются со всеми классами имен существительных, названными выше, а также с названиями неопределенных отрез-

ков времени (время / doba, čas и др.) в любой форме числа (ед., мн. число, количественно-именные сочетания) в составе ИТГ Обин.п., в течение, на протяжении + Род.п. в русском языке и ИТГ Обин.п., po + Вин.п., během + Род.п., v průběhu + Род.п. в чешском языке. Данные ИТГ являются синонимическими. В отношениях вариативности к ним находятся ИТГ ргов + Вин.п., po dobu + Род.п., не допускающие сочетаний определения celý с именами существительными - названиями неопределенных отрезков времени, ИТГ po dobu + Род.п., в составе которой невозможно сочетание с словами, не имеющими лексического значения времени. Необходимо отметить различия в стилистическом употреблении чешских ИТГ, возникающих при введении в их состав определения celý. ИТГ Обин.п. активно употребляется и в письменной, и в разговорной речи, ИТГ po + Вин.п. - в языке художественной литературы (менее активно - в разговорной речи), употребление ИТГ ргов + Вин.п., během + Род.п., v průběhu + Род.п., po dobu + Род.п. с названной структурой отмечено информантами как возможное, но относящееся к высокопарному стилю (*žroubovaný sloh*).

Несогласованные определения входят в состав ИТГ рассматриваемого значения Обин.п., в течение, на протяжении + Род.п. в русском языке, Обин.п., po + Вин.п., během + Род.п., v průběhu + Род.п., po dobu + Род.п. в чешском. Данные определения как в русском, так и в чешском языке могут обозначать: а) целое, частью которого является названный стержневым словом или словосочетанием отрезок времени (например: *několik dní v pověš gosé* / несколько дней нового года); б) процесс, действие, предмет, временная протяженность которого указывается стержневым словом или словосочетанием (например: *půl století agrese* / пол столетия агрессии). Несогласованные определения выражаются: I) в чешском языке - именем существительным в Род.п. с предлогом v (например: *několik dní v pověš gosé nedostával noviny* 'не сколько дней нового года он не получал

газету); 2) в чешском и русском языках - Род.п. без предлога (например: *děsát let nové cesty* 'десять лет нового пути'); 3) названиями неопределенных отрезков времени (например: *celou dobu vězňepí se od něho Marek odvrátil a mlčel* (В.Ř.) 'в все время заключения Марек отворачивался от него и молчал'; *optimismus, který ho provázal po celý čas jeho vzestupu* (В.Ř.) 'оптимизм, который сопровождал его в течение всего времени его восхождения'); 4) словами, не имеющими лексического значения времени (например: *po dobu života celého rokolení (= během života celého rokolení) naše země stále valčí* (R.pr.) 'на протяжении жизни целого поколения наша страна находится в состоянии войны'); 5) придаточными предложениями с союзом что /со, когда/ *kdy, пока / dokud*: *Sokrates pravil: "Po celou dobu, co tu spolu vedíme a věčefíme, ne já vás, ale vy roučijete mne* (J.T.) 'Сократ говорил, - "В течение всего времени, что мы здесь сидим и ужинаем, не я вас, а вы меня учите"; *Když jsem poprvé slyšel, že budete celou dobu, dokud neparadně sníh, lovit veverku, byl jsem rozladěn...* (J.K.) 'Когда я в первый раз услышал, что мы будем все время, пока не ляжет снег, ловить белок, я был расстроен'; *Zlobilo ho to celou dobu, kdy vral* (J.N.) 'Его это злило все время, пока он спал'.

В отличие от русского языка, где в качестве поясняющего стержневого слова или словосочетания используются отглагольные имена существительные, чешский язык чаще прибегает к несогласованным определениям, выраженным придаточными предложениями с союзом со. Ср.: *po dobu 25 let, co rapoval K.M., v jeho mládí byl rofadek* 'в течение 25 лет царствования

К. М. в его владениях был порядок'; Mariana bydlela se-
lúsch v městě, so byli němci v
těchto krajích, na humpách, v stodole (R.
pr.) 'Мариана все восемь месяцев в пре-
бывания немцев в этих краях жила
на задворках, в риге'.

2. Прямое единичное время, полностью занятое действи-
ем, оцениваемое как краткое, в русском и чешском языках
выражается различными средствами - лексическими, глагола-
ми, специфическими ИТ. К лексическим средствам относят-
ся: 1) названия кратких отрезков времени: okamžik / мгно-
вения, vteřina / секунда, chvíle / минута и др. Okam-
žik seděla bez hnutí (J.K.) 'Мгновение она
сидела без движения'; 2) демиинутивы: hodinka / часок,
chvilka / минутка: Chvilku jsme jedly mléku (J.Š.)
'С минутку мы ели молча'. Ср. русск.: Я вздремну
ч а с о к; 3) определения: в русском языке считанные +
имя существительное во мн. числе; какой-нибудь, какой-то -
это длилось считанные мгновения; меня
не было каких-нибудь пяти минут; в
чешском языке krátký 'краткий', prchavý 'мимолетный',
malý 'малый' - znovu zahledl na prchavý
okamžik svůj bledý obraz (J.Kad.) 'он снова увидел
на мимолетное мгновение свое лицо';
Strávil s námi krátké dva dny (J.Š.) 'Он про-
вел с нами два кратких дня'; Marek je na rozra-
cích jen malou chvíli (B.Ř.) 'Марек колеблется к а-
кую-нибудь минутку'; 4) наречия и частицы:
всего, лишь, только / jen, jenom, sotva 'едва ли' перед
ИТ: díval se na ni jenom okamžik (J.M.) 'он
смотрел на нее только мгновение'; to trvá
jen okamžik 'это длится всего мгнове-
ние'; ...a až vladne sotva ratů dnu... (J.
T.) '...и хотя он правит едва ли пару не-
дель...'. В чешском языке отмечено употребление числи-
тельного jeden в составе оВин.п.: jednu chvíli se jí

zdálo, že... (J.K.) 'на минуту ей показалось, что...'; jednu chvíli neocitli vani (J.K.) 'на минуту они оказались одни'.

В качестве распространяемого компонента при выражении данного значения в русском и чешском языках выступают глаголы ограничительных и уменьшительных способов глагольного действия: ještě chvíli proveděli (J.Kad.) 'еще минуту посидели'; zadržímout si hodinku dvě 'вздремнуть часок другой'.

К специфическим средствам выражения краткости временного отрезка, полностью занятого действием, относятся:

1) Обвин.п. с постпозицией местоимения другой (в русском языке), числительного dvě (в чешском языке): raději si hodinku dvě povříti лучше часок другой го в поспи'; 2) на + Вин.п., распространяющий одноактные глаголы СВ (в русском языке): увидел на секунду; на мгновение возник; на + Вин.п., распространяющая глаголы НСВ и СВ (в чешском языке): Vyšlel na chvíli smíkl (J.Kad.) 'Обессиленный, он на минуту умолк'; Viděl ji na okamžik z profilu (J.Otč.) 'Он увидел ее на мгновение в профиль'.

3. Прямое единичное время, полностью занятое действием, оцениваемое как длительное, имеет в каждом из сравниваемых языков обязательные средства выражения. В качестве распространяемого компонента в русском и чешском языках выступают глаголы НСВ с процессуальной семантикой (pracovat / работать, stavět / строить, číst / читать и др.), а также специфические глаголы для выражения данного значения: а) тянуться, продолжаться, растянуться / zdržet se, protáhnout se, vléci se и др. (spor se protáhl na desítiletí 'спор затянулся на десятилетия'; б) глаголы ограничительного способа глагольного действия с приставкой про- / pro- Anděla propláče celou noc (B.Ř.) 'Ангела проплачет целую ночь'; в) страдательные причастия прош. времени НСВ с отрицанием:

'Дома грязь, не стирание месяцами белье.' (Л.г.)
doma blno špinu, po celé měsíce ne práne prádlo.

В качестве распространяющих компонентов в русском и чешском языках используются ИТТ: бВин.п., бТЬ.п., в течение, на протяжении + Род.п., бВин.п., ро + Вин.п. Без определения при выражении оценки длительности действия в составе названных ИТТ употребляются имена существительные - названия временных единиц и определенных отрезков времени во мн. числе: ИТТ бТЬ.п., бВин.п., в течение, на протяжении + Род.п., ро + Вин.п., бТЬ.п. (чешск.) являются синонимическими. Беспредложный Вин.п. в чешском языке находится с названными ИТТ в отношениях вариативности, т.к. употребление названий определенных отрезков времени в составе данной конструкции не отмечено. Ср.: to se nedá l é t a přecházet mlčením (J.M.) 'этого нельзя годами обходить молчанием'; ро l é t a stál v pozadí (J. T.) 'Многие годы он стоял в стороне'; Marek musí rázně odstrčit svou l é t u udržovanou vojákost (B.Ř.) 'Мареk должен решительно отказаться от своей годами сохраняемой воинственности'; ро е t o l e t í bojoval český lid za svou národní nezávislost (L.) 'о толетия (= столетиями, в течение / на протяжении столетий) чешский народ боролся за свою независимость', ср. книжное е t a l e t í - m i bojoval český lid.

Рассматриваемое значение передается в сравниваемых языках также лексическими и контекстуальными средствами. К лексическим средствам относятся определения целый / celý, долгий / dlouhý, добрый / hezký. Они выступают в русском языке в ИТТ бВин.п., бТЬ.п., в течение, на протяжении + Род.п., в чешском - бВин.п., ро + Вин.п. Введение названных определений в конструкции расширяет рамки использования классов и форм числа имени существительного при выражении значения длительности действия. Так, с определением целый / celý в русском и чешском языках употребляются: I) названия временных единиц в ед., мн. числе

и в количественно-именных сочетаниях – celo u h o -
 d i n u pracoval (р о celo u h o d i n u pracoval)
 / цел ь я час работал (в течение цело -
 го часа работал); cel é d v ě h o d i n u ve-
 d ě l (р о cel é d v ě h o d i n u ved ě l) / сидел
 цел ь х два часа (в течение цел ь х
 двух часов сидел); cel é h o d i n u v y k l á -
 d a l i (р о cel é d v ě h o d i n u v y k l á d a l i)
 'часами рассказывали' (в русском языке невозможно
 * цел ь е час ы рассказывали'); 2) названия опреде-
 ленных отрезков времени во мн.ч. – bojovali cel á
 v t a l e t í (bojovali р о cel á v t a l e t í)
 'цел ь е столетия боролись (цел ь ми сто-
 летиями боролись), на протяжении цел -
 ь х столетий боролись'; 3) названия частей
 суток, времен года – operoval celo u noc (ope-
 roval р о celo u noc) 'цел ую ночь опери-
 ровал'. В сочетании с определением долгий /dlouhý в со-
 ставе ИТГ на протяжении + Род.п., ро + Вин.п. употребле-
 ются также слова, не имеющие лексического значения време-
 ни – Takovú zůstal р о celo u d l o u h o u
 z p a t e š n í s e ě t u (R.рг.) 'Таким он остался на
 протяжении всей долгой дороги
 обратно'.

Из контекстуальных средств выражения длительности
 протекания действия отмечены: 1) в русском языке – повтор
 формы мн. числа имени существительного (процесс шел
миллионы и миллионы лет); 2) конструк-
 ция не один + Вин.п. /ne jeden + Вин.п. (ne jed -
 n o v t o l e t í s l o u ž í 'н е о д н о с т о л е -
 т и е с л у ж и т'); 3) наречия и наречные выражения напролет,
насквозь, креду, по меньшей мере, p ř i n e j m e n š í m (čekal
 p ř i n e j š e n ě í m rok 'о н ж д а л п о м е н ь -
 ш е й м е р е г о д'), местоимение t a k o v ú в чеш-
 ском языке, которому в русском соответствует числительное
столько (t a k o v á l é t a ve nevid ě l i (M.Pujm.)

'с т о л ь к о л е т не виделись').

Рассмотренные в статье фрагменты системы значений прямого единичного времени, полностью занятого действием, показывают, что в русском и чешском языках существуют как сходные, так и специфические для каждого из языков средства передачи этих отношений. Анализ всей системы категории именной темпоральности в сопоставительном плане позволит выявить особенности системы средств выражения обстоятельств времени в чешском и русском языках, что имеет большое значение, в частности, для преподавания этих языков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. См., в частности: Кржижкова Е. Темпорально-квантитативная детерминация глагола. // *Ceskoslovenská rusistika.* - 1966. - Roč. XI. - N 2. - S. 86-93; Křížková H. Adverbiální determinace s významem časovým a příčinným // *Slavia.* - 1967. - Roč. XXXVI. - N 4. - S. 507-531; Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. - М., 1975. - С. 284; Štěpán J. Čas ve větě a textu. - Praha, 1987. - 151 S.
2. Пашенко Н. А. Анализ и сопоставление способов выражения обстоятельственных значений в русском и чешском языках // *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics.* - Č. 3-4. - Praha, 1965. - S. 13-37, 26-61; Křížková H. K problematice kategorie času v ruštině a v češtině // *Ceskoslovenská rusistika.* - 1962. - Roč. VII. - N 4. - S. 195-200; Kučera H., Trnka K. Time in language. Temporal adverbial constructions in Czech, Russian and English. - Ann Arbor, 1975. - II 5 S.; Штепан И. Выражение временных значений в простом предложении в чешском и русском языках // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. - М., 1983. - С. 272-287.
3. Всеволодова М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: Автореф. дис. д-ра филол. наук. - М., 1982. - 40 С.
4. См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. - С. 15.
5. В составе ИТ1, выражающей значение прямого единичного времени, полностью занятого действием, без указания на завершенность, употребляются также и другие согласованные определения, в частности, определенный / určitý, какой-нибудь / nějaký, первый / první, трудный / těžký и др.

И с т о ч н и к и

Изв. - "Известия".

- Д.г. - "Литературная газета".
 V.C. - V. Cibula. Pražské pověsti. - Praha, 1972.
 Č.pr. - Československo A - Z. Průvodce na cesty. - Praha, 1977.
 J.Kad. - J. Kadlec. Balada o smutném boxerovi. - Praha, 1981.
 J.K. - J. Kozák. Lovcem v tajze. - Praha, 1983; Marian Radvaková a jiné osudy. - Praha, 1977.
 L. - Literatura pro I. ročník středních škol. - Praha, 1975.
 J.M. - J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů. - Praha, 1974.
 J.N. - J. Nesvadba. Tajná zpráva z Prahy. - Praha, 1981.
 J.Otč. - J. Otčenášek. Kulhavý Orfeus. - Praha, 1981.
 M.Pujm. - M. Pujmanová. Lidé na křižovatce. - Praha, 1979.
 R.pr. - Rudé právo. 1980.
 B.Ř. - B. Říha. Předemnou poklekní. - Praha, 1972.
 J.T. - J. Toman. Sokrates. - Praha, 1975.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О т р е д к о л л е г и	3
Е.И.Демина. К теории сопоставительных исследований по грамматике	4
А.Г.Широкова. Проблемы сопоставительного изучения образно-экспрессивного употребления форм грамматических категорий	15
М.В.Всеволодова. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида	36
Д.Н.Смирнов. О некоторых проблемах сопоставительной славянской аспектологии	49
С.А.Лебедь. Глагольная лексика иноязычного происхождения в славянской видовой системе (к принципам сопоставительного анализа)	69
М.А.Осипова. Морфемная структура слова и мотивационные отношения "имя" - "глагол"	81
М.И.Ермакова. Синхронно-сопоставительная характеристика категории залога в серболужицких и русском литературных языках	88
Т.Н.Молошная. Об аналитических формах сослагательного наклонения в славянских языках	114
Т.В.Попова. Глагольная основа в славянских языках в аспекте морфологии	130
Л.Э.Калнынь. К проблеме выделения морфологических признаков (на материале русских и украинских диалектов)	146
А.В.Головачева. Семантические функции падежа в посессивных структурах	155
Е.Н.Овчинникова. Один из видов свободного дательного в словацком языке (сравнительно с чешским и польским)	168
Ю.Е.Стемковская. Выражение временных отношений в структуре простого предложения (на материале русского и чешского языков)	178

Утверждено к печати Институтотом славяноведения и балканистики
АН СССР

Подп. в печ. 18.06.90. А-04672. Формат 60x84/16. 10 п.л.
8,50 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 1р. 30к. Заказ № 81

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

